

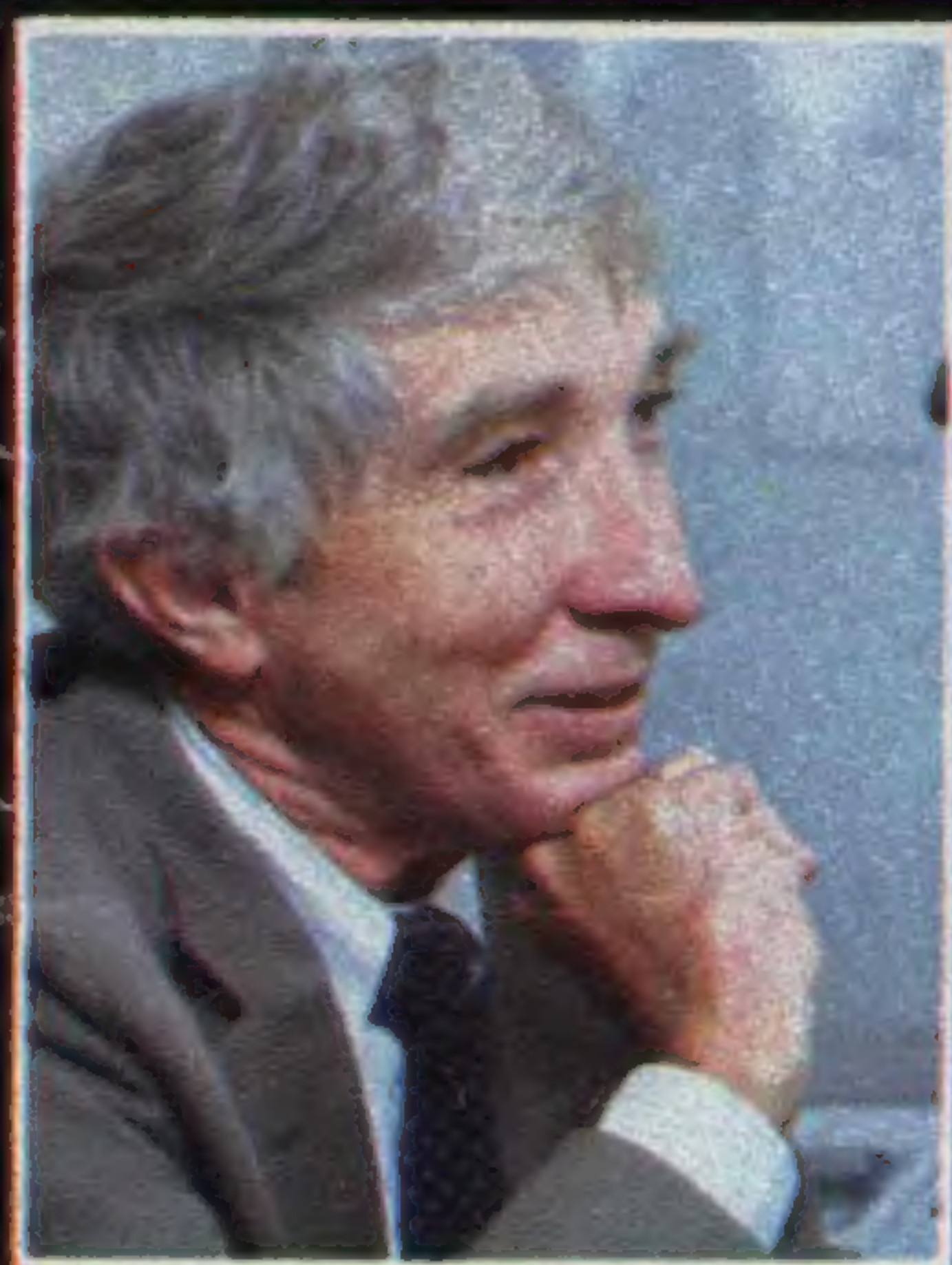
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 29 ИЮЛЬ 1988



**ДВОЕ
ИЗ «МИРА ИСКУССТВА»**



**ДЖОН АПДАЙК:
ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ
ВСЕХ ПИСАТЕЛЕЙ**

**ДНЕВНИКИ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**



**ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ
КАЗАНИ**



**РОДИТЕЛЬСКИЙ
ДОМ—
НАЧАЛО НАЧАЛ**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 29 (3182)

16 — 23 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Аист — привычная птица для сел Борки и Витули, где живут 32 матери-героини. (См. в номере материал «Борковский феномен».)
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

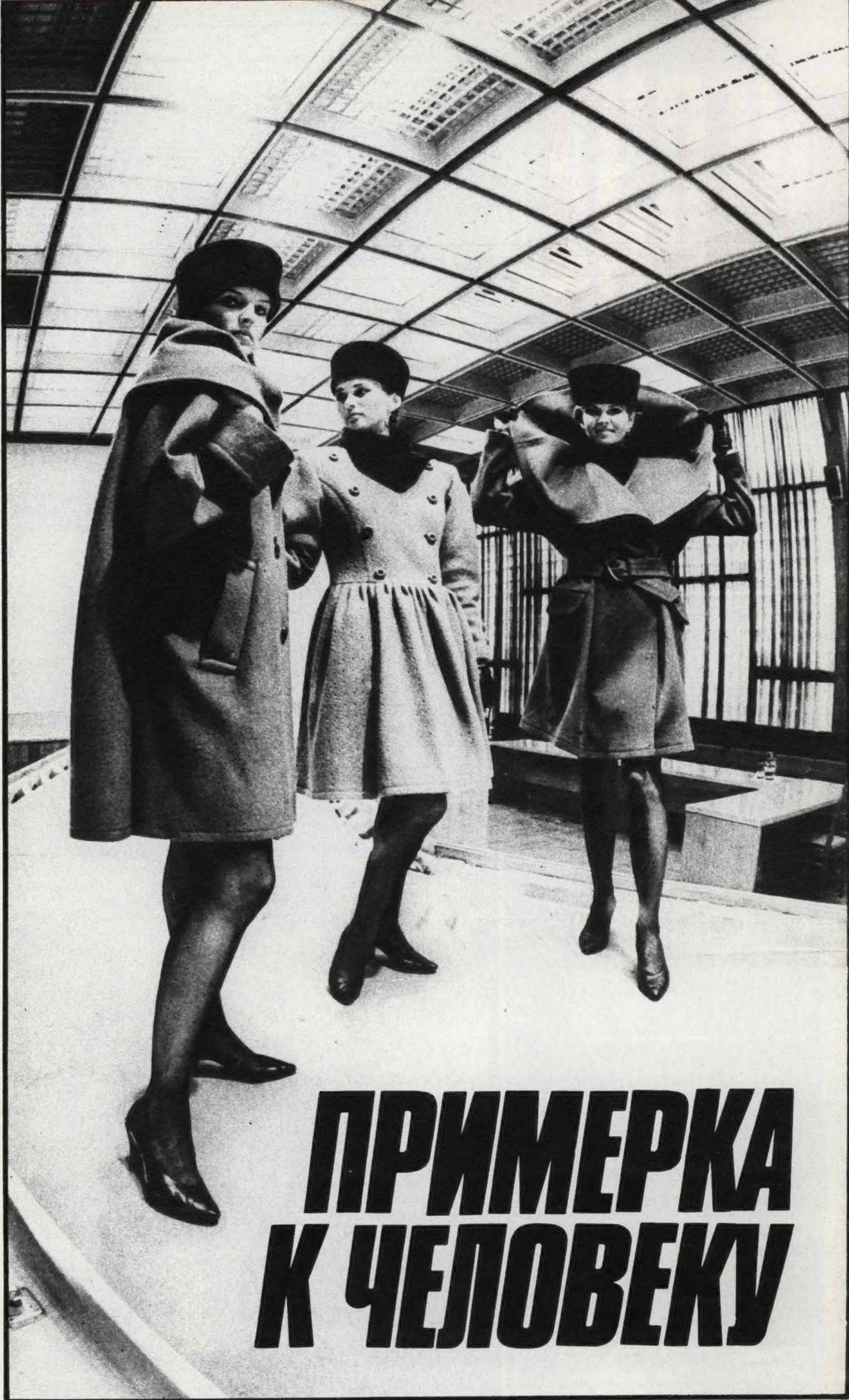
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 27.06.88. Подписано к печати 12.07.88. А 10367. Формат 70 × 108 $\frac{1}{4}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2572.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.



ПРИМЕРКА К ЧЕЛОВЕКУ

**ПЕРЕСТРОЙКА:
ПРОВЕРКА
ДЕЛОМ**

МЫ ДОЛЖНЫ В КОРОТКИЕ СРОКИ СОЗДАТЬ СОВРЕМЕННУЮ И МОЩНУЮ ИНДУСТРИЮ ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ...

ОСОБАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТОВАРАМИ И УСЛУГАМИ ЛЕЖИТ НА МЕСТНЫХ ОРГАНАХ. В РЕСПУБЛИКАХ И ОБЛАСТЯХ ИМЕЕТСЯ НЕМАЛО ПРИМЕРОВ НАСТОЯЩЕЙ ИНИЦИАТИВЫ И ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ В ДЕЛЕ НАСЫЩЕНИЯ РЫНКА ТОВАРАМИ ЗА СЧЕТ МЕСТНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

ИЗ ДОКЛАДА НА XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

Хотим сказать добрые слова о белорусской легкой промышленности. И — ждем упреков в лакировке. Знаем, что покупатель оценивает успехи производства по магазинным полкам. Прочтет читатель и возмутится: к чему похвалы, если приходится бегать по городу в поисках колготок! Если глаза не глядят на обувные монбланы и звересты! Если портят настроение ткани «быстрого реагирования» — на дождь и стирку. Удручают однообразные расцветки курток. Махровые полотенца до сих пор делят в организациях из расчета не более двух штук на руки... Все так. Однако известно и другое: к белорусскому трикотажу проявляют интерес западные фирмы. Изделия из белорусских льняных тканей можно смело дарить самому взыскательному моднику. И это тоже правда.

производственных площадей в швейном и трикотажном производствах. Разве не достижение — выпускать для детей 65 процентов швейных изделий, 51 — трикотажных, 42 процента обуви.

Работая в хозрасчетных условиях, отрасль технически обновляется. Приходится отказываться от привычного, рисковать, жертвовать тем, что десятилетиями казалось удобным.

Обновление прибавляет и дерзости, и азарта.

На Могилевском комбинате шелковых тканей «износился» большой цех. Пора бы его переоснастить. Директор комбината Владимир Николаевич Семенов поделился с коллективом такой мыслью: «Может, откроем другой цех? Шелковыми тканями рынок и без того насыщен. А в трикотажном полотне великая нужда. Давайте подумаем, что нам выгоднее?» «А где взять технику?» — отозвались несколько голосов

сразу. «Купим в ГДР», — ответил директор. — Такая возможность есть. Нам нужно двести машин. Осилит. За три-четыре года выпустим пятнадцать миллионов метров трикотажного полотна». — «С пряжей как?» — «Ведем переговоры. Могу сообщить, что есть решение построить прядильную фабрику. У нас в области, в Быхове. Так что без пряжи не останемся».

Вот такой разговор. О самом главном — о выгоде, о переориентации производства, об интересе покупателя.

Белорусские текстильщики, швейники, обувщики стараются как можно скорее ликвидировать дефицит товаров народного потребления. Эту задачу не решить без нового строительства, без реконструкции предприятий. Потребуется один миллиард рублей. Причем 670 миллионов предлагают из своих заработков сами предприятия. Красноречивое свидетельство их заинтересованности. И — финансовых возможностей. А также растущего «аппетита», разбуженного новыми возможностями хозяйствования.

Еще одна новость: на текстильных предприятиях начинают создавать швейные участки. Ведь сейчас проходит полгода, а то и больше, пока покупатель увидит и оценит новую ткань. Она движется навстречу ему через оптовые ярмарки, дома моделей и мод, швейные фабрики. Текстильщики между тем ждут, как оценит ее покупатель: стоит ли выпускать большими партиями или ограничиться малыми? А что значит для предприятия — ждать? Терять темп, упускать доходы... Так вот, швейный участок сохранит дорогу на рынок. Из новой ткани тут сразу сошьют костюм, пальто, блузку — и к покупателю. Нравится, берешь — запустим в производство. Не приглянулся — не станем тратить.

В республике намеряют открыть одиннадцать фирменных магазинов. Вот уж действительно: товар лицом! Не продашь — пеняй на себя. Правда, фирменной торговле понадобится немало денег — на оборудование, содержание персонала, рекламу.

...Генеральный директор швейного производственного объединения имени Крупской Владимир Владимирович Ласкевич сдает сейчас экзамен по пред-

мету «сотрудничество с зарубежным капиталом». Английская инженерная фирма «Тейлор вудроу» взялась переоборудовать головное предприятие объединения, оснастить его техникой, вооружить иной технологией и помочь освоить десять базовых моделей одежды. Ласкевич доволен: на республиканской и всесоюзной ярмарках образцы 1989 года проданы с ходу! Надо добавить, что реконструкция сулит двадцать два процента роста производительности труда!

— Начни перечислять преимущества обновления, — рассуждает Владимир Владимирович, — того и гляди, собьешься. Выше всяких допустимых пределов запущена отрасль... Вообразите, даже нитки наши раз в сорок уступают по качеству тем, что привозят с собой англичане... Ладно бы только нитки, хотя в пальто стоимостью пятьсот рублей и они должны быть отличными... Ткани у нас плохие. И настолько к ним привыкли, что всякое повышение требовательности смежники осуждают!.. На ярмарке я от некоторых продавцов тканей слышу: идите вы со своими капризами! Другие, мол, за милую душу берут, а вам не угодись!..

Объединение имени Крупской не одиноко, к сожалению, в своих мытарствах. Вся отрасль страдает от них. Скажем, причуды планирования. Вступил в силу Закон СССР о государственном предприятии (объединении), он дает право производственникам определять самим объем выпускаемой продукции. Но есть контрольные цифры пятилетки! И получилось так, что по республиканскому министерству план разошелся с ними на 60 миллионов рублей! Министерству пришлось применять где искусство дипломатии, где волевой нажим, чтобы концы сошлись с концами. Хотя очевидно, что подобная практика ничего общего не имеет с хозрасчетом.

Словом, пока республиканские предприятия легкой промышленности отношения с отраслью «кроят» по старому фасону. Но для покупателей многое уже делается «на вырост» — с учетом новых высоких потребностей. Не считывая на среднестатистическую «душу населения», а примеряясь к живому человеку.

**Александр ЩЕРБАКОВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)**

Валерий Михайлович Петров, первый заместитель министра легкой промышленности Белорусской ССР, только что вернулся из Гродно. Туда его командировала нужда. Надо было разобраться в реконструкции тонкосуконного комбината. Там главному инженеру надоело работать толкачом, собрался уходить с комбината. Замминистра помог директору задержать его, вместе уговорили...

— Чем еще занимался в поездке? На прядильно-ниточном комбинате толковали о качестве. Просят избавить от ненадежных поставщиков. Старая песня... В который раз придется министерству пробивные способности испытывать!

Мы не случайно начали с этого разговора с замминистра. Легкую промышленность Белоруссии хвалят. У нее действительно есть достижения. Разве не успех — стопроцентное использование





СОБЫТИЕ НЕДЕЛИ

ВСТРЕЧИ НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Выступая в Сейме ПНР во время дружественного визита, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил:

«Вся наша совместная история подтверждает: советский и польский народы выигрывали всегда, когда сотрудничали, когда плечом к плечу боролись «за вашу и нашу свободу», активно взаимодействовали в развитии своих стран и на международной арене».

Встреча с жителями Варшавы в аэропорту Окенче.

Беседа с Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Государственного совета ПНР В. Ярузельским.

Телефото ТАСС.



Как известно, знаменитые стихи В. Маяковского «Товарищу Нетте пароходу и человеку» написаны в Ялте. Поводом для их написания послужила «встреча» поэта в Ялтинском порту с пароходом, носящим имя убитого героя-дипкурьера. Геройская судьба... Знаменитые стихи...

С горечью вспомнил об этом, когда увидел стоящий у причальной стенки красавец-лайнер «Михаил Сулов».

Какие стихи мог бы написать нынешний поэт при встрече с кораблем, названным в честь того, кого мы сейчас не без основания называем одним из главных идеологов «застоя»? Стихи о десятках погубленных талантов, на чье творчество было наложено «вето»? О фильмах, которые приходят к нам с опозданием на двадцать лет? О судьбе Василия Гроссмана, выдающийся роман которого был обогнан и изъят при прямом участии Сулова?

Горькие вопросы...

А еще подумалось: на самом лайнере есть, вероятно, как полагается, мемориальная каюта, в которой представлен «творческий путь» создателя теории «развитого социализма»? Воображаю, как экскурсовод повествует о «заслугах» тов. Сулова в борьбе против идеологически вредного «Нового мира» А. Твардовского!

С. НОВИКОВ
Ялта

Из года в год мы посылали зарубежным коллегам научные сборники нашей кафедры. Никаких осложнений при этом не возникало. Вот и в этом году мы послали сборник «Проблемы стихотворного стиля»

в США и Новую Зеландию. Вскоре обе бандеролы вернулись с таким сопроводительным ярлыком: «Для отправки сборников статей за рубеж требуется разрешение Минпроса».

Как известно, Министерства просвещения уже не существует. В какие двери стучаться? Мы обратились за разъяснением на Московский международный почтамт. Ответ за подписью зам. начальника В. А. Назарова успокоил наши души. Нам сообщалось, что «органы связи... в данном случае руководствуются «Инструкцией о порядке контроля за вывозом из СССР культурных ценностей», утвержденной приказом Министерства культуры СССР от 23.03.87 г., № 120».

Оказывается, органы связи охраняют культурные ценности. Так что в Минпрос нас адресовали правильно, и нам остается только гордиться своим сборником как национальной реликвией. Неясно только одно: какие ценности охраняют создатели новой инструкции — культурные или бюрократические?

Л. Л. БЕЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук,
В. В. МЕРЛИН,
кандидат филологических наук
Алма-Ата

Как коммунист, гражданин, работник печати не имею права отсиживаться и молчать в ожидании, чья возьмет. Считаю своим долгом публично солидаризироваться с ведущими нелегкий бой за перестройку моими товарищами по профессии, в том числе солидаризироваться и с «Огоньком» и его нынешней редакцией. Сколько бы ни кривили рот те, кто тоскует о недавнем (и более отдаленном) прошлом, сегодняшней «Огонек» — гордость советской журналистики.

О значении информированности народа в условиях социализма наша партия со всей ясностью высказалась в первый же день после Октябрьской революции. Выступая 8 ноября 1917 года на II Всероссийском съезде Советов, Ленин подчеркнул: только что созданное «государство сильно сознательностью

масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно».

Постепенный демонтаж народо-властия и создание режима, который уничтожил в СССР больше коммунистов, чем их уничтожили в своих странах Гитлер, Муссолини, Франко и Салазар, вместе взятые, превратили нашу прессу в кривое зеркало. Возврат к ленинским принципам в средствах массовой информации, как и во всех сферах общественной деятельности, был бы невозможен без крутого поворота, начатого партией на ее XX съезде и продолженного на недавней XIX Всесоюзной конференции КПСС. Невозможен он и без активной жизненной позиции журналистов.

Примеры из нашей истории не исключение. «Сильные мира сего» в разные времена и в разных странах не раз пытались подчинить себе прессу, надеть на нее намордник, использовать в своих корыстных целях, и честное служение истине стоило многим нашим братьям по перу не только рабочего места, но порой и жизни.

Жизнь профессионала печати, если он честный человек и по-настоящему верен идеалам, ради которых была совершена Октябрьская революция, нередко далеко не безоблачна. В центре и на местах среди тех, от кого зависит судьба людей, встречаются еще поборники старых командных (а порой и откровенно репрессивных) методов, люди, не терпящие никакой критики. Мы не раз наблюдали, как они используют любую ошибку прессы — действительную или мнимую — как предлог для «охоты на ведьм», навешивания оскорбительных ярлыков на наши газеты и журналы.

Чувствительным ударом по тем, кто хотел бы подменить реальную гласность болтовней о гласности, стала специально посвященная этому вопросу резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС. Она требует создать правовые гарантии гласности, закрепить в конституционном порядке право граждан СССР на информацию, установить ответственность за воспрепятствование

реализации этого права. Эти требования должны быть воплощены в конкретные дела — иначе грош нам цена.

А. КРАСИКОВ,
заместитель генерального
директора ТАСС

Публикация в № 18 моего письма, где я рассказывал о бедственном положении с экскурсиями после перехода туристской отрасли на хозрасчет, вызвала одобрение у моих коллег из разных городов. Иначе отреагировали в моем экскурсбюро: это клевета, грязь, очернительство, хотя еще в апреле приезжал главный инспектор управления Центрального совета по туризму и экскурсиям, который поддержал меня и признал, что с экскурсиями мы наломали дров. Итогом стало лишение премии на 100 процентов за I квартал с формулировкой «учитывая мнение коллектива». И напрасно я доказывал, что у меня нет ни одного нарушения, наказания, от туристов и экскурсантов — одни благодарности...

— Это я решил проучить тебя, чтобы меньше писал и критиковал, — сказал мне директор А. И. Изюмский. — Перестанешь писать, вернем премию. Мало ли что о демократии говорят. За нее премию не дают. Пора бы уже и тебе перестроиться...

Нет, не хочу я так перестраиваться, а точнее, приспособливаться. Не променяю возможность говорить честно и открыто обо всем, что наболело на душе, на самую большую премию.

Алексей МАЛАКОВ,
экскурсовод
Павлоград
Днепропетровской области

«Огонек» в прошлом году посвятил несколько материалов судьбе выдающегося кинорежиссера Андрея Тарковского. Давайте же вернемся на несколько лет назад. Окончив «Ностальгию» в Италии, Тарковский остается на Западе, чтобы продол-



жить там работу. После Каннского кинофестиваля 1983 года его имя исчезает со страниц советской печати, исчезает оно и со страниц выходящих в то время книг по истории и теории советского кино. Но и «разоблачительных» публикаций, у нас на них были такие великие мастера (где они сегодня?), не давали: все как бы «зависло». И вот в этот-то момент в журнале «Советский экран» появляется беседа с живописцем Ильей Глазуновым, который, в ряду прочих сентенций, обронил, что фильм «Андрей Рублев» снят людьми, ненавидящими родную землю.

Не буду говорить о тех эмоциях, которые испытал, прочитав тогда эти строки. Речь о другом. Фильмы А. Тарковского выходят вновь к советскому зрителю. Почему бы И. Глазунову сегодня не обратиться к публике: глядишь, и предостерег бы он какую-то ее часть от «тлетворного» влияния Тарковского. Ну, а для другой части стал бы гораздо яснее нравственный облик живописца.

Хочу пояснить свою позицию: не надо «судов чести», не надо взаимных обвинений, но и тотальная забывчивость губительна! Она ведет к опустошенности, цинизму. Диалог нужен — конкретный, жесткий, принципиальный.

В. КАМЫШЕВ,
30 лет
Иркутск

В 1945 году, пройдя через фронт, был счастлив победе над теми силами фашизма. Сегодня счастлив, реально ощутив победу над мраком и кошмаром сталинизма. Наконец с гордостью и во всеуслышание я могу повторить свои показания, подписанные мною в протоколе допроса на Лубянке в 1948 году: «Если бы не было Сталина, все было бы иначе».

Слова эти стоили мне 25 лет заключения в лагерях строгого режима за «террористические намерения

против главы Советского государства».

В 1956 году я был реабилитирован. Вернулся к прерванной войне и заключением работе и многое смог осуществить. Закончил книгу — труд моей жизни о приливных электростанциях (издана в СССР и за рубежом), в которой излагалась новая модель решения проблемы и описывалась наплавная конструкция здания приливной электростанции (ПЭС).

В нашей стране уже 20 лет успешно работает запроектированная и построенная под моим руководством опытная Кислогубская ПЭС. Реализованы запроектированные под моим руководством также наплавным способом уникальные крупные конструкции (переход на 100-метровых опорах высоковольтной линии через Днепр и четвертое водопропускное сооружение в комплексе защиты Ленинграда от наводнений). Принято решение о начале разработки проектов мощных ПЭС в Мезенском и Тугурском заливах.

Наиболее эффективное осуществление этих проектов возможно на основе международного сотрудничества. Но вот что удивительно. Несмотря на обоюдную заинтересованность наших и зарубежных специалистов, фирм Великобритании, Франции, Канады, США, Японии, Индии, Нидерландов в таком сотрудничестве, в течение десятилетий меня от него изолируют. Дело дошло до того, что в 1985 году меня не допустили даже на встречу с английскими специалистами по приливной энергии, прибывшими специально для этого в Москву в наши институты, а в 1988 году не разрешили сделать основной доклад на международном симпозиуме, на который за год до этого я был приглашен в Дели минэнерго Индии. После симпозиума его руководитель написал мне, что «всем не хватало вас».

Такая изоляция наших работ в области использования приливной энергии приносит ощутимый ущерб не только делу, но и престижу перестройки. Воистину «мертвый гвалтает живого».

Так неужели протокол моего до-

проса, подписанный в деле, на котором стоит гриф «хранить вечно», будет действовать весь мой век вопреки сегодняшним законам нового мышления и жизни?

Л. Б. БЕРНШТЕЙН,
доктор технических наук,
лауреат премии Совмина СССР,
главный инженер проектов
приливных электростанций
института «Гидропроект»

В марте этого года впервые в Саратове открылась выставка молодых художников-авангардистов «Желтая гора». Ее посетило около трех тысяч человек. И это за три дня! Потому что на четвертый выставка закрылась. Наивно полагать, что такая живопись и графика будут устраивать всех. Кому-то авангард не по душе, кто-то от него в восторге. Но вот какому-то чиновнику она совсем не понравилась. Перед открытием по радио объявляли, что выставка продлится месяц, потом будет ее обсуждение. Но не было всего этого. Отпечатанные афиши запретили расклеивать. И закрыли «Желтую гору» тихо. Художникам объявили, что помещение не соответствует противопожарным нормам, что надо его (подвал) привести в порядок и тогда можно снова открыть выставку.

В горкоме комсомола было высказано пожелание, чтобы художники объединения «Резерв» (они же организаторы «Желтой горы») приложили свои силы и энергию для решения задач по дизайну в Саратове. Сейчас только я понял, что не будет дизайн развиваться в Саратове, пока живет негативное и презрительное отношение чиновников к авангарду, ибо авангардизм и дизайн имеют один корень — поиск в области формы. Увы, лысенковщина в изобразительном искусстве продолжается.

Когда была выставка — были проблемы, нет выставки — и нет проблем.

Святослав КУРСКОВ,
участник выставки
«Желтая гора»
Саратов

Вернувшись домой с торжества, посвященного вручению юбилейных медалей, прочла в газете «Труд» заметку «Рецидивист на пенсии» и не знаю, как сердце не разорвалось от боли за участников войны, доживающих свой век в домах-интернатах. Кому могло прийти в голову помогать престарелых рецидивистов вместе с людьми, израненными в боях да еще отдающими пенсию государству за свое содержание? Кто решил, что преступники, не заработавшие ни копейки, должны жить на полном обеспечении, создавая в домах для престарелых группировки воинствующих «паханов»?

Сама я 19-летней в начале 1942 года добровольно пошла на войну и была направлена в разведотдел Западного фронта, заброшена в тыл врага и уже в конце этого года Брянским подпольным горкомом партии была принята кандидатом в члены КПСС. Я, прошедшая войну, считаю пустым делом вручение юбилейных медалей, потому как они сегодня, скажем честно, в нашем обществе обесценены. Предлагаю средства, которые расходуются на изготовление памятных медалей, тратить на действительную помощь участникам войны, особенно тем, кого обогло семейное счастье, кто доживает век в домах для престарелых. Простите за прямоту, но потеряла покой, думая о тех, кто, плача от бессилия, принимал и принимает унижения, живя вместе с подонками общества. На эту жизнь их, проливавших кровь, обрекло чье-то бездушное решение. Чье? Правительства? Министерства обороны? Министерства социального обеспечения? Или надо благодарить их всех вкупе?

Е. ЛАНТУХОВА
Рига

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ЖЕЛЕЗНЫЕ

Алла БОССАРТ

Широкое развитие кооперативного движения названо в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной партконференции одним из магистральных направлений радикальной экономической реформы. Однако на пути этого социально-экономического начинания встречается еще немало преград.

14 марта 1988 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о прогрессивном налогообложении кооператоров. Напомню его суть.

Кооператоры платят подоходный налог наряду с другими категориями населения 13 процентов, пока сумма их доходов не превысит 500 рублей. Свыше пятисот рублей налог составит 30 процентов, плюс 50 процентов свыше 700 рублей, плюс 70 — с доходов сверх тысячи и еще 90 процентов с каждого рубля сверх полутора тысяч.

В подготовке этого документа, кроме Минфина, участвовали Минюст СССР, Госкомтруд, комиссии Верховного Совета и другие органы. Однако инициатива прогрессивного налогообложения принадлежала Министерству финансов СССР, основную разработку также делали специалисты Минфина. Поэтому мы попросили о встрече именно министра финансов СССР Бориса Ивановича ГОСТЕВА.

Министр работает без выходных, и в назначенный час в субботу я вошла в высокий кабинет.

ЗАЧЕМ НУЖЕН ПРОГРЕССИВНЫЙ НАЛОГ?

Корр. Борис Иванович, объясните, пожалуйста, зачем нужен прогрессивный налог?

Министр. Это изъятие определенных сверхдоходов. У нас есть категории людей, которые получают слишком высокий доход. А в социалистическом обществе допускать большую дифференциацию нельзя. Непомеренный заработок кооператоров вызывает законное раздражение рабочих, которые вкалывают по десять часов и зарабатывают 200 рублей. Экономика ведь — непростая штука. Наша средняя зарплата — 205 рублей — соответствует достигнутому уровню производительности труда.

Корр. В ходе перестройки нашлись ответственные за уродства нашей экономики. Нельзя же и сейчас принимать свое отставание как фатальную неизбежность. Конечно, легче окоротить кооператора, чем заставить госсектор побыстрее поворачиваться и платить человеческую зарплату рабочему.

Министр. Все почему-то забывают, что кооперативы поставлены в льготные условия. Они платят налог государству два процента. Два! Практически — ничего. А налог с прибыли государственного предприятия составляет в бюджете до 60 процентов. Вот смотрите — у меня в кармане один рубль. Можете написать репортаж о бедном министре. Но вот в другом кармане — у меня сто рублей. Так, значит, все-таки у меня не один, а сто один рубль. Так и в кооперативе. Из личных доходов мы вычтем у кооператора 30, или 50, или 90 процентов. Но то, что он вложит в развитие базы: в сырье, машины, помещение, — почти целиком останется предприятию. Пусть он вкладывает средства в развитие кооператива, а не наживает.

Корр. Трудно допустить вероятность, что кооператор будет резать курицу, которая несет ему золотые яйца. Не надо быть экономистом, чтобы понимать, что выгоднее: пустить деньги в оборот, на развитие производства и получить потом вдвое или нахапать и развалить источник дохода.

Министр. Каждый рабочий завода имени Лихачева дает государству в месяц 300 рублей. Каждый создает продукт для себя и продукт для общества. А кооператор производит только продукт для себя. Я тружусь по двенадцать часов в день без выходных ради того, чтобы люди жили лучше. Но мы не можем существовать без прибавочного продукта: надо пенсионеров содержать, армию, милицию... А кооператор не дает прибавочного продукта. Швея на фабрике за рубашку получит два рубля,

Остальное идет государству и на нужды предприятия. Кооператор ту же рубашку продал за сорок рублей и все сорок передал в зарплату. Он ничего не дал обществу.

Корр. Кроме рубашки... Или компьютера. Или ремонта квартиры. И сделал все это в десять раз качественнее и быстрее, чем государство.

Министр. Наша система тем и отличается от капитализма, что многие социальные потребности человек удовлетворяет бесплатно. То, что каждый может учиться, — огромное завоевание социализма. А за счет чего? Если бы завод имени Лихачева платил государству два процента с прибыли и меня поставили бы руководить этим «кооперативом «ЗИЛ», — я бы завтра же выдал зарплату всем по тысяче. А экономика развалилась бы. Поэтому государство обязано обложить большой доход большим налогом. Уже, правда, раздаются голоса: давайте введем платное обучение, платное медицинское обслуживание...

Корр. Давайте! Это обойдется дешевле, чем легионы неграмотных специалистов и здоровье, потерянное в поликлиниках.

Министр. Тогда люди не будут равны. А сейчас все равны; и кооператор, не участвуя в госбюджете, наряду со всеми пользуется всеми благами: бесплатным образованием, бесплатной медициной, армия его охраняет и пенсию он получает в полном размере.

Корр. Кроме прямого пополнения казны, существуют и другие виды пользы. Кооператор, например, реанимирует рынок. И вряд ли налог с него, какой угодно прогрессивный, сможет существенно повлиять на госбюджет. Не вполне основательно и вторая названная министром причина введения новой шкалы: стимул к развитию кооперативов. Никто не заинтересован в развитии кооператива больше, чем сам кооператор, его не надо стимулировать.

Остается единственный мотив прогрессивного налогообложения — именно то, с чего министр начал: выравнивание доходов в обществе. Мотив не столько экономический, сколько социальный.

ЧТО ТАКОЕ «СВЕРХДОХОД»?

Корр. Борис Иванович, что следует считать сверхдоходом?

Министр. Мы решили, что две с половиной средней зарплаты — это высокая норма. Свыше пятисот рублей у нас получает меньше одного процента населения. Шахтер, сталевар, академик...

Корр. Министр?

Министр. Да, и министр.

Корр. Но на вас прогрессия не распространяется?

Министр. Нет. Доход государственных служащих и рабочих — стабильный. Специфика лишь некоторых видов деятельности позволяет наращивать доходы. Их и облагают прогрессивным налогом: писателей, композиторов, священников... Кооператоров в том числе.

СПРАВКА: из всех групп «прогрессивных» налогоплательщиков ставка 90 процентов касается, кроме кооператоров, только наследников авторов. Даже композиторы-песенники, получающие с каждого исполнения, платят меньше. Думается, что определение «сверхдоход» — скорее из области морали, чем экономики.

Корр. Нам знакомо выражение «стимулирующая роль налога». В чем она?

Министр. Человек, с которого берут налог, должен более интенсивно работать, чтобы достигнуть того уровня заработной платы, к которому стремится.

Корр. Но в нашем случае он как раз будет стараться заработать меньше. До пятисот рублей.

Министр. Опять вы всё о бедном кооператоре страдаете! Да заработает! С тысячи он получит на руки семьсот рублей. Даже семьсот тридцать. Это больше, чем пятьсот.

Корр. Арифметика, конечно, простая. А с полутора тысяч — восемьсот. Даже восемьсот восемьдесят. Но захочет ли кто-нибудь интенсивнее работать, чтобы получить такой остаток от полутора тысяч?

Министр. Исходите-ка лучше из того, что сталевар получает 400 рублей. Что ж вы не жалеете этого сталевара?

Корр. Я как потребитель интересуюсь судьбой движения, которое покрывает дефицит.

Министр. Определенный дефицит. **Корр.** Который государство покрыть не может.

Министр. Ну почему. Обязано покрывать.

Корр. Обязано. Но не покрывает. **Министр.** Это временные трудности. Это всегда бывает.

Корр. Слишком их много, и слишком долго мы испытываем временные трудности, вы не считаете?

Министр. Вы думаете, с помощью кооператива решить генеральные проблемы? Сегодня забота о государстве есть первая забота. Особенно в нашем Советском государстве. Забота об укреплении государства Российского. С этого должно начинаться любое дело. Сейчас модно писать: давайте заботиться о своих личных интересах. А вот любое буржуазное государство в первую очередь заботится о государстве. Будет сильное государство — хорошо будет человеку.

Корр. А не наоборот? Мы много лет заботились о государстве и не заботились о человеке. В результате развалили все что можно: экономику, просвещение, культуру...

Министр. Я бы так не сказал. Если у нас маленькая зарплата, это не значит, что мы не заботились о человеке.

Корр. Слышали шутку: «У меня зарплата хорошая, но маленькая»? Хотя мы и «делаем ракеты», но когда на зарплату не проживешь, — это не забота о государстве, а его позор.

Министр. Нам надо обеспечивать обороноспособность страны. Значит, приходится выбирать: хорошо жить и открыться — или похуже жить, но обеспечить оборону. Любому трудящемуся скажет: я за мир. А мирная жизнь стоит огромных денег.

Корр. А никак нельзя жить мирно и хорошо? Американцы тратят на оборону больше нас.

Министр. У них в два с половиной раза больше национальный доход. Кстати, знаете, какие у них налоги?

Каюсь: я не знала. Потом, уже после встречи с министром, прочитала в «Литературной газете», что за время президентского правления Рейгана самый высокий налог в США упал с 70 до 28 процентов.

«ДЛИННЫЙ» РУБЛЬ

Корр. Борис Иванович, как вы лично относитесь к кооперативам?

Министр. Я не против кооперативов. Но ко всему надо подходить с головой. Не забывайте, что прежде всего люди пошли туда за деньгами. На депутатской группе недавно одна женщина, председатель сельсовета, из глубинки, 75 километров от райцентра, высказывалась очень разумно. Зачем, говорит, вы такие условия создали кооператорам? Я туфли на высоком каблуке у родственников держу, потому что у нас асфальта нет, не пройти, так и живем всю жизнь. А вы позволяете людям в магазине скупать мясо и в десять раз дороже продавать...

Корр. Что же здесь разумного? Во-первых, не кооператоры же виноваты в том, что в глубинке нет дорог. Они-то как раз эти дороги строят. А во-вторых, насколько мне известно, кооператоры закупают мясо и другие продукты на рынке.

Министр. Что? Вы нашли одного кооператора, который покупает на рынке? Моя жена своими глазами видела, как продавец рубил мясо кооператору в магазине. И я ответственно заявляю, что так делают практически все: чуть дороже двух рублей покупают мясо (которое, кстати, государству стоит четыре) и продают его по двадцать пять в виде шашлыков. Боржом продают за рубль. Пепси-колу — по два шестьдесят за бутылку. Они же не делают пепси-колу!

Корр. Вы говорите о спекулянтах. Впрочем, в условиях дефицита, созданного государством, и спекуляция из уголовного акта превращается в услугу. Но все же не это мы называем кооперацией. Почему вы приводите примеры из криминальной области? Выходит, что законодатели ориентируются на мошенников, а из-за них страдают честные ребята.

Министр. Где вы видели честных ребят с зарплатой в полторы тысячи рублей? Почему вы рабочего не защищаете, который получает двести?

Корр. Если уж вы так настойчиво противопоставляете кооператора рабочему, давайте поставим вопрос так: всегда ли товар производит рабочий, вкалывая по десять часов? А то, что делает кооператор, — это уж наверняка товар, продукт. Производство ради производства в кооперативе невозможно.

Министр. Берет бутылку боржом и продает — это продукт?

Корр. Не только. Берет ткань и шьет модные штаны. Берет кирпич и строит без недоделок дом. Берет бульдозер и прокладывает дорогу. Выращивает овец и жарит шашлык. По-моему, именно об этом идет речь, когда мы используем термин «кооперация». Кооператоры производят товар, который не только пользуется спросом, но и латает дырки госсектора, снимает «временные трудности»...

Министр. Все это искусственно раздуваемый ажиотаж. Бедные! Взяли с них три рубля лишних. Нечестно заработанных...

Корр. Да почему же нечестно? Почему вы все время исходите из того, что заработаны эти рубли нечестно?

Министр. Потому что на честном

ЗАНАВЕС НАЛОГА

деле не наживешься. Кооперативы, связанные с производством, с напряженным трудом, не дадут такого дохода, с которого можно взять 90 процентов налога. Да что мы с вами будем теоретизировать! Поедем сейчас на любой завод и спросим рабочего: правильно мы берем с кооператора или нет?

Через двадцать минут мы были на ЗИЛе. Министр предупредил: «Учтите, рабочие будут выступать резко». Он оказался прав.

— Раньше в газетах все время мелькали статьи о спекуляции, а теперь их совсем не видно. Как вы считаете, Борис Иванович, это не потому ли, что все спекулянты пошли в кооперативы? — спросили в авто-сборке.

— В большой степени, конечно, и поэтому, — согласился Гостев.

И тут прорвало. Жулики! Залезли в карман к рабочим! Если они такие головастые, пусть придут к нам и наладят производство! Посмотрим, как они будут здесь заколачивать по тыще! Одним словом, «кооперация» — это узаконенная спекуляция — именно так выразился один механик.

— Содрать с этих захребетников, и побольше!

Министр выразительно посмотрел на меня и как бы возразил:

— А вот журналисты переживают, что тогда кооперативы закроются.

— И очень хорошо! Нечего плодить спекулянтов.

— Но ведь чем меньше их будет, тем больше они будут ломить цены, без конкуренции-то... — возразила на этот раз я.

— Вот именно, — неожиданно согласился со мной. — Эта публика всегда сумеет нагреть руки. Даже, извините за выражение, на сортирах!

К выражениям претензий нет. Я ожидала более сильных. В отличие от министра финансов я считаю, что забота о своем кармане — одна из наиболее естественных забот человека. И антипатия рабочих ЗИЛа, которые в самом деле больше трехсот целковых выколлотить со своего конвейера не могут, хоть тресни, — их антипатия к «богатым» кооператорам тоже естественна. Если за модные «варёнки» молодому человеку приходится отдавать ползарплаты — тут, знаете ли, не до оздоровляющей роли кооперации.

— В обществе образуется прослойка богатееров, что приведет к социальному расслоению и вызовет необратимые последствия. Я не поручусь, что рабочие не выйдут на улицы...

Классовое чутье пролетариев?

— 113 человек из моего цеха, — начальник литейки М. И. Машин разложил передо мной ведомость, — ушли в этом году в кооперативы.

Гостев развел руками:

— В семье не без урода!

— Почему? — Справедливый Машин нахмурился. — Это самые квалифицированные рабочие. — И повторил с нажимом: — Самые квалифицированные! И зарабатывают теперь по девятьсот, по тысяче. Они стоят этих денег. А мы им дать не могли. Недавно один приходил, просил бульдозер. Он теперь в кооперативе «Мастер» по ремонту квартир. Подрядились дорогу прокладывать.

Не в той ли самой «глубинке»?

Так спекулянт или мастер? Кулак или хозяин?

Как известно, в послевоенные годы нашу страну отделил от Европы и Америки «железный занавес»,

чтобы не дразнить изнуренных войной, обнищавших победителей картинами нормальной жизни. Это было сделать легче и в тех условиях, возможно, надежнее, чем пытаться повысить собственное благосостояние. Кооперацию за железным занавесом не спрячешь. Поэтому, конечно, легче поприжать ее сразу, пока не набрала силу. Легче, чем, скажем, увеличить зарплату рабочим ЗИЛа.

ДЕЛО БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ!

Корр. Борис Иванович, почему Указ о прогрессивном налогообложении принят до того, как закончилось обсуждение проекта Закона о кооперации, названное всенародным?

Министр. Указ созрел. Нельзя допускать, чтобы распространялся ажиотаж.

Корр. Вы не видите в этом нарушения демократии?

Министр. Нельзя превращать демократию в жупел. Да и вообще мы только недавно применяем Указ, почему такой шум поднялся?

Корр. Потому что кооперативы быстро открылись, быстро и закроются.

Министр. Честные кооперативы не закроются. Надо только поддерживать кооперативное движение, всемерно его поддерживать и развивать.

Разговор с министром состоялся в мае, за два дня до открытия сессии Верховного Совета СССР. А сессия преподнесла сюрприз. Вопреки всем ожиданиям на совместном заседании палат на второй день работы Закон о кооперации не был принят. Дискутировались многие вопросы, но наиболее остро — положение о размерах прогрессивного чалого. Б. И. Гостеву пришлось выступить и, отражая обстрел зала, заверить депутатов, что редакция Указа о налогообложении будет изменена.

13 июля, когда этот номер «Огонька» был подготовлен к печати, состоялось заседание Президиума Совета Министров СССР с участием ведущих ученых и специалистов, руководителей центральных экономических органов и Советов Министров союзных республик, председателей кооперативов. На заседании присутствовал и корреспондент «Огонька». Обсуждались новые предложения о принципах налогообложения кооперативов и граждан, работающих в них. Вызванные острыми дискуссиями среди общественности и кооператоров, эти предложения значительно нормализуют режим налогообложения. Предусмотрено установить твердые ставки подоходного налога с кооператива с учетом вида его деятельности: по возрастающей — от сельскохозяйственных и сферы социальных услуг до (максимальная ставка) кооперативов розничной торговли, общественного питания и оказания медицинской помощи. Налог с личных доходов кооператоров предполагается существенно снизить.

Исполкомы районных и городских Советов народных депутатов наделяются правом устанавливать льготы путем понижения размеров налога с учетом общественной значимости продукции кооперативов (товаров, услуг), дефицитности тех или иных потребительских благ, уровня используемых цен и тарифов.

Все эти меры дают основания для оптимизма, вселяют надежду, что дело кооперации будет развиваться, поможет решить многие насущные задачи нашей экономики.

— ДА ЗАПРЕТИТЬ ИХ ПОРА, — ТРЕБУЮТ ОДНИ.
— ДАЙТЕ КООПЕРАТОРАМ ВЗДОХНУТЬ ПОСВОБОДНЕЕ, — УБЕЖДАЮТ ДРУГИЕ.
ПОКА НА БОРЬБУ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ У КООПЕРАТОРОВ УХОДИТ НЕ МЕНЬШЕ ВРЕМЕНИ, ЧЕМ НА РАБОТУ. НО, НЕСМОТРИ НА ЧТО, НОВОЕ ДЕЛО НАЛАЖИВАЕТСЯ, ОБРЕТАЕТ СИЛУ И ДВИЖЕНИЕ.



Фото Алексея ДИТЯКИНА.





ЗА СПИНОЙ У МЕНЯ — ОГРОМНЫЙ
ЗАЛ, НАПОЛНЕННЫЙ БЕЛЫМ, КАК
В ОПЕРАЦИОННОЙ, СВЕТОМ,
ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ НА ТРИБУНЕ, ВСЕ
СМОТРЯТ НА ПОМОСТ, ГДЕ ЛЕТИТ
В ПРЫЖКЕ ДЕВЧОНКА
С ВЗЪЕРОШЕННОЙ ЧЕЛКОЙ. ЭТОТ
МЕРТВЕННО-БЕЛЫЙ СВЕТ
ЮПИТЕРОВ ПОЧТИ НЕ ДАЕТ ТЕНЕЙ.
И ВСЕ-ТАКИ ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ
У МЕНЯ ЗА СПИНОЙ, — ЭТО ТЕНИ.
ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ОТПЕЧАТКИ ДАВНО
РАЗБРЕДШИХСЯ ПО СВОИМ
БОЛЬШИМ И МАЛЫМ СУДЬБАМ
ЛЮДЕЙ.
ЗА СПИНОЙ У МЕНЯ —

ВЗРОС

Петровско-Разумовский проезд. Лабиринт старых московских дворов... А в самой глубине этого лабиринта бесчисленных корпусов и дробей — номеров на стенах, луж, заборчиков, поворотов — дом. Замок, крепость, где заточена в двухкомнатной квартире судьба, о которой многим так хочется забыть, не вспоминать, вычеркнув из официальной истории нашего спорта, как будто ничего и не было. Командиры индустрии, производящей чемпионов, скрыли от людей не просто трагедию девочки, но гораздо больше — совесть и позор нашего «самого гуманного в мире» спорта.

...За целых восемь лет, что прошли со времени роковой травмы, полученной Мухиной на тренировочном сборе в Минске, всего за две недели до начала Московской Олимпиады, газета «Советский спорт» дважды вспомнила о ней — в первый раз в кратком сообщении, что Елена Мухина получила травму и, по всей вероятности, не сможет принять участие в олимпийских состязаниях, и во второй раз — когда президент Международного Олимпийского комитета Хуан-Антонио Самаранч в 1982 году награждал ее Олимпийским орденом.

Есть вещи, которым нельзя научиться быстро. На постижение простых и ясных истин порой уходит целая жизнь. Восемь лет, что прошли с того трагического дня, расколовшего жизнь Лены на прошлое и настоящее, на воспоминания и неподвижность, на юность и зрелость, — достаточный срок, чтобы извлечь урок из этой истории. И сегодня пора, наконец, повести разговор о негуманности большого спорта. Это неприятная тема. Ее долгие годы у нас стара-

лись обходить, или в крайнем случае руководители большого спорта походя произносили несколько душещипательных слов, про себя думая, что уж вникать в нее никак не следует.

...Дверь мне открыла бабушка Лены, Анна Ивановна, — ее единственная и самая надежная опора в жизни. Ведь Лена вдобавок ко всем несчастьям, свалившимся на ее голову, — сирота. Когда ей было пять лет, в доме случился пожар, и мать сгорела. Лены в ту пору дома не было; но к ее возвращению все уже было подчищено, и следы недавнего бедствия почти ликвидированы. Вот только мамы больше уже никогда не было.

Лена сидела в своем кресле. «Проходите». — Голос тихий, надо внимательно вслушиваться, женственно-приятный, мягкий.

Она долго отказывалась, прежде чем согласилась на нашу встречу. Согласилась только когда мы уговорились, что материал будет не о ней — о спорте.

«Я ждала, когда пройдет слава. Она мне уже была не нужна. Письма? Да, письма писали. Но в основном глупые. Все спрашивали, когда же я вернусь на помост. А мне хотелось одного: чтобы меня оставили в покое. Конечно, эти люди не были виноваты в том, что их обманывали, — ведь сразу было ясно, что я не то что в спорт, к нормальной жизни не вернусь. Да, обманывали. Зрителей приучали к героизму спортсменов: с переломом — на футбольное поле, с сотрясением мозга — на лед. Во имя чего? Во славу чего? Чтобы отпортовать, что «задание Родины выполнено»?

Так во имя чего?

«Два условия требуются для того, чтобы страна увлекалась боем быков, — написал Хемингуэй. — Во-первых,

быки должны быть выращены в этой стране, и, во-вторых, народ ее должен интересоваться смертью»...

Всякое сравнение или параллель, как известно, условны. И все же эти слова из книги «Смерть после полудня» не давали мне покоя, водили по кругу мысль. Быки — спортсмены? Спорт — коррида? Смерть? Чужь какая-то! Выращены в этой стране...

Но вот в непролазной чаще логических хитросплетений хрустнула сухая веткой в руке та параллель, которую я искала. «Престиж нации — это полет на Луну и олимпийская медаль», — сказал другой американец — президент Америки Джон Кеннеди. Метко сказал. А для нашей страны спортивные успехи и победы всегда значили несколько больше, чем даже просто престиж нации. Они олицетворяли (и олицетворяют) правильность выбранного политического пути, преимущество системы, становятся символом превосходства. Отсюда и требования побед — любой ценой. Ну, а что касается риска... Риск всегда был у нас в цене, а человеческая жизнь по сравнению с престижем страны стоила немного, и нас приучали к этому с детства.

«Это случилось 3 июля, на тренировке в минском Дворце спорта. Мой тренер Михаил Клименко уехал на несколько дней, я осталась с тренерами сборной — фактически ни с кем. Но дело не в этом. Травма все равно была неизбежной. Необязательно в этот день. Мне кажется, меня бы с соревнований унесли: Потому что тот элемент я делать не умела. Ну что такое прыгнуть два раза в поролоновую яму, ничего не соображая, без координации, а потом сразу идти на помост? Тем более что на одном из соревнований в 1979 году я сломала толчковую ногу и саль-

то делала плохо. А тут гонка — Олимпиада впереди. Врачи? А что врачи... Они не на службе здоровья стоят, а на службе спорта. Я просила: «Вы меня из ЦИТО не выписывайте, из дома на тренировки затааскают». Сняли гипс, а я хожу криво. Сделали снимок, оказывается, кости разошлись. Меня — на операционный стол, сразу после обеда. Тренер на следующий день пришел, говорил, что я не сознательная, что тренироваться можно и в гипсе...

Глупая я была. Очень хотелось оправдать доверие, быть героиней. Пока с гипсом ходила — вырос вес. Надо было сгонять. Опять спешка. Приходила в ЦСКА на два часа раньше и носилась по залу как ненормальная. Тренировка только начинается, а у меня уже ни капли сил не осталось. Я тогда очень устала — и физически, и морально...

Когда Лена упала в последний раз, первая ее мысль была: «Слава богу, на Олимпиаду я не попадаю».

Она упала на подбородок, выгнувшись, как линейка, которую прижали одним концом к столу, а другой сильно потянули вверх. Линейка сломалась у самого основания. Хрустнули шейные позвонки. Боли Лена не почувствовала.

Боль пришла позже, уже в больнице, когда врачи все совещались и совещались, а время, когда еще можно было хотя бы попробовать что-то вернуть, исправить, хоть попытаться, — это время текло долгими, густыми, как горячее варено, мгновениями, минутами, часами, днями. Очень хотелось умереть. Но ей не дали.

«Кто тебя толкнул?» — спросила врач в больнице.

Из газет: «Лена Мухина плакала. Боль выдавливала слезы. Лена так сильно ударилась о бревно, что в гла-

ЖЕЛЕЗОБЕТОННАЯ СТЕНА, НА
СТЕНЕ — РОЗОВЫЕ ОБОИ
В ЦВЕТЧЕК, НА ОБОЯХ —
БОЛЬШАЯ ФОТОГРАФИЯ
ОГРОМНОГО ЗАЛА, ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ
НА ТРИБУНАХ И ДЕВЧОНКА
С ВЗЪЕРОШЕННОЙ ЧЕЛКОЙ,
КОТОРАЯ ЛЕТИТ, ЛЕТИТ И,
КАЖЕТСЯ, НИКОГДА УЖЕ НЕ
СМОЖЕТ ПРИЗЕМЛИТЬСЯ.
ОНА СИДИТ ПЕРЕДО МНОЙ
В ИНВАЛИДНОМ КРЕСЛЕ, РУКИ
ПОКОЯТСЯ НА ПОДЛОКОТНИКАХ,
АККУРАТНО ПРИЧЕСАННАЯ И ДАЖЕ
ЧУТЬ ПОДКРАШЕННАЯ.
ЕЛЕНА МУХИНА.

ПЛЫЕ ИГРЫ

зах потемнело. Наступать на ногу было очень больно. И оставался последний вид — вольные. Она решила, приказала себе: «Надо работать! Надо отдать все!» И пошла на ковер... Клименко был страшно доволен: «Ну вот, я вижу в ней настоящего бойца. Есть характер, есть!»

«...Михаил Клименко пришел в женскую гимнастику из мужской, он прочно усвоил технику, которая посложнее женской. Он — рационалист и логик. Путь достижения смелости лежит через убеждение, через мозг к мышцам...»

«...Знаете, когда мне по-настоящему страшно становится? Когда я свою комбинацию на брусках по телевизору смотрю...»

Если поделить человечество на детей и взрослых, а жизнь — на детство и зрелость, то детей и детства в жизни очень много. Только погруженные в свою борьбу и в свои заботы мы их не замечаем... Мы устроились так, чтобы дети нам как можно меньше мешали и как можно меньше догадывались, что мы на самом деле собой представляем. Эти слова сказаны давным-давно педагогом, который снискал себе всемирное признание. Но в том-то и штука, что слова эти до сих пор не утратили своей актуальности. Наоборот, применительно к спорту они приобрели зловеще-уродливую окраску. Позволю себе такую аллегория: в ярко раскрашенную, нарядную и привлекательную машину большого спорта садится здоровый жизнерадостный человек (а сейчас все чаще и ребенок). Машина мчит его кругами, сначала все кажется увлекательным, таким забавным аттракционом, но скорость все выше, центробежная сила все больше, нагрузки все сильнее. И вот, когда наконец машина останавливается, из нее выходит инвалид,

искалеченный и физически, и морально. Физически — потому что не сброешь со счетов многочисленные вывихи, переломы, сотрясения мозга. Морально — потому, что, привыкший жить среди всеобщего внимания и почитания, человек не может уже снизить уровень своего существования и после ухода из большого спорта чувствует себя никому не нужным.

«Если бы мы начинали заниматься спортом в 16—18 лет, когда человек уже сознательно может выбирать свой путь, а в 9—10 лет мы ничего вокруг не видим, кроме спорта, интерес к которому так искусно разжигается. Нам кажется, что это какой-то особый мир. Мы еще не знаем, как узко это трехмерное пространство — зал, дом, сборы. И даже при том, что спортсмены так много ездят, видят, духовно они страшно обделены. Нагрузки, нагрузки, нагрузки. Ничего не существует, кроме нагрузок, которые постоянно растут, и кажется порой, что все, сил больше нет. Но тренер мне сказал однажды: «Пока ты не сломаешься, тебя никто не отпустит».

Я настолько привыкла себя преодолевать — не хочется, страшно, нельзя

ва. Клименко мне жалко — он жертва системы, член клана взрослых дядей, которые делают «дело». Шаниязова я просто не уважаю. А другие? Я травмировалась, потому что все вокруг меня соблюдали нейтралитет, отмалчивались. Видели ведь, что я не готова к исполнению этого элемента. Но молчали. Никто не остановил человека, который, все забыв, рвал вперед — давай! давай! давай!».

Нельзя сказать, что нынешние перемены, происходящие в нашей жизни, не затронули спорт, скажем, и спортивную гимнастику. Например, ее руководители решили, что отныне она будет более зрелищной и более женственной. То есть наконец мы на помосте увидим не девочек детсадовского телосложения, а... Об этом со всей ответственностью заявил на пресс-конференции, посвященной открытию очередного турнира «Московские новости», начальник управления гимнастики Госкомспорта СССР Леонид Аркаев. И с гордостью назвал фамилии гимнасток, которых мы видим на помосте уже не первый год и которые, несмотря на возраст, не в обиду им будет сказано, пока еще мало напоминают женщин. И еще он

сказал на той пресс-конференции, что сейчас в современной спортивной гимнастике нет ни одного спортсмена, который выступает на мировом уровне и который не был бы травмирован. Он, правда, добавил, что это не для печати (надо же придумать: на пресс-конференции — не для печати!). Мы послушно закивали головами. Но я все-таки позволила себе привести это откровение, потому что, во-первых, время такое, а во-вторых, потому что уверена: на карьере Аркаева это никоим образом не отразится. Кого интересуют травмы, когда наша гимнастика в авангарде мирового спорта? Против лома, как говорится, нет приема.

Придирчивый читатель, возможно, возразит мне: ведь и на Западе, за рубежом спортсмены поставлены в такие же условия, им тоже приходится рисковать и жертвовать своим здоровьем. Да, вынуждена согласиться. Но есть одно маленькое «но». Там, «у них», атлеты делают это во имя баснословных денег, во имя обеспеченного будущего — своего и своей семьи. У нас так долго морочили людям голову липовым любительством отечественного спорта, что и вовсе было не понятно: ради чего? Ради того, чтобы госкомспортские функционеры могли гордо отпортовать...

Я далека от мысли, чтобы обвинить во всех грехах спорт — прекрасное и благородное изобретение человечества. Более того, одним из основных завоеваний новой социально-экономической системы был именно спорт, массовый, доступный всем и каждому. Но постепенно, как, впрочем, и многие другие области нашей жизни, спорт перекочевал из каждодневности на площади первомайских парадов и на пленки жизнерадостных кинофильмов. Утвердилась фальшивая массовость. Дутые цифры физкультурников, мертвый комплекс ГТО, который тщетно пытаются реанимировать, развалившиеся стадионы, отсутствие хоть какой-то спортивной одежды. А на фоне этого — блистательные победы, взмывающие флаги и слезы в глазах победителей.

«Наставникам, хранившим юность нашу...» Спорт — удел молодых. Но за ним стоят вполне взрослые люди, играющие во вполне взрослые игры. Им надо менять свое отношение к спорту. Или их надо менять. Ведь судьба Елены Мухиной — лишь вершина огромного айсберга искалеченных судеб. Задумаемся над этим.

Оксана ПОЛОНСКАЯ
Фото Анатолия БОЧИНИНА.



есть, нельзя пить, — что в первые годы после травмы, когда я только лежала, мне было дико, что от меня ничего не требуется. Мне так нужно было это чувство хоть какого-то преодоления, что я начала голодать, просто так. Мучить себя. Привычка...

Я часто вспоминаю один эпизод из жизни нашей прославленной олимпийской чемпионки по фигурному катанию Ирины Родниной. Помните, когда она упала на тренировке с поддержки, ударила головой об лед, ее отвезли в больницу с сильным сотрясением мозга, а через несколько дней все с тем же сотрясением мозга она выступала в соревнованиях и выиграла, наша маленькая мужественная женщина Роднина. Во славу ее мужества тогда было написано немало газетных материалов, снято телефильмов, даже написано книг. Но я снова и снова задаю себе вопрос: ради чего надо было заставлять ее в полубессознательном состоянии выходить тогда на лед? И если она сделала это по доброй воле, то кто загипнотизировал ее мыслью, что «за нами Москва», что «отступать некуда»? Ведь не война же! Спорт — благородное дело!

«Есть такие понятия — честь клуба, честь команды, честь сборной, честь флага. Слова, за которыми не разглядеть человека. Я никого не осуждаю и никого не виню в том, что со мной случилось. Ни Клименко, ни тем более тогдашнего тренера сборной Шаниязо-





1869—1939

КОНСТАНТИН
АНДРЕЕВИЧ
СОМОВ

СОБРАНИЕ
РУССКОЙ
ЖИВОПИСИ

XX
ВЕК



1875—1957

МСТИСЛАВ
ВАЛЕРИАНОВИЧ
ДОБУЖИНСКИЙ

Сейчас могут и не поверить, что во времена еще сравнительно недавние — вплоть до середины 50-х годов — у нас с угрюмой подозрительностью относились к деятельности знаменитого русского художественного объединения начала XX столетия «Мир искусства». Его попрекали в безыдейности, эстетском любовании прошлым, преклонении перед Западом и бог весть в каких еще смертных грехах. Разумеется, совершенно невпопад! Для объективной истории ныне очевидно, что с мирискусниками в большой мере связаны и многие благие перемены, и блистательные достижения русской художественной культуры в пору ее «серебряного века». Именно культуры в самом широком понимании слова, а не только отдельных видов и жанров творчества. Лидеры «Мира искусства», и прежде всего А. Бенуа, И. Грабарь, С. Дягилев, Н. Рерих, были великолепно образованными и широко мыслящими людьми. Для них Россия была не замкнутой в себе провинцией на отшибе, а достойной и полноправной частью всего мира, всего человечества. И современность они воспринимали не сиюминутно, а в мощном контексте всеобъемлющего исторического сознания. Подобный концепционный строй помог им вынести отечественное искусство на арену Европы и Америки, создав ему неслыханный ранее международный авторитет, — вспомним хотя бы организованные мирискусниками великие «русские сезоны» десятих годов, этот триумф театра, музыки и живописи России. Масштабность мышления мирискусников помогла и глубокому историзму обширного ряда их произведений, значение и ценность которого мы, может быть, только теперь по-настоящему стали понимать. Вместе с тем мастера «Мира искусства» вовсе не были чужды своей эпохе, остро и убедительно показывали характеры современников, прямо и кос-

венно откликались на события и умонастроения начала века.

Подлинная история «Мира искусства» еще не написана, его наследие не оценено пока по достоинству. В этих заметках пойдет речь только лишь о двух крупных представителях объединения, в творчестве которых полно раскрываются примечательные и разноплановые черты мирискуснической традиции.

Произведения К. А. Сомова, можно сказать, сотканы из парадоксов. Ученик И. Е. Репина, он виртуозно владел строгой классической формой, был «магом линии» (как сказал о нем А. Н. Бенуа). Вместе с тем в картинах мастера нередко преобладает декоративное начало, часто встречаются орнаментальность, стилизация под эмалевидную технику (популярную лет полтора-два назад), сплетения завораживающих красочных эффектов — фейерверков, радуг, вспыхивающего и затухающего света. «Художник «радуг» и «поцелуев», — писали о Сомове в журнале «Аполлон». Во многих своих портретах он предстает проницательным и тонким психологом, глубоко понимающим душевную жизнь людей своей страны и своей поры. Но Сомов то и дело переносит действие в иные времена и пределы, иногда не слишком определенные, так что перед зрительским взором возникают свободные фантазии романтического свойства. Художник бывает грустен и печален, но наряду с этим он в десятках композиций самозабвенно погружается в пестро-карнавальную праздничную стихию.

Эти столь разнородные качества всегда обретают в картинах Сомова законченное и чрезвычайно своеобразное единство. Оно не живописно и не литературно, а скорее театрально. Действие в его работах более всего напоминает мизансцены, причем такие, где сложно смешаны и переходят одна в другую разные эпохи. Что представляет собой «Дама в голубом» (1897—1900), пожалуй, самое прослав-

ленное из полотен Сомова? У героини есть реальный прототип — близко знакомая автору художница Елизавета Мартынова. Она показана и с абсолютным портретным сходством, и с истинным проникновением в характер этой печально-надломленной, тяжело больной (и вскоре умершей) женщины. Но живописец вовсе не ограничивал себя задачами психологически точной зарисовки с натуры. Мартынова держит в руке переплетенный в кожу томик, «роман классический, старинный», как сказано у Пушкина. И сама она показана как бы в облике персонажа этой книги: одета по моде сороковых годов XIX века, сзади нее — романтический парк той поры с характерным для него смешением элементов садовой архитектуры и «дикой» природы. Это образ идиллического счастья — розовеют облака над недвижными листьями и травами, играют в глубине сада флейтисты, некий задумчивый молодой человек бродит по аллеям. Таким рисуется в воображении «дамы в голубом» счастье жизни, представляющее ее мечте в декорациях давней эпохи.

Но ведь именно — в декорациях! Отсчетной точкой образа тут все-таки остается современница с ее реальными качествами — ее грустью, душевной стесненностью, ощущением внутренней тревоги. Быть может, именно потому так остро и волнующе воспринимается гармоничная красота паркового пейзажа и вообще всей этой мечтательной сцены, что она как бы пригрезилась не знающей душевного покоя и радости женщине нынешнего века.

Вот на таких сложных переходах из современности в давние эпохи, от неудовлетворенности всем тем, что повседневно окружает, к видениям безмятежно-счастливого бытия построены многие произведения Сомова. Впрочем, главное у него не сами эти переходы, когда непосредственно увиденные люди и ситуации сопоставляются с идеализированным прошлым или как-то «всаживаются» в него (как, напри-

мер, в картине «Эхо прошедшего времени», 1903, где в интерьере дворянской усадьбы изображена худая, угловатая, сильно декольтированная девушка — некий призрак в ампирном вкусе, обладающий, однако, столь свойственной XX веку остротой и нервно-острым характером; так же написаны некоторые портреты современниц — А. К. Бенуа, 1896, Е. П. Олив, 1914, — которые одеты на старинный манер и окружены стилизованной обстановкой). Такой прием — лишь одна из линий сомовского творчества, причем, пожалуй, не самая главная и достаточно открытая по своему содержанию. Более сложно разгадать современную подоплеку тех картин художника, в которых на первый взгляд все кажется фантазией, историзованным представлением, причудливой стилизацией. Таковы его многочисленные «фейерверки», «радуги», арлекинады; условные, загадочные, иронические, окрашенные в светло-лирические или блистательно-маскарадные тона зрелища на арене живописного «театра Сомова». В чем смысл и поэзия этих зрелищ? Сводятся ли они к изысканной, пленяющей взор красоте? Или в них таится более глубокая и значительная идея? И как в соответствии с этим строится их художественная «режиссура»?

Действие сомовского «Вечера» (1900—1902) происходит в огромном саду, похожем на французские дворцовые парки XVIII века с их геометризмованными зелеными массивами, сочетающими пышную плодоносность виноградников и классическую четкость пейзажных линий. Впрочем, следование знаменитым образцам здесь не слишком строгое — ландшафт не воспроизводит нечто конкретное, он лишь выдержан в определенном духе. Сомов менее всего был озабочен тем, чтобы как-то восславить времена, порядки и эстетику эпохи Людовика XIV. У нее взяты лишь некоторые черты, при помощи которых воссоздается иллюзорное царство красоты и гармонии. Оно



К. А. СОМОВ. ДАМА В ГОЛУБОМ. 1897—1900.

в общем-то представляет собой совершенно свободную мечтательно-романтическую фантазию. Автор ничуть не скрывает условный, игровой характер изображенной сцены. Две дамы с высокими прическами и их изящный кавалер в белом парике похожи на фарфоровых кукол. Напротив, виднеющиеся в глубинах сада статуи обнаженных античных богинь кажутся оживающими на глазах. Золотистые виноградные гроздья напоминают диковинные цветы, а подстриженные кусты — величавые пирамиды. Словом, вот неведомая страна, где жизнь счастлива, где все прекрасно и возвышенно.

Иначе говоря, это — урок для современности. Ради такой цели и написана картина как своего рода утопия, мечта об идеале. Это не столько ретроспекция, сколько романтическое видение современника.

В этом суть. Когда Сомов и других мирискусников трактовали как стилизаторов, упоенных далеким прошлым, то не замечали, что давние времена интересовали этих художников не сами по себе, а как воображаемый адрес «золотого века», куда люди наших дней проецируют свои надежды и грезы. Скажем, Е. Лансере увлекали блеск и пышность русского придворного церемониала елизаветинских времен. Л. Бакст в некоторых своих декоративных панно стремился воскресить дух возвышенных идиллий античности. Б. Кустодиев восхищался русской народной праздничной стихией с ее перехлестывающей через край жизненной энергией, ослепляющей россыпью красок, с вечным, неведомо куда устремленным движением и душевным порывом. Другие «праздники» у Н. Сапунова — его «карусели», «маскарады», «карнавалы», пиры в тавернах и кабаках —

АЛЕКСАНДР БЛОК. 1907.

Продолжение на вкл. 3.

ВЕЧЕР. 1900—1902.





СОЦИАЛЬНЫЙ ПАСПОРТ
СЕЛ БОРКИ И ВИТУЛИ

ВСЕГО В СЕЛАХ
ПРОЖИВАЕТ 1945 ЧЕЛОВЕК:
В БОРКАХ — 1600,
В ВИТУЛЯХ — 345.

ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО
И ДОШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА —
742 (38 ПРОЦЕНТОВ
ОТ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ),
32 МАТЕРИ-ГЕРОИНИ,
В СЕМЬЯХ КОТОРЫХ 10
И БОЛЕЕ ДЕТЕЙ,
212 МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ.

БОРКОВСКИЙ ФЕНОМЕН

ВСЕ ТО, С ЧЕМ СТОЛКНУЛИСЬ НА ВОЛЫНИ В ЛЮБЕШОВСКОМ РАЙОНЕ, МЫ НАЗВАЛИ УСЛОВНО «БОРКОВСКИМ ФЕНОМЕНОМ», ХОТЯ НАЗВАНИЕ ЭТО НЕ СОВСЕМ ТОЧНОЕ, ИБО ФЕНОМЕН ЭТОТ ЗАХВАТЫВАЕТ НЕ ТОЛЬКО СЕЛО БОРКИ, НО И НЕБОЛЬШОЕ БЛИЗЛЕЖАЩЕЕ СЕЛО ВИТУЛИ, ВХОДЯЩЕЕ ВМЕСТЕ С ПЕРВЫМ В КОЛХОЗ ИМЕНИ А. ПАРХОМЕНКО. ТАК УЖ СЛОЖИЛОСЬ, ЧТО, РАЗБИРАЯСЬ В ПРИЧИНАХ ТРЕВОЖНОЙ ТЕНДЕНЦИИ К СНИЖЕНИЮ РОЖДАЕМОСТИ И ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ НАШЕЙ СТРАНЫ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЗАДАВАЛИСЬ ВОПРОСОМ: «ПОЧЕМУ СТАЛИ МЕНЬШЕ РОЖАТЬ?» МЫ ЖЕ РЕШИЛИ ПОДОЙТИ К ЭТОМУ ВОПРОСУ С ИНОЙ СТОРОНЫ.

конечно, положительно. А секретарь Любешовского райкома партии Мария Антоновна Нынюк оказалась коренной борковчанкой и по дороге из Любешова в Борки старалась как можно полнее ответить на наши вопросы:

— Детей всегда рождалось много. Считали, что так и надо. Аборт или просто нежелание иметь ребенка, как и везде, считались грехом. У нас особенно. Сейчас молодежь рождает меньше, чем их матери и бабушки, но все равно больше, чем в городе или в каком другом районе, — традиция. Семьи любые: и старые, и новоиспеченные — крепкие. Что такое развод, в Борках не знают. Видимо, не случайно здесь так много аистов. Их гнезда и на фонарных столбах, и на крышах домов... Это очень красиво — аисты в живой природе, где и человек, и его жилища не помеха дикой птице, если прилетает она сюда и гнездится, и выводит потомство каждый год. Аистыные гнезда здесь тоже многодетные — по четыре-пять птенцов в каждом.

Председатель сельсовета Сергей Иванович Синчук — хранитель «борковского феномена» — иронично замечает:

— Приезжали тут и до вас. И кино снимали, и передачу для телевидения, и из республиканского журнала тоже. Так же, как и вы, все выясняли, отчет же это у нас детей так много.

— Ну и как, выяснили?

— Да они все больше на нашу жизнь дивились.

Ну вот и мы решили на борковскую жизнь подивиться, пожить с недельку, с людьми поговорить, в историю Борков

заглянуть, прикинуть, что ожидает их в недалеком будущем.

Изучали мы борковский уклад с удовольствием, наблюдая деревенскую жизнь со всеми ее атрибутами: с петухами по утрам, с лошадьми, с двумя-тремя коровами в каждом дворе, с добротными телегами, с прялками в домах. И вспомнила я, как, проезжая в прошлом году по рязанской земле, увидела осиротевшие, угасающие деревни, заколоченные мертвые дома. И показалось тогда, что канули в Лету те времена, когда кормился крестьянин со своей земли, твердо стоял на ногах, имел дом, подворье, землю и большую дружную, трудовую семью. Где все вместе землю пахут и урожай собирают, в армию провожают и свадьбы шумные играют. А в Борках и Витулях зайдешь в любую хату, так обязательно молочка холодненького предложат и только потом разговоры разговаривать станут. А на стол накроют, так только запоминать, что увидел, чтобы потом в городе рассказать, как выглядит и пахнет настоящая домашняя деревенская колбаса, как смачно режут розовое, тающее во рту сало, как ложка, воткнутая в сметану, стоит не шелохнется, как вкусен свежий сыр и как щедро огромными ломтями режут тут только что испеченный домашний хлеб!

Объясняя это все, не обойтись тут без экскурса в историю. Часть Западной Украины, в которую входил и Любешовский район, вошла в состав Советского Союза в 1939 году. До того времени места эти относились к Польше. Жили под поляками по-разному. Преимуществом тяжело, но голодухи, по-

добной голоду 1921 года в России или 1932—1933 годов на Украине, юге России, Казахстане, не переживали. Такой голодухи, когда люди вымирали селами и дело доходило до людоедства. Не подвергались местные крестьяне и репрессиям, раскулачиванию, насильственному выселению. Перед войной только начали создаваться колхозы, установилась Советская власть. Когда грянула война, остались на месте всем селом. Было оно партизанским. После освобождения в 1944 году мужчины ушли в действующую армию. Вернулись с победой, начали вновь организовывать колхозы. Первый председатель колхоза Игнат Филимонович Рябийк вспоминал:

— До 1948 года в хате своей не спал. Бандеровцы за нами охотились. За мной да за председателем сельсовета. Тяжелое было время. В 1949 году в колхоз вступило уже 100 процентов сельчан. Было у нас 100 пар лошадей, 20 пар волов.

В колхоз вступали с охотой. Верили, что они хозяева своей земли. Не было у них того печального опыта, который имели за плечами миллионы крестьян России и других республик. Для них в конце 40-х все только начиналось. А через три года умер Сталин, и вздох облегчения крестьянства страны не отозвался эхом в украинском Полесье. Не поняли, что произошло раскрепощение колхозников, потому что не успели почувствовать себя несвободными. Но и счастья, о котором мечтали, не обрели. И не потому, что плохо трудились, как раз наоборот. Только из долгов хозяйство так до сих пор и не вылезло.

Ивправду, почему в одной республике, в одном районе, при равных климатических и прочих условиях в двух селах детей рождается намного больше, чем во всех остальных? Почему в сравнении с другими селами и районами европейской части нашей страны, где рождаемость за последние десятилетия неудержимо падала, в Борках и Витулях она осталась довольно высокой и по сей день?

В обкоме партии в ответ пожали плечами и сказали: что относится к этому нормально, без ажиотажа, ну и в целом,



Напугало крестьян постановление, согласно которому стали ликвидировать личный скот, сокращать подсобное хозяйство. Но здесь обошлись по-божески. Если в других местах под нож пустили все вплоть до последнего куренка, тут в каждом дворе сохранили по корове. А во многих многодетных семьях старались и по две. Потом распорядились восстановить личное хозяйство до прежних размеров. И до сих пор с этой земли и семью кормят, и излишки продают.

Когда в Полесье стали осушать болота, то прогрессивная эта мелиорация Борков не коснулась. И по сей день сохранилась, раскинулась широко заповедная Припятская пойма, где протекает берущая свое начало недалеко от этих мест речка Припять. Осуши болота, и угроза ее жизни станет реальностью. Но жива пойма, жива Припять — и леса, и озера, примыкающие к ней, изобилуют и рыбой, и зверем.

Но вот местные мужики в большинстве своем Припятскую пойму не жалуют, называют ее не заливными лугами — болотами. И обида есть, что в других местах осушили такие луга, а им не повезло. Вот и приходится для собственного хозяйства сено косить по пояс в воде. Нужна, по-видимому, мелиорация. Только не нарушить бы и здесь природное равновесие. То, чем жили поколения людей.

Казалось бы, какое может иметь отношение к рождаемости и время образования колхоза в Борках, и история

эта с Припятской поймой. Зачем эти экскурсии в историю, в далекие 30-е годы? Но еще и еще раз задавались вопросом: что же сохранило в этих местах нетронутым почти патриархальный уклад крестьянской жизни, а крестьянин остался крестьянином? Земля, кстати, по всем земледельческим меркам здесь совсем никудышная, но взлелеянная руками человеческими, как кормила, так по сей день кормит многочисленное племя борковчан. Может, там люди какие-то особенные? — спрашивали нас. Да, люди здесь особенные — трудятся все от мала до велика целый день. Такое тоже пришлось увидеть впервые. Порой казалось, что свободного времени ни у кого не остается. Но ведь и трудолюбие это, и любовь к земле подлинная, и чувство достоинства крестьянина — кормильца Отечества — все это не особенности, присущие изначально именно борковским земледельцам. Это чудом сохранившееся, не сотрясенное глобальными социальными катаклизмами село — островок неподорванной, не распыленной по ветру крестьянской жизни. Такой, какой она была бы везде: и в российском Черноземье, и в других областях Украины и Белоруссии, не переживи они того, что пришлось пережить...

НЕНАСИЛИЕ над человеком и природой — это, пожалуй, главные истоки так поразившего нас «борковского феномена». Вот и речка Припять здесь в истоках своих, еле заметная, течет меж разросшихся заливных лугов. А осуши из благих намерений пойму,

и лишится Днепр мощного своего притока, и живительный поток его, питающий море, оскудеет. Вот так волею судеб оказались Борки и Витули такой же заповедной зоной, как и Припятская пойма.

Но времена меняются, как меняются и критерии, по которым принято оценивать жизнь людей. Хранимые от разрушительных веяний прошлого, Борки и Витули сегодня оказались под совершенно реальной угрозой утраты своих «феноменальных» особенностей.

Как важно, чтобы этого не произошло, чтобы не потерять нам окончательно наш золотой фонд — исконных земледельцев, коих щедро рождает борковская земля. Селу нужна срочная помощь. Это же стыд, когда многодетные отцы зарабатывают в месяц 70—80 рублей, 100 — это уже предел мечтаний. Бывает, конечно, и больше, но это скорее исключение, а не правило. Основной верный доход, как и раньше, дают приусадебный участок, домашний скот, птица. Настоящее натуральное хозяйство.

Не находя дела дома, многие борковчане везут свои свободные руки на сезонные работы в Белоруссию, Россию, другие районы Украины. Вот и из семьи Сергейчуков один из сыновей решил податься в другие края. В семье — 10 детей. Старшие дочери уже замуж по-выходили, а младшая, Наташка, собирается идти в школу. Екатерина Макаровна в среднем зарабатывает 150 рублей в месяц, Иван Макарович — 80 рублей. Подворье у них богатое. Продукты

в основном все свои. Деньги в доме тратятся на одежду, крупные вещи. Из продуктов покупают только крупы, соль, муку. Две коровы у них в хозяйстве, лошадь, пара свиноматок.

— Вы почему в городе у себя детей много не рождаете? — рассуждает глава семейства. — Боитесь, что на свои 200 рублей прокормиться не сможете. А у нас страха такого нет. Хотя и немного получается в колхозе-то, да со своим хозяйством не пропадешь! Вот мы в один год в течение шести месяцев три свадьбы сыграли. Тяжело, конечно, пришлось, но выдюжили.

Замуж тут отдают шумно и щедро. Невеста в приданое получает корову. Традиция такая. Так что тут в каждом дворе одна корова как минимум. И обязательно земля — соток 50—60. Критерии преуспеяния тут тоже свои. Главное — это дом. Строятся здесь сами, всем миром, всей родней — сообща. Получается очень быстро. Но это тогда, когда строительные материалы есть. А есть они не всегда, и достают их люди сами где и как придется.

В многодетной семье Турик — 14 детей. Из них сыновей только — 9 человек! Девять солдат родила Ольга Ивановна. Вернулись уже из армии пятеро: Иван, Сергей, Михаил, Николай, Василий. Володя еще служит, а Федор и младшие его братья в армию только готовятся. Все по сей день живут в отцовском доме. И как трещит он по швам, можно себе представить. «Чего же не строитесь?» — спрашиваю. Василий Трифонович не отвечает и жестом



приглашает меня во двор, подводит к концу своего участка и показывает на три новеньких дома, расположенных метрах в 150 от нас:

— Все три наши. Достроить никак не можем. Себе строю отдельно, тоже кончить не могу. В район ходил и за кирпичом, и за лесом — не дали. Цемент позарез нужен, да где его возьмешь. Так что когда мы в эти дома въедем, никто не знает. Ничего от государства даром мне не надо. Ссуд никогда не брали, льготами не пользовались. Чего я хотел бы, как многодетный отец? Да чтоб за мои же деньги я мог материалы купить! Чтоб за мои деньги мне дали возможность свою жизнь лучше устроить!

Семь дней с утра и до позднего вечера мы ходили по селу, чтобы встретиться и поговорить с матерями-героинями, посмотреть, как им живется, узнать, чего не хватает, что необходимо сделать в селе для облегчения жизни. Ходили и видели, что живут в основном одинаково и деньги тратят на одно и то же, с детьми управляют, похоже, и мечтают об одном. И не чего-то такого необыкновенного хотят они. Чтобы наконец достроили баню — негде детей зимой мыть. Самое грустное, что баня-то построена, стоит у всех на виду уже год, да никак не получают для нее «начинку» — дефицитное сантехническое оборудование. Факт вопиющий, и разговоры вокруг него ведутся, да от них сантехника сама собой не появится. Помощь нужна, а ее нет.

Да что там баня! В селе до сих пор,



несмотря на то, что детей в нем почти 40 процентов от всего населения, нет своего детского врача. Тут, в городе, где все под боком, с одним ребенком насидишься да находишься, а каково с такой оравой в райцентр ездить! Амбулатория в селе есть. Помещение — две старенькие хатки на краю села. Неукомплектованы штаты. Нет педиатра, стоматолога. Новое здание для амбулатории собирались строить, да сорвалось. В 1986 году район не выполнил план строительных работ. И на следующий год решили район за это наказать — взяли и сняли нереализованную сумму с баланса района, чтобы неоправданно было. Туда-то как раз и вошли фонды, выделенные на строительство борковской амбулатории. Наказанными остались многодетные матери и бесчисленная борковская ребятня — тут не один стрелочник, вот их сколько по сельским улицам бегают!

У Дорош Анны Петровны 10 детей — семь мальчиков и три девочки. Работает она уборщицей в школе за 80 рублей в месяц, муж — тракторист. Детей много, одежда на них горит, а в магазин пойдешь — купить нечего. Говорит об этом с болью:

— Вроде все есть, да ведь для нас дорого. На наши деньги не купить. Как-то раз из Луцка привезли целую машину уцененных товаров. Все раскупили — машина пустая уехала. Хорошо бы раз в месяц у нас такую распродажу устраивали. Ведь я знаю, в больших городах это все висит, спросом не пользуется, а мы тут этих товаров ждем не

ждемся. Приходится за мукой, пшеном, одеждой дешевой в Белоруссию ездить. Тяжело все это. Дети подрастают, видят, что тяжело живем. У моей мамы было 13 детей, у меня 10. а моя дочка Надя говорит, что ни к чему это. Детям нечем заняться. Они нам здорово помогают, но ведь хочется, чтоб и научились чему. Вот наш Вася в клуб ходил, в духовой оркестр. На трубе какой-то играл. Нравилось ему, да закрыли тот кружок, и податься больше некуда.

У Ковалик Марии Кирилловны была только одна просьба:

— Вы попросите там, чтоб передали Горбачеву нашу материнскую просьбу. Пятеро из десяти наших детей уехали из села. Хочется поехать до них, посмотреть, как живут. Да разве на наши деньги далеко уедешь? Если бы можно было хоть раз в году матери-героине бесплатно к своим детям проехать. Ничего больше мне не надо.

Молодежь меньше рождает. Но есть и молодые матери-героини. У Гаврилюк Марии недавно родился десятый ребенок — Светланка. А сама Мария с 1951 года. Помощи или заботы какой-то, как многодетная мать, особенной не чувствует.

Все семь дней, что жили мы в селе, приходили к нам по одному, по несколько человек и просили об одном и том же. Была раньше в Борках церковь, она и сейчас стоит, но разрушенная, сиротевшая. Построена была в 1669 году. До начала 60-х годов была она действующей, потом ее закрыли. В 1974 году люди, собрав деньги, решили всем миром ее подремонтировать. Купили жести, наняли мастеров, даже начали потихоньку крыть крышу. Но местное начальство при поддержке милиции жести эту конфисковало и куда-то увезло. Так до сих пор ее и нет. Ходили жаловались, просили защиты, но время было такое, что до правды так и не достучались. Сейчас просят дать возможность восстановить церковь и снова открыть ее. Вроде времена другие наступили, может, учтут желание народное. Кстати, деньги люди готовы собрать сами, хотят только одного — разрешение от властей получить. Нельзя, чтобы осталось в сознании людей то, что церковь ту 300 с лишним лет назад их предки построили, а свели ее на нет всего-то за пару десятков лет.

А у Марии Антоновны Нынюк душа болит о другом:

— Церковь церковью, но что же с нашим кладбищем, стало: будто недосуг подправить могилку, где их отцы и деды лежат. Это тоже наша история, и ее прежде всего чтить и помнить надо.

Но нет ли, Мария Антоновна, связи между оскорбленной верой и приходящим в запустение кладбищем, равнодушием, начинающим проникать в жизнь людей?

И личное хозяйство как основное средство выживания, и покидающая родные места молодежь, и уезжающие на заработки борковчане — все это явные приметы отчуждения, догнавшие село именно сейчас. Новые веяния достигли и глубинки. Начинают заключаться договоры на семенной и коллективный подряд, сдается в аренду земля, постепенно оздоравливается колхозная экономика — стали, наконец, выплачивать государству долги. Но веры в то, что именно через новые методы хозяйствования придет село к новой, богатой, цивилизованной жизни, у людей пока нет. Слишком долго ждали они перемен.

Не осушить бы невниманием и равнодушием к судьбам людей этот народный родник. Хотелось бы верить, что особым будет отношение к глубинке, таким же особым, как и отношение к заповедной Припятской пойме. Ведь экология деревни — это экология нации. Ее истоки, ее будущее.

Майра САЛЫКОВА
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

В МИНУ

МЫ ЗНАЕМ СТИХИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ, БЕЗ КОТОРЫХ НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК РУССКОЙ ПОЭЗИИ», ДА И ПРОСТО РУССКУЮ ПОЭЗИЮ. МЫ ПРОЧИТАЛИ НЕСКОЛЬКО УДИВИТЕЛЬНЫХ ПО ЭКСПРЕССИИ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЦВЕТАЕВОЙ. НАКОНЕЦ, В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ МЫ ПОЛУЧИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ О НЕЙ, О ЕЕ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ. И ВСЕ-ТАКИ ОСТАЕТСЯ ОЩУЩЕНИЕ НЕДОСКАЗАННОСТИ — МОЖЕТ БЫТЬ, ОНО ВОЗНИКАЕТ ОТ ТОГО, ЧТО О МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ — ТАК ЖЕ, КАК О БЛОКЕ, МАЯКОВСКОМ, АХМАТОВОЙ, ПАСТЕРНАКЕ, ЕСЕНИНЕ, — НАМ ХОЧЕТСЯ ЗНАТЬ БУКВАЛЬНО ВСЕ. СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ М. ЦВЕТАЕВОЙ, ОТНОсяЩИЕСЯ К ОДНОМУ ИЗ САМЫХ ТЯЖЕЛЫХ ПЕРИОДОВ ЕЕ ЖИЗНИ, И СТАТЬЮ «НЕЗДЕШНИЙ ВЕЧЕР», ПОСВЯЩЕННУЮ ПАМЯТИ ПОЭТА МИХАИЛА КУЗМИНА (ДРУГИЕ ГЕРОИ «НЕЗДЕШНЕГО ВЕЧЕРА» — ЕСЕНИН, АХМАТОВА, ГУМИЛЕВ, УВИДЕННЫЕ ГЛАЗАМИ ЦВЕТАЕВОЙ «ПЕРЕД БУРЕЙ»). ВМЕСТЕ ЭТИ ДВЕ ПУБЛИКАЦИИ ПРОЛИВАЮТ СВЕТ НА ГОДЫ ЖИЗНИ ЦВЕТАЕВОЙ, ВО МНОГОМ ОПРЕДЕЛИВШИЕ ЕЕ ДАЛЬНЕЙШУЮ СУДЬБУ, И ЕЩЕ РАЗ ВОЗВРАЩАЮТ НАС К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ. «БЛАЖЕН, КТО ПОСЕТИЛ СЕЙ МИР В ЕГО МИНУТЫ РОКОВЫЕ!..»



1912 год.

Марина ЦВЕТАЕВА

ЧЕРДАЧНОЕ

(Из московских записей 1919—1920 гг.)

Предлагаемые дневниковые записи, объединенные Цветаевой под названием «Чердачное», по-видимому, предшествуют семейной трагедии, разыгравшейся в феврале 1920 года: в Кунцевском приюте умерла от голода ее младшая дочь, Ирина, неполных трех лет. Марину Цветаеву уговорили поместить туда детей, чтобы не погибли от голода. Она была вынуждена для этого даже сделать вид, что это не ее дети, что она их «нашла»... Через месяц пришлось спасать старшую, больную, ослабевшую. Пока ее мать выхаживала дома — младшая угасла: директор приюта оказался вором и был позднее расстрелян...

«Чердачное» раскрывает перед читателем сложность, необычность, богатство натуры Марины Цветаевой, ее жизнестойкость и силу духа.

Лилит КОЗЛОВА

ТЫ РОКОВЫЕ

Пишу на своем чердаке — кажется 10 ноября — с тех пор, как все живут по-новому, не знаю чисел. С марта месяца ничего не знаю о С¹, последний раз видела его 18-го января 1918 г., как и где — когда-нибудь скажу, сейчас духу не хватает.

Живу с Алей и Ириной (Але 6 л., Ирина 2 г. 7 мес.) в Борисоглебском пер., против двух деревьев, в чердачной комнате, бывшей Сережиной. Муки нет, хлеба нет, под письменным столом фунтов 12 картофеля, остаток от пуда, «одолженного» соседями — весь запас.

— Анархист Шарль унес Сережины золотые старинные часы «élève de Breguet»² — ходила к нему сто раз, сначала обещал вернуть их, потом сказал, что покупателя на часы нашел, но потерял от них ключик, потом, что ключик на Сухаревой подыскал, но покупателя утерять, потом, что, боясь обыска, отдал их кому-то на хранение, потом, что их — у того, кому он их отдал — украли, но что он богатый господин и за такой мелочью не постоит, потом, обнаглел, начал кричать, что он за чужие вещи не отвечает. — В итоге: ни часов, ни денег. (Сейчас такие часы 12 тысяч, т. е. 1½ пуда муки). То же с детскими весами. (Шарль же).

Живу даровыми обедами (детскими). Жена сапожника Гранского — худая, темноглазая, с красивым, страдальческим лицом — мать пятерых детей — недавно прислала мне через свою старшую девочку карточку на обед (одна из ее девочек уехала в колонию) и «пышечку» для Али. Г-жа Г-ман³, соседка снизу, от времени до времени присылает детям супу и сегодня насильно «одолжила» мне третью тысячу. У самой трое детей. Мала, нежна, затерта жизнью: нянькой, детьми, властным мужем, непреложным, как ход светил, распорядком обедов и ужинов. (У нас в доме — еда всегда комета!). Помогает мне, кажется, тайком от мужа, которого, как еврея и удачника, я — у которой все в доме, кроме души, замерзло, и ничего в доме, кроме книг не уцелело, — естественно, не могу не раздражать.

Помогают мне еще, изредка, вспоминая о моем существовании — и не виню, ибо знакомы без году — неделя: актриса З-цева⁴, потому что любит стихи, и ее муж, потому что любит жену. Приносили картофеля, муж несколько раз выламывал балки на чердаке и пилил. Еще Р. С. Т-кин, брат г-жи Ц-лин, у которой я бывала на литературных вечерах. Дает спички, хлеб. Добр, участлив. И это все.

Бальмонт рад бы, да сам нищий. (Зайдешь, кормит и поит всегда). Его слово: «Я все время чувствую угрызения совести, чувствую, что должен помочь» — уже помощь. Люди не знают, как я безмерно — ценю слова! (Лучше денег, ибо могу платить той же монетой!)

Мой день: встаю — верхнее окно еще сереет — холод — лужи, пыль от

пилы — ведра — кувшины — тряпки — везде детские платья и рубашки. Пилю. Топлю. Мою в ледяной воде картошку, которую варю в самоваре. (Долго варила в нем похлебку, но однажды засорила пшеном так, что потом месяцами приходилось брать воду сверху, снимая крышку ложкой, — самовар старинный, краш витеватый, не вывинчивающийся, ни шпилькам, ни гвоздям не поддавался. Наконец, кто-то как-то — выдул). Самовар ставлю горячими углями, которые выбираю тут же из печки. Хожу и сплю в одном и том же коричневом, однажды безумно севшем, бумазейном платье, шитом весной 17-го года за глаза, в Александрове. Все прожжено от падающих углей и папирос. Рукава, когда-то на резинке, скручены в трубу и заколоты булавкой.

Потом уборка. — «Аля, вынеси окаренки!» Два слова об окаренке — он их заслуживает. Это главное действующее лицо в нашей жизни. В окаренке стоит самовар, ибо, когда кипит с картошкой, заливает все вокруг. В окаренке сливаются все помои. Окаренки днем выносятся, а по ночам выплескиваются мною во двор. Без окаренки — не жить.

Угли — мука от пилы — лужи... И упорное желание, чтобы пол был чистым! — За водой к Г-нам, с черного хода: боюсь наткнуться на мужа. Прихожу счастливая: целое ведро воды и жестянка! (И ведро и жестянка — чужие, мое все украдено). Потом стирка, мытье посуды: полоскательница и кустарный кувшинчик без ручки «для детского сада», короче: «Аля, готовь для мытья детский сад!» — чистка медной солдатской махотки и бидона для Пречистенки (усиленное питание, по протекции той же г-жи Г-ман) — корзиночка, где сумочка с обеденными карточками — муфта — варежки — ключ от черного хода на шею — иду. Часы не ходят. Не знаю времени. И, набравшись духу, к прохожему: «Извините, не можете ли вы мне сказать, сколько сейчас, приблизительно, времени?» Если 2 ч. — от сердца отлегло. (Кстати, как настоящее? Отлегло? Неблагозвучно).

Маршрут: в детский сад (Молчановка, 34) занести посуду. — Староконовским на Пречистенку (за усиленным), оттуда в Пражскую столовую (на карточку от сапожников), из Пражской (советской) к бывшему Генералову — не дают ли хлеб, оттуда опять в детский сад, за обедом, — оттуда — по черной лестнице, обвешанная кувшинами, судками и жестянками — ни пальца свободного! и еще ужас: не вывалилась ли из корзиночки бумага с карточками?! — по черной лестнице — домой. — Сразу к печке. Угли еще тлеют. Раздуваю. Разогреваю. Все обеды — одну кастрюльку: суп вроде каши. Едим. (Если Аля была со мной, первым делом отвязываю Ирину от стула. Стала привязывать ее с тех пор, как она однажды, в наше с Алей отсутствие, съела из шкафа полкочна сырой капусты). Кормлю и укрываю Ирину. Спит на синем кресле. Есть кровать, но в дверь не проходит. — Кипячу кофе. Пью. Курю. Пишу. Аля пишет мне письмо или читает. Часа два тишина. Потом Ирина просыпается. Разогреваем остатки месива. Вылавливаю с помощью Али из самовара оставшийся — застрявший в глубине картофеля. Укладываем — или Аля или я — Ирину. Потом Аля спать идет.

В 10 ч. день кончен. Иногда пилю и рублю на завтра. — В 11 ч. или в 12 ч.

я тоже в постель. Счастлива лампочкой у самой подушки, тишиной, тетрадкой, папиросой, иногда — хлебом.

Пишу скверно, тороплюсь. Не записала ни ascensions⁵ на чердак — лестницы нету (спалили) — подтягиваюсь на веревке — за бревнами, ни постоянных ожогов от углей, которые (нетерпение? ожесточение?) хватаю прямо руками, ни беготни по комиссионным магазинам (не продается ли?) и кооперативам (не дают ли?).

Не записала самого главного: веселья, остроты мысли, взрывов радости при малейшей удаче, страстной нацеленности всего существа — все стены исчерканы строчками стихов и NBI для записной книжки. Не записала путешествий по ночам в страшный ледяной низ — в бывшую Алину детскую — за какой-нибудь книгой, которую вдруг безумно захотелось, не записала постоянной нашей с Алей настроенной надежды: не стучат ли? Кажется, стучат! Звонок не звонит с начала революции, вместо звонка — молоток. Мы живем наверху, за семью дверями и слышим все: каждый взвизг чужой пилы, каждый взмах чужого топора, каждое хлопанье чужой двери, каждый шум во дворе, — все, кроме стука в нашу дверь! (И — вдруг — кажется стучат! — или Аля, накинув синюю шубку, шитую, когда ей было два года, или я, не накинув ничего — вниз, оцупью, вскачь, в полной темноте, сначала мимо лестницы без перил (спалили) потом по этой лестнице — к цепочке парадной двери. (Кстати, можно войти и без нашей помощи, только не все знают).

Не записала своей вечной, одной и той же — теми же словами! молитвы перед сном.

Но жизнь души — Алиной и моей — вырастет из моих стихов — пьес — ее тетрадок.

Я хотела записать только день.

А сегодня, например, я целый день ела, а могла бы целый день писать. Я совсем не хочу умереть с голоду в 19-м году, но еще меньше хочу сделаться свиньей.

От природы не терплю запасов. Или съем, или отдам.

А можно, чтобы не было страшно, вообразить себе так: хлеб стоит не 200 руб., а как прежде 2 коп., но у меня этих двух копеек нет — и никогда не будет.

Господи! Сколько сейчас в России Ноздревых (кто кого и как не ошельмовывает! кто чего на что не выменивает!) — Коробочек («а почему сейчас в городе мертвые души?», «а почему сейчас на рынке дамские манекены?»): я, например) — Маниловых («Храм Дружбы» — «Дом Счастливой Матери») — Чичиковых (природный спекулянт!).

А Гоголя нет. Лучше бы набоорот.

«Уже не смеется»
(надпись на моем кресте).

Я восприняла 19-й год несколько преувеличенно, — так, как его воспримут люди через сто лет: ни пылинки муки, ни солины соли (золинок и соринок хоть отбавляй!) — ни крупинки, ни солины, ни обмылка! — сама чищу трубы, сапоги в два раза больше ноги, — так какой-нибудь романист, с воображением в ущерб вкусу, будет описывать 19-й год.

Есть ли сейчас в России — Розанов умер — настоящий созерцатель и наблюдатель, который мог бы написать настоящую книгу о голоде: человек, который хочет есть — человек, который хочет курить — человек, которому холодно — о человеке, у которого есть и который не дает, о человеке, у которого нет, и который дает, о прежних щедрых — скарденых, о прежних скупых — щедрых, и, наконец, обо мне: поэте и женщине, одной, одной, — как дуб — как волк — как Бог — среди всяческих чум Москвы 19-го года.

Я бы написала — если бы не завиток романтики во мне — не моя близорукость — не вся моя особенность, мешающие мне иногда видеть вещи такими, какие они есть.

— О, если бы я была богата! — Милый 19-й год, это ты научил меня этому воплю! Раньше, когда у всех все было, я и то ухитрялась давать, а сейчас, когда ни у кого ничего нет, я ничего не могу дать, кроме души — улыбки — иногда полена дров (от легкомыслия!) — а это мало.

О, какое поле деятельности для меня сейчас, для моей ненасытности на любовь. Ведь на эту удочку идут все — даже самые сложные! — даже я! Я, например, сейчас определенно люблю только тех, кто мне дает — обещает и не дает — все равно! — хотя бы минуточку — искренно (а может быть и не искренно — наплевать!) хотел бы дать.

Фраза, поэтому и весь смысл, по причуде пера и сердца, могла бы пойти иначе, и тоже была бы правда.

Раньше, когда у всех все было, я все-таки ухитрялась давать. Теперь, когда у меня ничего нет, я все-таки ухитряюсь давать.

Хорошо?

Даю я, как все делаю, из какого-то душевного авантюризма — ради улыбки — своей и чужой.

Что мне нравится в авантюризме? — Слово.

Москва, зима 1919—1920 г.г.
Текст печатается по прижизненному изданию («Дни», Берлин, 25 декабря 1924 г.) с сокращениями.

¹ Сергей Яковлевич Эфрон (1893—1941), муж М. И. Цветаевой

² «Школа Брегз» (фр.). Брегз — фирма по изготовлению часов (см. в I главе «Евгения Онегина»).

³ Согласно изысканиям Н. И. Катаевой-Лыткиной, это соседка из кв. № 2, Елизавета Моисеевна, жена адвоката Михаила Юрьевича Гольдмана.

⁴ В. К. Звягинцева, ее муж — А. С. Ерофеев.

⁵ Вознесения (фр.).

НЕЗДЕШНИЙ ВЕЧЕР

Марина ЦВЕТАЕВА

Статья Марины Ивановны Цветаевой «Нездесьшний вечер» была откликом на смерть ее друга, поэта М. Кузмина. Написанная в 1936 году в Париже, она тогда же была опубликована в журнале «Современные записки» на русском языке. В издательстве «Художественная литература» выходит двухтомник избранных работ М. Цветаевой, куда вошел и «Нездесьшний вечер».

Над Петербургом стояла вьюга. Именно — стояла: как кружащийся волчок — или кружащийся ребенок — или пожар. Белая сила — уносила. Унесла она из памяти и улицу и дом, а меня донесла — поставила и оставила — прямо посреди зала — размеров вокзальных, бальных, музейных, сновиденных.

Так, из вьюги в залу, из белой пустыни вьюги — в желтую пустыню залы, без промежуточных инстанций подъездов и вводных предложений слуг.

И вот, с конца залы, далекой — как в обратную сторону бинокля, огромные — как в настоящую его сторону — во весь глаз воображаемого бинокля — глаза.

Над Петербургом стояла вьюга и в этой вьюге — неподвижно как две планеты — стояли глаза.

Стояли? Нет, шли. Завороженная, не замечая, что сопутствующее им тело тронулось, и осознаю это только по безумной рези в глазах, точно мне в глазницы вогнали весь бинокль, краем в край.

С того конца залы — неподвижно как две планеты — на меня шли глаза.

Глаза были — здесь.

Передо мною стоял — Кузмин.

Глаза — и больше ничего. Глаза — и все остальное. Этого остального было мало: почти ничего.

Но голос не был здесь. Голос точно не поспел за глазами, голос шел еще с того конца залы — и жизни, — а, может быть, я, поглощенная глазами, не поспевала? — первое чувство от этого голоса: со мной говорит человек — через реку, а я, как во сне, все-таки слышу, как во сне — потому что это нужно — все-таки слышу.

...Мы все читали ваши стихи в «Северных записках»... Это была такая радость. Когда видишь новое имя, думаешь: еще стихи, вообще стихи, устное изложение чувств. И большею частью — чужих. Или слова — чужие. А тут сразу, с первой строки — свое, сила. «Я знаю правду! все прежние правды — прочь!»... И это мы почувствовали — все.

— А я пятнадцати лет читала ваше «Зарыта шпагой — не лопатой — Манон Леско!». Даже не читала, мне это говорил наизусть мой вроде — как жених, за которого я потом не вышла замуж, именно потому что он был — лопата: и борода — лопатой, и вообще...

Кузмин, испуганно:

— Бо-ро-да? Бородатый жених?

Я, создавая, что пугаю:

— Лопатный квадрат, оклад, а из оклада бесовственно-честные голубые глаза. Да. И когда я от него же узнала, что есть такие, которых зарывают шпагой — «А меня лопатой — ну нет!»... И какой в этом восхитительный, всего старого мира — вызов, всего того века — формула: «Зарыта шпагой — не лопатой — Манон Леско». Ведь все ради этой строки написано?

— Как всякие стихи — ради последней строки.

— Которая приходит первой.

— О, вы и это знаете!

О Кузмине в Москве шли легенды. О каждом поэте идут легенды, и слагают их все те же зависть и злость. Припев к слову Кузмин был «жеманный, мазанный».

Жеманности не было: было природное изящество чужой особи, особое изящество костяка (ведь и скелет неравен скелету, не только души!), был отлетающий мизинец чаепития — так в XVIII веке держал освободитель Америки Лафайет, так в Консержерии из оловянной кружки пил наимуужественнейший поэт Андрей Шенье — были, кроме личного изящества костяка — физическая традиция, физический пережиток, «манерность» — рожденная.

Была — севрская чашка.

Был в Петербурге XX века — француз с Мартиники — XVIII-го.

О «мази» же. Мазь — была. Ровная, прочная, темно-коричневая, маврова, мулатова, господо-богова. Только не «намазан» был, а — вымазан, и даже — выварен: в адовом ли кофе лирической бессонницы, в ореховом ли настое всех сказок, в наследственной ли чужеземной прикрови — не знаю. Знаю только, что ровнее и коричневее, коричневее — и ровнее — и роднее — я краски на лице не видела. Разве на лице нашего шоколадного дома в Трехпрудном.

Но из этого кофейного цыганского навара, загара, идет на меня другое родное сияние: серебро. Костюм был серебряный, окружение сновиденно-невесомых и сновиденно-свободных движений было — серебряное, рукав, из которого цыганская рука — серебряный. А может и серебряным-то был (простой серый скучный) рукав — от цыганства руки? А может быть — от серебряного Петербурга — серебро? Так или иначе — в два цвета, в две краски — ореховую и серебряную — и третьей не было. Но что было — кольца. Не ручные (наперстные), если и были — не помню и не о них говорю, и не ушные — хотя к этому лицу пристали бы как припаянные, были — волосные. С гладкой

небольшой драгоценной головы, от уха к виску, два волосных начеса, дававших на висках по полукольцу, почти кольцу — как у Кармен или у Тучкова IV или у человека, застигнутого бурей.

Вот он закурил папиросу и ореховое лицо его с малиновой змейкой улыбки — как сквозь голубую завесу... (А где-то завеса — дымовая. Январь 1916 г. Война.)

Занеся голову на низкую спину дивана и природно, как лань, красуясь... Но вдруг красованию конец:

— Вы, вы меня простите... Я все время здесь кого-то видел — и я его не вижу — уже не вижу — он только что был — я его видел — а теперь...

Исчезновение видения.

— Как вам понравился Михаил Алексеевич? — мне — молодой хозяин, верней — один из молодых хозяев, потому что их — двое: Сережа и Лёня. Лёня — поэт, Сережа — путешественник, и дружу я с Сережей. Лёня — поэтичен, Сережа — нет, и дружу я с Сережей. Сереже я рассказываю про свою маленькую дочь, оставшуюся в Москве (первое расставание) и которой я, как купец в сказке, обещала привезти красные башмаки, а он мне — про верблюдов своих пустынь. Лёня для меня слишком хрупок, нежен... цветок. Старинный томик «Медного Всадника» держит в руке — как цветок, слегка отставив руку — саму, как цветок. Что можно сделать такими руками?

Кроме того, я Лёне явно должна не нравиться — он все время равняет меня, мою простоту и прямоту, по ахматовскому (тогда!) излому — и все не сходится, а Сережа меня ни по чему не равняет — и все сходится, то есть сошлось — он и я — с первой минуты, на его пустыне и на моей дочери, на самом любимом.

Лёню чисто физически должен раздражать мой московский говор: — спасибо — ладно — такое..., которое он неизменно отмечает: — Настоящая москвичка! — что меня уже начинает злить и уже заставляет эту московскую — усиливать, так что с Лёней, гладкоголовым, точным, точным — я, впадающая в скобку, со своим «пуще» и «гуще» — немножко вроде московского ямщика. Сейчас мы с Сережей ушли в кабинет его отца и там беседуем.

— Как вам нравится Кузмин?

— Лучше нельзя: проще нельзя.

— Ну, это для Кузмина — редкий комплимент...

Сажу на шкуру белого медведя, он стоит.

— А, так вот вы где? — важный пожилой голос. — Отец Сережи и Лёни, известный строитель знаменитого броненосца — высокий, важный, иронический, ласковый, неотразимый — которого про себя зову — лорд.

— Почему поэты и поэтессы всегда садятся на пол? Разве это удобно? Мне кажется, в кресле гораздо приятнее...

— Так ближе к огню. И к медведю.

— Но медведь — белый, а платье — темное: вы вся будете в волосах.

— Если вам неприятно, что я сижу на полу, то я могу сесть на стул! — я, уже жестким голосом и с уже жаркими от близких слез глазами (Сережа, укоризненно: — Ах, папа!..).

— Что вы! Что вы! Я очень рад, если вам так — приятно... (Пауза). И по этой шкуре же все ходят...

— Crime of lese Majesté! То же самое, что ходить по лилиям.

— Когда вы достаточно изъясните ему свое сочувствие, мы пройдем в гостиную и вы нам почитаете. Вас очень хочет видеть Есенин — он только приехал. А вы знаете, что сейчас произошло? Но это несколько... вольно. Вы не рассердитесь?

Испуганно молчу.

— Не бойтесь, это просто — смешной случай. Я только что вернулся домой, вхожу в гостиную и вижу: на банкетке — посреди комнаты — вы с Лёней, обнявшись.

Я:

— Что-о-?!

Он, невозмутимо:

— Да, обняв друг друга за плечи и сдвинув головы. Лёня черная затылок и ваш светлый кудрявый. Много я видел поэтов — и поэтесс — но все же, признаться, удивился...

Я:

— Это был Есенин!

— Да, это был Есенин, что я и выяснил, обогнув банкетку. У вас совершенно одинаковые затылки.

— Да, но Есенин в голубой рубашке, а я...

— Этого, признаться, я не разглядел, да из-за волос и рук ничего и видно не было.

Лёня, Есенин. Неразрывные, неразрывные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах их сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись — через все и вся — поэты.

Лёня ездил к Есенину в деревню, Есенин в Петербурге от Лёни не выходил. Так и вижу их две сдвинутые головы — на гостиную банкетку, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту... (Мысленно и медленно обхожу ее.) Лёня черная головная гладь, Есенинская сплошная кудря, курча, Есенинские васильки, Ленины карие миндалины. Приятно, когда обратно — и так близко. Удовлетворение, как от редкой и полной рифмы.

После Лёни осталась книжечка стихов — таких простых, что у меня сердце сжалось: как я ничего не поняла в этом эстете, как этой внешности — поверила.

Сажу в той желтой зальной — может быть от Сережиных верблюдов — пустыне и читаю стихи, не читаю — говорю наизусть. Читать по тетрадке я стала только, когда перестала их знать наизусть, а знать перестала, когда говорить перестала, а говорить перестала — когда просить перестали, а просить перестали с 1922 года — мое.

го отъезда из России. Из мира, где мои стихи кому-то нужны были, как хлеб, я попала в мир, где стихи — никому не нужны, ни мои стихи, ни вообще стихи, нужны — как десерт: если десерт кому-нибудь — нужен... <...>

Эти стихи Германии — мой первый ответ на войну. В Москве эти стихи успеха не имеют, имеют обратный успех. Но здесь, — чувствую — попадают в точку, в единственную цель всех стихов — сердце. Вот самое серьезное из выражений:

— Волшебный, премудрый — да, я бы только не сказал — благоуханный: благоуханны — Италия, Сицилия...

— А — липы? А — елки Шварцвальда? О Tannenbaum, O Tannenbaum! А целая область — Harz, потому что Harz — смола. А слово Harz, в котором уже треск сосны под солнцем...

— Bravo, bravo, М. И. это называется — защита!

Читаю еще:

— Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!

Не надо людям с людьми на земле бороться!

Смотрите: вечер! Смотрите, уж скоро ночь!

О чем — поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,

Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,

И под землею скоро уснем мы все,

Кто на земле не давали уснуть друг другу.

Читаю весь свой стихотворный 1915 год — а все мало, а все — еще хотят. Ясно чувствую, что читаю от лица Москвы и что этим лицом в грязь — не

ударяю, что возношу его на уровень лица — ахматовского, Ахматова! Слово сказано. Всем своим существом чую напряженное — неизбежное — при каждой моей строке — сравнение нас, а в ком и — сравнение: не только Ахматовой и меня, а петербургской поэзии и московской, Петербурга и Москвы. Но, если некоторые ахматовские ревнители меня против меня слушают, то я-то читаю не против Ахматовой, я — к Ахматовой. Читаю, — как если бы в комнате была Ахматова, одна Ахматова. Читаю для отсутствующей Ахматовой. Мне мой успех нужен, как прямой провод к Ахматовой. И если я в данную минуту хочу явить собой Москву — лучше нельзя, то не для того, чтобы Петербург — победить, а для того, чтобы эту Москву — Петербургу — подарить, Ахматовой эту Москву в себе, в своей любви, подарить, перед Ахматовой — поклониться. Поклониться ей самой Поклонной Горой с моей непоклонной из голов на вершине.

Что я и сделала, в июне 1916 г., простыми словами:

В певучем граде моем купола горят,

И Спаса Светлого славят слепец бродячий,

И я дарю тебе свой колокольный град

— Ахматова! — и сердце свое в придачу.

Чтобы все сказать: последовавшим за моим петербургским приездом стихами о Москве я обязана Ахматовой, своей любви к ней, своему желанию ей подарить что-то вечнее любви, то подарить — что вечнее любви. Если бы я могла просто подарить ей — Кремль, я бы наверное этих стихов не написала. Так что соревнование, в каком-то смысле, у меня с Ахматовой — было,

но не «сделать лучше нее», а — лучше нельзя, и это лучше нельзя — положить к ногам. Соревнование? Рвение. Знаю, что Ахматова потом в 1916—17 году с моими рукописными стихами к ней не расставалась и до того доносила их в сумочке, что одни складки и трещины остались. Этот рассказ Осипа Мандельштама — одна из самых моих больших радостей за жизнь.

Потом — читают все. Есенин читает Марфу-Посадницу, принятую Горьким в «Летопись» и запрещенную цензурой. Помню сизые тучи голубей и черную — народного гнева. — «Как Московский царь — на кровавой гульбе — продал душу свою — Антихристу»... Слушаю всеми корнями волос. Неужели этот херувим, это Milchgesicht, это оперное «Отоприте! Отоприте!» — этот — это написал? — почувствовал? (С Есениным я никогда не перестала этому удивляться). Потом частушки под гармонику, точно из короба, точно из ее кузова сыплющимся горохом говорка:

Играй, играй, гармонь моя!
Сегодня тихая зоря,
Сегодня тихая зоря, —
Услышит милая моя.

Осип Мандельштам, полузакрыв верблюжий глаза, вещает:

Поедем в Ца-арское Се-ело,
Свободны, веселы и пьяны
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...

Пьяны ему цензура переменяла на рьяны, ибо в Царском Селе пьяных уланов не бывает — только рьяные!

Критик Григорий Ландау читает свои афоризмы. И еще другой критик, которого зовут Луарсаб Николаевич. Помню из читавших еще Константина Ландау из-за его категорического обо мне, потом, отзыва — Ахматовой. Ахматова: — Какая она? — О, замечательная! Ахматова, нетерпеливо: — Но можно в нее влюбиться? — Нельзя не влюбиться. (Понимающие мою любовь к Ахматовой — поймут).

Читают Леня, Иванов, Оцуп, Ивнев, кажется — Городецкий. Многих — забыла. Но знаю, что читал весь Петербург, кроме Ахматовой, которая была в Крыму, и Гумилев — на войне.

Читал весь Петербург и одна Москва.

...А вьюга за огромными окнами подвижно бушует. А время летит. А мне, кажется, пора домой, потому что больна моя милейшая хозяйка, редакторша «Северных Записок», которая и выводит меня в свет: сначала на свет страниц журналов (первого, в котором я печатаюсь), а сейчас — на свет этих люстр и лиц.

София Исааковна Чацкина и Яков Львович Сакер, так полюбившие мои стихи, полюбившие и принявшие меня как родную, подарившие мне три тома Афанасьевских сказок и двух рыжих лисиц (одну — лежачую круговую, другую — стоячую: гонораров я не хотела) и духи Casmin de Corse — почтительную любовь к Корсиканцу, — возившие меня в Петербурге на острова, в Москве к цыганам, все минуты нашей совместности меня праздновавшие...

София Исааковна Чацкина и Яков Львович Сакер, спасибо за праздник — у меня его было мало.

Дом «Северных Записок» был дивный дом: сплошной нездешний вечер. Стены книг, с только по верхам приметными темно-синими дорожками обоев, точно вырезанными из ночного неба, белые медведи на полу, день и ночь камин, и день и ночь стихи, особенно — «ночь». Два часа. Звонок по телефону. — К вам не поздно? — Конечно, нет! Мы как раз читаем стихи. — Это «как раз» было — всегда.

Так к ней тороплюсь, к Софье Исааковне, которая наверное с нетерпением ждет меня — услышать про мой (а этим и свой) успех.

— Михаил Алексеевич! Умоляю — почитайте сейчас! А то мне — уходить.

Певуче:

— Куда-а?

Объясняю.

Он, не слушая:

— За-че-ем? Здесь хорошо. Здесь очень хорошо. Нам всем — давно пора уходить.

(О как мы скоро потом — все ушли! В ту самую вьюгу, нас грозно и верно стерегущую...)

Продолжаю умолять.

Он:

— Я прочту — последнее.

(Начало о зеркалах. Потом:)

Вы так близки мне, так родны,
Что, будто, вы и не любимы.
Должно быть, так же холодны
В раю — друг к другу —
серафимы...

И вольно я вздыхаю вновь.

Я — детски! — верю

в совершенство.

Быть может, ... это не любовь...

Но так...

непомерная пауза и — mit Nachol-ruck — всего существа!)

— похоже —

(почти без голоса)

...на блаженство...

Стихи, собственно, кончаются здесь, но как в жизни, вторым прощанием:

А ваша синяя тетрадь
С стихами... было все —

так ново!

И понял я, что, вот — страдать —
И значит — полюбить другого.

Незабвенное на похоже и так ударе-ние, это было именно так похоже... на блаженство! Так только дети говорят: так хочется! Так от всей души — и груди. Так нестерпимо-безоружно и обнаженно и даже кровотошаче среди всех — одетых и бронированных.

Кузминского пенья я не дождалась, ушла, верная обещанью. Теперь — жалю. (Жалела уже тогда, жалела и уходя и выйдя — и дойдя — и войдя. Тем более, что моя больная, не дождавшаяся меня, то есть не поверив обещанью, которое я сдержала, — спокойно спала, и жертва, как все, была напрасной).

Все:

— Но Михаил Алексеевич еще будет читать!

Я, твердо:

— Но я обещала!

— Но Михаил Алексеевич, может быть, будет петь!

Я, жалобно:

— Но я обещала!

Подходит мой милый верблюжий Сережа. Подходит сам Кузмин, чье присутствие я весь вечер непрерывно всеми-нутно неослабно на себе, как определен-ное давление, чувствовала.

— Останьтесь же, вы так мало побыли! (И последний невинный неотразимый довод:) Я, может быть, буду петь.

(Шепот и волнение голов, как ржи под ветром: — Будет петь... Будет петь... Будет петь...)

— Но разве можно уйти после первой песни? Я тогда просто не уйду — нико-гда. Потому — уйду сейчас.

— Какая вы однако твердая! — вос-хищенно и немного ошеломленно — Кузмин.

— Ein Mann — ein Wort!

— Но вы ведь — Frau!

— Нет! Mensch! Mensch! Mensch!

Последнее что помню — последним оборотом головы — Кузмина уже подхо-дящего к роялю.

И все они умерли, умерли, умерли...

Умерли братья: Сережа и Леня, умер-ли друзья: Леня и Есенин, умерли мои дорогие редакторы «Северных Записок», Софья Исааковна и Яков Львович, умер позже всех, в Варшаве — Лорд, и теперь умер Кузмин.

Остальные — тени.

М. А. Кузмин. Начало 20-х годов.



Кузмина я больше не видала. Но встреча с ним у меня еще была.

Вот конец моего письма к нему, в июне 1921 г., письма горячо написанного к себе в тетрадку и потому уцелевшего. (Первая половина письма — живописание ему нашей встречи, только что читателем прочитанной).

...«Вхожу в Лавку Писателей, единственный слабый источник моего существования. Робко, кассирше: — Вы не знаете, как идут мои книжки? (Перепишут стихи, сшивая в тетрадки и продаю. Это у нас называется — преодолевать Гутенберга*). Пока она осведомляется, я, pour me donner une sonfiance перелистываю книги на прилавке. Кузмин. Нездешние вечера. Раскрываю: копьем в сердце — Георгий! Белый Георгий! Мой Георгий, которого пишу уже два месяца — жите. Ревность и радость, двойное острие, читаю — радость растет, кончаю — змей ревности пронзен, пригвожден. Встает из глубины памяти вся встреча.

Открываю дальше: Пушкин — мой Пушкин, то, что всегда говорю о нем — я. И, третье — Гете, мой Гете, мой, с шестнадцати лет, Гете — старый! тайный! — тот, о ком говорю судя современности: — Перед лицом Гете...

Прочла только эти три стиха. Ушла, унося боль, радость, восторг, — все, кроме книжки, которую не могла купить, так как ничто мое не продано. И чувство: — Раз есть еще такие стихи...

Что мне еще остается сказать Вам, кроме:

— Вы так близки мне, так родны...
Внешний повод, дорогой Михаил Алексеевич, к этому моему письму — привет, переданный мне госпожой Волковой».

* * *

А вот — те глаза:

Два зарева! — нет зеркала!
Нет — два недуга!
Два вулканических жерла,
Два черных круга
Обугленных — из льда зеркал,
С плит тротуарных
Через тысячеверсты зал
— Дымят — полярных.
Ужасные! Пламень и мрак!
Две черные ямы.
Бессонные мальчишки — так —
В больницах! — Мама! —
Страх и укор, ах и аминь...
Взмах величавый —
Над каменностью простынь —
Две черные славы.
Так знайте же, что реки —

вспять!

Что камни — помнят!
Что уж опять они, опять
В лучах огромных
Встают — два солнца, два жерла,
Нет — два алмаза —
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.

(Написано и отослано ему в июне 1921 г. с письмом)

Я эту вещь назвала Нездешний вечер. Начало января 1916 г., начало последнего года старого мира. Разгар войны. Темные силы.

Сидели и читали стихи. Последние стихи на последних шкурах у последних каминов. Никем за весь вечер не было произнесено слово фронт, не было произнесено — в таком близком физическом соседстве — имя Распутин.

Завтра же Сережа и Лена кончали жизнь, послезавтра уже Софья Исааковна Чацкина бродила по Москве, как тень ища приюта, и коченела — она, которой всех каминов было мало, у московских привиденских печек.

Завтра Ахматова теряла всех, Гумилев — жизнь.

Но сегодня вечер был наш!

<...>

Публикация А. ПАХОМОВОЙ

* Слово, принадлежащее Б. К. Зайцеву. —
Примечание М. Цветаевой.

КИЖИ: АМБИЦИИ И АРГУМЕНТЫ

В № 17 «Огонька» напечатана статья Геннадия Сорокина «Конец Кижей с последующим симпозиумом», в которой автор ставил под сомнение необходимость предлагаемой все чаще и чаще полной переборки двадцатидвухглавой Преображенской красавицы-церкви в Кижях. Оказалось, однако, что к тому времени соответствующее решение о судьбе церкви уже было принято. Тем не менее, и многие подходы к проблемам реставрации всемирно известного памятника русского деревянного зодчества, и методы принятия самих решений нашими ведомствами признать удовлетворительными никак нельзя. Столкновение мнений в выступлениях различных органов печати и в отзывах, поступивших в журнал, показывает, что официальное решение принято преждевременно. Хочется надеяться, что будущее Кижей будет решено благодаря научно обоснованному подходу к судьбе памятника, вопреки ведомственным амбициям.

Я прочитал статью Г. Сорокина «Конец Кижей с последующим симпозиумом», и у меня возник вопрос: почему профессиональная, сугубо деловая тема сводится к борьбе с личностями? Это то, что осуждал ваш журнал во многих публикациях по вопросам сталинизма, и я воспринимал это как должное и естественное. И вдруг такая метаморфоза: Г. Сорокин, никогда не видевший моей работы в В. Уфтьюге, кстати, не единственной, берет на себя смелость утверждать на основании грубо ретушированной (почти до фальсификации!) фотографии и рассказов, что работа никуда не годится, и ее бы не принял ни один прораб. Получается, «герой» — рядовой халтурщик, которого он, Сорокин, разоблачил.

На протяжении всей работы с 1972 года отношение чиновников к реставрируемому памятнику было однозначным — равнодушным и запретительным. Лишь в последнее время специалисты стали признавать и метод, и работу. В моей работе мне старалась помочь пресса, и я очень благодарен ей. Две публикации были и в вашем журнале — № 4 и № 50 за 1986 год. Правда, в прессе интонация статей была чересчур хвалебной, но, видит бог, не я ее выбирал. Никогда и никем не высказывалось обвинение в том, что я занимаюсь халтурой. Ваш журнал это сделал сейчас впервые. Если у вас есть доказательства моего недобросовестного отношения к реставрации, вытерплю еще одну публикацию с этим материалом. Если же такого материала нет, то прошу опубликовать мое письмо.

Александр ПОПОВ,
архитектор

Мы не знаем, считать или нет «материалом» мнение заместителя директора музея «Кижь» М. А. Витухновской, поэтому и решили опубликовать оба письма, полученные редакцией.

В газете «Известия» 24 мая опубликовано письмо в редакцию «Кижь: не спорить, а спасать!», которое является критическим отзывом на статью Г. Сорокина в журнале «Огонек». С сожалением приходится заявить, что на страницах уважаемых «Известий» опубликовано тенденциозное, а, главное, недостаточно аргументированное письмо.

Начну с того, что у В. Тальковского и Е. Перченкова дело представлено так,

словно никаких высказываний против переборки Преображенской церкви в прессе до настоящего времени не появлялось. Между тем их было немало: письмо сотрудников музея «Кижь», опубликованное в «Литературной газете», статья в журнале «Смена» (№ 5, 1988 г.), мнение директора музея, прозвучавшее в фильме «Групповой портрет с Кижями», неоднократные публикации в местной карельской печати и т. д. Более того, В. Тальковский, как нам известно, за последние четыре месяца неоднократно был участником самых горячих дискуссий по вопросам, затронутым в статье. Кому, как не ему, знать, что Г. Сорокин далеко не одинок в своих суждениях, что он и его единомышленники отстаивают свое мнение на всех уровнях.

Обратимся к сути «претензий» авторов письма. Первое: Г. Сорокин, по их утверждению, используя прямую фальсификацию, опорочил архитектора А. Попова, отреставрировавшего церковь Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтьюга. На самом же деле, как они считают, результаты работы архитектора А. Попова в Верхней Уфтьюге — положительные, и все обвинения в его адрес — не более чем злонамеренная инсинуация.

Существует, однако, несколько документов, в которых итоги работы А. Попова в Верхней Уфтьюге оцениваются не столь оптимистично. Есть протокол заседания комиссии Министерства культуры РСФСР по оценке работ на церкви Дмитрия Солунского, есть решение этой же комиссии, отчет о командировке в село Верхняя Уфтьюга главного хранителя музея «Малые Корелы» И. В. Данилова и инженера по надзору этого же музея А. Е. Варакина, наконец протокол собрания при Ленинградском отделении Советского фонда культуры, на котором обсуждались результаты реставрации церкви в Уфтьюге. К слову, семинар этот состоялся до публикации «Огонька».

О серьезных недостатках реставрации церкви в Уфтьюге говорит такой признанный авторитет в области реставрации памятников, как Л. Е. Красноречьев (Новгородский музей народного деревянного зодчества «Витославлицы»). Он утверждает, что широкие щели в чашах, которые видны на фотографии, приложенной к статье Г. Сорокина, — результат неправильного подбора бревен и ошибок в разметке окладного венца, то есть, неопытности архитектора.

Неубедительна и приведенная в статье ссылка на клировую ведомость церкви Дмитрия Солунского за 1858 год, в которой говорится, что «ветер по неплотности срубки проникает сквозь щели». Известно, что почти на каждом северном погосте было две церкви — зимняя (называемая в документах того времени «теплая») и летняя («холодная»), каковой и является церковь в Верхней Уфтьюге. В «холодных» церквях никогда не мишились и не конопатились щели, так как эти храмы предназначены были только для службы в летнее время. Отсюда и упоминание о неплотности сруба. Упомянутые в клировой ведомости щели между бревен ничего общего не имеют с теми дырами в углах, о которых пишет Г. Сорокин, ибо последние являются результатом некачественной реставрационной работы.

Не буду задерживать внимание на том, насколько односторонне изложена в письме ситуация с химической консервацией древесины (словно на дворе не век двадцатый, а пятнадцатый!). Кстати, одно из возможных решений проблемы предложено недавно: петрозаводский инженер Ю. Феофилаев разработал метод аэрозольной пропитки под давлением. Его, несомненно, нужно осмысливать, испытывать, но ясно одно: технологически «неразрешимая» задача может быть решена.

Не могу не сказать о прямом искажении фактов в письме В. Тальковского и Е. Перченкова. Утверждение о том, что «часть конструкций вместе с полом XVIII века выпиlena, так что восстановить их теперь можно только в процессе переборки», неверно. Из пола выпилено всего четыре плахи, остальные — вынуты, и могут быть восстановлены без всякой переборки. Но абсолютным искажением истины, на мой взгляд, является утверждение, что Г. Сорокин в своей статье потому выступает против переборки, что она (переборка) якобы сорвет планы директора музея М. В. Лопаткина по созданию объединения «Кижь». Получается, что безнравственный директор приносит памятник архитектуры в жертву своим меркантильным планам.

В действительности же все иначе. М. В. Лопаткин, работающий в музее с 1984 года, впервые по-новому взглянул на положение «Кижей» и понял, что музей находится в тупике: фактически музей бесправен, у него нет реальной возможности развиваться, вести качественные реставрационные работы на памятниках, контролировать хозяйственную жизнь острова и окрестностей. Музею необходима экономическая и финансовая самостоятельность. Возникла идея объединения. Коллектив музея поддержал директора, было сделано технико-экономическое обоснование, проведены все расчеты. Готовый проект объединения проходит сейчас стадию согласования.

Как может помешать реставрация памятника созданию такого объединения? Авторы даже не объясняют этого в своей статье, ибо никакой логики в этом нет. Сложно это объяснить еще и потому, что им хорошо известна истинная позиция и М. В. Лопаткина и большинства сотрудников музея «Кижь»: во что бы то ни стало сохранить подлинный памятник, не допустить его макетирования, к которому неизбежно приведет переборка. Директор музея вновь и вновь, на самых высоких уровнях, доказывал, что нельзя перебирать памятник, не изучив его, не проработав все альтернативные варианты, не поняв, что все другие способы его спасения неприменимы. Споря с «начальством» на самых разных уровнях, М. В. Лопаткин доказывал, что переборка — верный путь к потере подлинности памятника, что это крайняя, самая последняя мера, на которую придется решаться только тогда, когда станет ясно, что альтернативы нет.

Выступления М. В. Лопаткина, позиция музея, его единомышленников не устраивают сторонников переборки, к которым относятся и авторы письма в «Известия». Поэтому, очевидно, они и решили скомпрометировать М. В. Лопаткина надуманным утверждением о принесении церкви «в жертву» объединению. В действительности, по моему глубокому убеждению, Преображенской церкви грозит быть принесенной в жертву ведомственным амбициям, самолюбию и безаппеляционной самоуверенности некоторых реставраторов, групповым интересам. Уже есть приказ Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и Министерства культуры РСФСР о переборке Преображенской церкви в Кижях. Принят он без учета мнений целого ряда специалистов, общественности, в худших традициях времен застоя — келейно. Получается: судьба уникального памятника архитектуры фактически решена? Пора бить в набат, взывая к разуму, скорее — к благоразумию! Поэтому как название статьи Г. Сорокина, так и тревога автора и даже резкий тон его очерка совершенно оправданны — на Кижь надвигается катастрофа.

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ,
заместитель директора музея
«Кижь» по научной части

«ПИКНИК НА ЛУЖАЙКЕ»

Сергей ШОЛОХОВ,
кандидат искусствоведения



«Поп-механика» — музыкальный театр, возникший под началом композитора Сергея Курехина несколько лет тому назад в Ленинграде. Джазовый музыкант Курехин известен поклонникам и у нас, и за рубежом. Однако любовь публики он снискал именно как автор «Поп-механики». Музыка у Курехина носит всегда импровизационный характер, импровизацию он сделал основой и своей режиссуры.

«Поп-механика» не просто зрелище, в котором царит дух веселой творческой раскованности, импонирующий всем — и музыкантам, и зрителям, но действие непредсказуемое, неповторяющееся или повторяющееся всякий раз иначе.

Курехин называет свои концерты то «праздничной народной галлюцинацией», то «пикником на лужайке». Одни исполнители постоянно участвуют в «пикниках», другие приглашаются на один-два раза. Среди них профессиональные и самодеятельные музыканты, артисты «оригинальных жанров», как сказали бы в концертных организациях. На зов Курехина они едут из дру-







гих городов и готовы это делать бесплатно: выступать вместе с Курехиным — честь. Есть в «Поп-механике» секция традиционного и авангардного джаза и ее бесспорный лидер — Сергей Летов, есть струнная группа, фольклорная секция (ансамбль под управлением В. Федько), рок-группа «Кино», которая всегда участвует в «пикниках» (ее можно увидеть в фильме С. Соловьева «АССА»). К группе «Кино» часто присоединяются музыканты из других рок-групп (то братья Сологубы, то Олег Гаркуша, то Борис Гребенщиков). Есть и разные экзотические сек-

ции, есть цыгане, тибетцы. В последнее время Курехин полюбил военный духовой оркестр, и вот уже несколько раз оркестр присутствовал на «пикниках», играя «Прощание славянки», марши, вальсы, заставляя слушателей постарше ностальгически вздыхать о благословенных временах, когда духовые оркестры играли в каждом парке.

Прелесть «Поп-механики» в том, что она рождается сейчас, на ваших глазах совершает безумства, взрослеет и умирает, не вызывая жалости, а сообщая чувство интенсивно прожитой жизни.

ДВАДЦАТИ
ВОСЬМИ ЛЕТ
ОТ РОДУ
ДЖОН АПДАЙК
ВЫДВИНУЛСЯ
В РЯД
КРУПНЕЙШИХ
АМЕРИКАНСКИХ
ПРОЗАИКОВ.
ПРОИЗОШЛО ЭТО
В 1960 ГОДУ,
КОГДА БЫЛ
ИЗДАН В США
ЕГО РОМАН
«БЕГИ, КРОЛИК»,
СРАЗУ ЖЕ
СТАВШИЙ
БЕСТСЕЛЛЕРОМ.
КНИГА БЫЛА
ПЕРЕВЕДЕНА
НА БОЛЬШИНСТВО
ЕВРОПЕЙСКИХ
ЯЗЫКОВ.
ОНА ПРИНЕСЛА
МОЛОДОМУ
ПИСАТЕЛЮ
ВСЕМИРНУЮ
СЛАВУ.
ВЫПУСКНИК
ГАРВАРДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА,
АПДАЙК НАПИСАЛ
С ТЕХ ПОР
БОЛЬШЕ ДЕСЯТИ
РОМАНОВ.
СРЕДИ НИХ НАИ-
БОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫ
«КЕНТАВР»,
«СУПРУЖЕСКИЕ
ПАРЫ», «ВЕДЬМЫ
ИЗ ИСТВИКА»
И ДРУГИЕ.
ПРИМЕРНО
СТОЛЬКО ЖЕ
КНИГ РАС-
СКАЗОВ, ЧЕТЫРЕ
ПОЭТИЧЕСКИХ
СБОРНИКА,
ВЕЛИКОЕ
МНОЖЕСТВО
ЭССЕ И
ЛИТЕРАТУРНО-
КРИТИЧЕСКИХ
СТАТЕЙ.
ОН ПО-ПРЕЖНЕМУ
НАПРЯЖЕННО
РАБОТАЕТ:
ПРАКТИЧЕСКИ
ЕЖЕГОДНО НА
АМЕРИКАНСКОМ
КНИЖНОМ РЫНКЕ
ПОЯВЛЯЮТСЯ
ЕГО НОВЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ.
И КАЖДОЕ ИЗ НИХ
СТАНОВИТСЯ
СОБЫТИЕМ В
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ АМЕРИКИ.
БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ
ГОДА АПДАЙК
ПРОВОДИТ
В СВОЕМ ДОМЕ
НА ОКЕАНСКОМ
ПОБЕРЕЖЬЕ
В 25 МИЛЯХ
ОТ БОСТОНА.



ПАШАКШКА АПДАЙКА

**ВЫДАЮЩИЙСЯ
АМЕРИКАНСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
ДЖОН АПДАЙК
ОТВЕЧАЕТ
НА ВОПРОСЫ
КОРРЕСПОНДЕНТА
«ОГОНЬКА»
АРТЕМА БОРОВИКА.**

Фото автора

— Вы как-то признались, что не очень любите давать интервью. Вы и сегодня придерживаетесь этой точки зрения?

— Все, что писатель хочет поведать миру, он «говорит» своими романами, рассказами, новеллами и эссе. Если у него это не получается, он соглашается на интервью.

— При всем моем уважении к вашим словам никогда не поверю, будто у Апдайка что-то «не получается».

— Во-первых, Апдайк давно убедился, что он не Бог, которому все удается, а, во-вторых, представьте, и Апдайку интересно задать пару вопросов корреспонденту «Огонька» о том, что там происходит сегодня в России.

— Скажите, если бы Апдайком был я, а вы — корреспондентом «Огонька», каким был бы ваш следующий вопрос?

— Я бы спросил Апдайка, почему он все время долбит одну и ту же тему — пишет про людей среднего класса, про их ничем, казалось бы, не примечательную, провинциальную жизнь? Не надоело ему?

— Что же мне ответить на этот вопрос?

— Думаю, Апдайк ответил бы так... Я рос в провинции — безмятежной, спокойной. Катастрофы и всякие там жуткие драмы обошли жизнь моей семьи стороной. Быть может, поэтому с детства я привык искать и находить интересное в самом банальном. Постепенно это превратилось в постоянную игру с самим собой, в своего рода развлечение. Кроме того, выводить простых людей в качестве героев своих книг — это соответствует моим изначальным демократическим убеждениям: героев для романов следует отыскивать не в элитарных кругах, а в народе. Сам я происхожу из очень небогатой семьи. Можно сказать, мы были бедны. Но большинство наших знакомых терпели такую же нужду. Именно поэтому бедность моих родителей не так уж выделялась на общем фоне... К тому времени в американской литературе уже прочно утвердилась традиция писать о таких вот ничем, казалось бы, не примечательных людях, проживавших в маленьких городках. Но были писатели, которые, напротив, всеми силами стремились выбраться из удушливой атмосферы маленького периферийного поселка и удрать куда-нибудь подальше — в Испанию, Францию или Африку. К такого рода писателям принадлежал, между прочим, Хемингуэй. Однако то, от чего бежал он, стало для меня главным в творчестве. Кстати, самый первый рассказ, который я написал в своей жизни, был посвящен именно этой теме. В нем, помнится, я пытался всячески подчеркнуть такую мысль: простая жизнь в захолустье полна удивительных сюрпризов и приятных неожиданностей, надо радоваться самому факту своего существования, тому, что ты живешь. Пусть даже на краю света.

— Вы сейчас много говорили о детстве. Что дали впечатления той поры вам как писателю?

— Я родился в 32-м году и отношу себя к поколению «детей войны», хотя, конечно, здесь, в Америке, война отозвалась лишь дальним эхом. И все же она объединила страну так, как ничто

с тех пор. Видимо, оттуда, из военного лихолетья, и вырастает то повышенное чувство патриотизма, которое характерно для многих людей моего поколения.

— В отрочестве вы много болели. Один из нью-йоркских литературных критиков заметил, что если детские недуги ослабляли здоровье Апдайка, то одновременно они развивали в нем творческое начало. Так ли это? Верите ли вы в теорию «болезненных талантов»? Если — «да», то не слишком ли дорого вы платили за свой талант?

— В детстве я страдал от астмы, сильной аллергии, заикания... Словом, родители наделили меня целым букетом разных недугов, болячек и болезней. Все это сделало меня более стеснительным и замкнутым, чем мои сверстники. С другой стороны, я стал еще сильнее верить в себя. Вера та была основана на истовом желании доказать другим мою полноценность и состоятельность. Болезни толкнули меня в мир книг, обрекли в какой-то мере на затворничество. Тогда я и решил посвятить себя искусству. Я, правда, не знал — какому именно. С 13 лет я много рисовал, читал. Даже писал. И не забывая отсылать все свои опусы в журналы и газеты. Я каждый день пробовал, отчаивался, но потом опять заставлял себя пробовать. Поэтому первый успех, который пришел, когда мне стукнуло 22, не показался тогдашнему Апдайку чем-то неожиданным. Апдайк воспринял его как естественную награду за многолетний труд.

— Но почему вы выбрали именно писательство? Ведь было время, когда вы всерьез подумывали стать художником.

— Моя мать хотела стать писателем. Хорошо помню, хотя я был тогда ребенком, как она постоянно что-то печатала и отсылала в издательства. Почти безнадёжно. Одно время она даже брала уроки «В помощь начинающим литераторам». Словом, именно ее пример толкнул меня на мысль попробовать свои силы в литературе. Однако правдой является и то, что тогда же я очень хотел стать художником-мультипликатором или художником, рисующим «комиксы» — веселые картинки. От «комиксов» я и двинулся в писательство. Рисование не пропало даром: оно развило во мне образное мышление и умение описывать характер человека через его лицо. Именно в колледже я понял, что наделен некоторыми литературными способностями. Обнаружив их, я поступил очень просто: я им доверился. Целиком и полностью. В этом весь секрет. В 20 лет я окончательно решил, что буду писателем.

Сначала я поставил перед собой задачу научиться хоть как-то писать. Журналистика меня удовлетворить не могла, хотя я ей и отдал дань, сотрудничая с журналом «Нью-Йоркер». Честно говоря, я приходил в восторг, если мне удавалось «перегонять» свои мысли, чувства и наблюдения в емкие и сильные слова. Мне нравилось и то, что я могу обеспечивать себя и свою семью, занимаясь таким вот необычным трудом. Разве это не чудесный труд? Вы знаете, иногда мне кажется, что я очень счастливый человек.

— Произведения Апдайка и его ге-

рои — это в большей мере результат исследования Апдайком самого себя или же окружающих его людей?

— Каждый образ, созданный писателем, несет на себе родимое пятно или печать — называйте как угодно — своего творца. Даже женский образ, созданный писателем-мужчиной. Вы вдыхаете жизнь в героев своих книг. Именно вы. Вы передаете им свой опыт, свои мысли. Точно детям. Ваши герои ведут себя так, как наверняка повели бы себя вы. В каждом из ваших героев — частичка вашей души. И все же в основном я писал не о себе. Признаться, я не считаю себя экстраординарной личностью. Я стремлюсь не писать и о коллегах по перу: нарушил я это правило лишь раз. Обычно же я присматриваюсь к людям вокруг меня и стараюсь перевоплотиться в них. Главный герой романа «Беги, Кролик» создан не по образу и подобию автора. Гарри выше меня ростом, моложе меня. Мы сильно отличаемся характерами. Конечно, и он, и я — американцы. Пожалуй, это единственное, что нас объединяет. Могу открыть вам маленькую тайну: я испытываю неимоверное возбуждение, когда приступаю к новой своей вещи. Это происходит, потому что я предвкушаю всю сладость перевоплощения в того, кто, видимо, станет главным героем книги.

— Йоги полагают, что литература — это форма медитации.

— Я тоже так думаю.

— Мне все-таки хотелось бы вернуться к предыдущему вопросу. Я знаю нескольких писателей, которые не боятся признать, что больше всего в этом мире их интересует их собственная личность, спектр их чувств, амплитуда их мыслей. Иными словами: «я — центр моей галактики».

— В определенной мере каждый человек — центр созданной им «галактики». Мои книги — это моя «галактика». Произведения писателя свидетельствуют о пределах его мысли и воображения, о пределах его «галактики». И все-таки человек пишет книгу не для того, чтобы поведать миру о себе, но чтобы рассказать о своем понимании мира. Я — лишь одно из окон в этот мир. Именно в этом я вижу свою ценность как художника.

— Зачастую для пишущего человека наиболее интересный собеседник — он сам. С кем предпочитаете беседовать вы?

— Моя работа требует, чтобы большую часть времени я проводил в одиночестве. Одиночество объединяет всех писателей. Они ведь не могут писать прозу в метро, даже в читальных залах молчаливых библиотек... Проза требует затворничества и одиночества. Но если отделить от меня Апдайка-писателя, вы обнаружите во мне общительного человека, любящего веселые компании. Мне кажется, я представляю интерес лишь как Апдайк-писатель. Как человек я мало чем отличаюсь от миллионов других землян. Апдайк-человек весьма необычен. Его уникальность в том, что он переживает жизнь в прозе. Это не самая распространенная профессия. Иные люди проходят свой жизненный путь, не оставив ни единой странички дневниковых записей. Многие даже писем не пишут. Они не стремятся зафи-

ксировать ни жизнь, ни себя в жизни. Но как писатель я опять-таки утверждаю: самая обыкновенная жизнь ценна и интересна.

— В моей стране особое отношение к литераторам. В некоторых из них люди хотят видеть пророков, а на читательских конференциях зачастую задают своим кумирам вопросы типа: в чем смысл жизни? Как жить дальше? Что есть добро и зло? В Америке такого не увидишь и не услышишь. Быть может, по той причине, что традиционно в России слово — особенно написанное, печатное — играло важнейшую роль, имело огромный вес.

— В СССР, конечно же, люди читают и интересуются литературой больше, чем в США. Писатели у вас живут более концентрированно, чем здесь. Они представляют огромную социально-политическую силу. Некоторые, как мне показалось во время моего приезда в Россию, берут на себя роль пастырей или поводырей человеческих душ. Следует признать: иным эта роль удается. Но не всем. Ведь ответственность столь велика! И не каждый может ее выдержать. Русские писатели пользуются своим, национальным языком. Американцы же его позаимствовали у англичан, чья литература долгое время доминировала в Соединенных Штатах. Американская литература развивалась в тени литературы английской. Кроме того, в США другие виды искусства — кино, театр, телевидение — стали более популярными. Даже на протяжении моей жизни я с прискорбием наблюдал и наблюдаю падение роли и значимости писателя. Того же Хемингуэя когда-то знала вся Америка. Теперь мало кто о нем вспомнит: феминстки нанесли ему серию нокаутирующих ударов... И все же некоторые писатели — вроде меня и даже менее успешные, чем я, — живут чисто писательским трудом. Но таких мало. С другой стороны, легче быть самим собой, а не пророком. При том, конечно, условии, что ты не воспринимаешь себя слишком уж серьезно...

— Как вы относитесь к союзам писателей? Говорят, союз писателей может помочь человеку избавиться от одиночества, но он вряд ли поможет ему писать лучше...

— Это уж наверняка. У нас, в США, нет столь серьезных творческих организаций, как советский Союз писателей. Хотя иногда писателям полезно встречаться друг с другом. Но не слишком часто. Хемингуэй, кстати, не любил видаться и общаться с писателями Нью-Йорка, которых он считал сворой сплетников. И я бы с ним согласился. Теперь я стараюсь жить вне этого города, хотя он и столица издательского бизнеса США. Дело в том, что я отказываюсь смотреть на себя как на производителя товаров массового потребления. Хемингуэй стал одиночкой по собственному выбору. Американские писатели вообще стремятся быть одиночками.

— У нас есть анекдот: читатели стали расспрашивать своего любимого писателя о книгах, которые он читал. Однако в ответ они с удивлением услышали — «я не читатель, я — писатель!» Скажите, вы успеваете читать то, что считаете необходимым?

— Я тоже в большей мере писатель, чем читатель. Однако невозможно быть писателем и читать лишь свои произведения. Я стремлюсь доставать в первую очередь те книги, которые необходимы мне для работы. Обычно они содержат нужную мне информацию. Все наиболее важные романы я одолел, когда мне было около 20 лет от роду. Думаю, человек накапливает свой основной читательский багаж в возрасте от 15 до 25 лет. Именно эти годы наиболее благоприятны, если ты хочешь научиться писать профессионально. Ведь в более зрелом возрасте уже значительно труднее погружаться в мир воображения. Я стал замечать в последнее время, что при чтении художе-

ственной литературы я с все большим трудом верю авторам. В молодости ты легко переносишься из одного книжного мира в другой. Помню, с каким упоением я перелетел из России Толстого в прустовскую Францию. Человеку свойственна любовь к путешествиям. Однако сегодня я предпочитаю делать это в реальном мире.

— Вы упомянули Пруста. Он доказал, что писателя можно запереть в одной комнате, а он все равно сможет почти до бесконечности черпать из своей памяти и воображения материал для новых прекрасных книг.

— Верно. Но Прусту удалось вдоволь напутешествоваться в молодости, еще до болезни. Для меня этот писатель — идеал: всю жизнь посвятил литературе. Но как человек он был отвлечен: высокомерен, жесток... Впрочем, ему все простилось: ведь он создал прекрасную книгу. Его так и зовут — «писатель одного романа».

— Если запереть Апдайка на пять лет вот в этой комнате, где мы с вами сейчас сидим, увидит ли мир его новые книги?

— Думаю, я смогу написать приблизительно пять романов, не пополняя свой сегодняшний запас впечатлений и идей. Если человек живет днем сегодняшним, то писатель — днем минувшим. Лично я очень долго погружаюсь в материал, про который хочу что-то написать. Он должен отстояться в сознании. Для меня прошедшее всегда видится более объемно, резко, красочно и контрастно, чем настоящее. Когда в 1957 году я переехал в Новую Англию, то на протяжении очень длительного отрезка времени писал про людей, окружавших меня в детские годы. О жизни своей в Новой Англии я смог начать писать лишь много лет спустя. Некоторые молодые люди боятся начать писать, опасаясь, что очень скоро исчерпают весь накопленный жизненный материал, что его не хватит и на одну книгу. Талантливому человеку достаточно нескольких ярких впечатлений, чтобы приступить к работе. Надо просто-напросто довериться себе. Так что пять книг я бы в этой комнате написал наверняка. А ведь еще надо учитывать, что по мере взросления (или старения) человек склонен по-новому осмысливать пережитое. А это — уже новый материал, созданный из старого.

— Уж коль скоро мы так часто упоминаем имя Хемингуэя, я позволю себе напомнить вам небезызвестную «теорию Фицджеральда». Он утверждал, что Хемингуэй для написания новой книги всякий раз нужен был роман с женщиной. Любовь была для него чем-то вроде горючего.

— Я любил несколько раз. И всегда это давало мне новую жизнь. И новую боль. Однако я написал слишком много книг, чтобы служить живым доказательством этой теории. Я, что называется, типичный буржуазный писатель: веду замкнутый образ жизни, не пью и даже не курю. У Хемингуэя был перекос в другую сторону. Мне кажется, он переборщил: в его жизни было слишком много войн, женщин, путешествий и боли. В результате он просто не смог написать столько хороших книг, на сколько он был рассчитан. В последние годы жизни он здорово сдал, не мог работать на всех своих цилиндрах, да и психически он не был вполне нормален.

— Извините, что я все время стремлюсь запереть вас в ограниченном пространстве, но если бы вы оказались в космическом корабле, вылетающем, скажем, на Марс, какие три книги вы бы захватили с собой?

— Я бы взял Библию, «Войну и мир» и что-нибудь Шекспира.

— Один грузинский писатель, отвечая на вопрос о своем самом заветном желании, сказал: хоть разок бы глянуть на мир через очки господина Бога! Что бы потребовал Джон Апдайк, будь у него волшебная палочка?

— Я просто хочу жить. Есть, конечно, вещи, которые меня удручают, но с которыми ничего не поделаешь. Мне, например, безумно жаль, что я никогда не смогу вернуться в свое прошлое. Я навсегда вытеснен из него. Мне горько сознавать, что я не побываю в средневековой Европе. Но еще больнее понимать, что будущее, XXI век, обойдется без меня. Мы покидаем этот мир, мы выпадаем из истории. А я люблю человеческую историю. И мне нравится быть ее временным участником. Я люблю вдыхать запахи свежей газеты. Мне нравится следить за тем, как меняется от года к году женская мода, как что-то, еще вчера казавшееся новым, вдруг безнадежно устареет. В 60-е годы мне казалось, что мир достиг пика в своем развитии, что эта эпоха никогда уже не устареет. Но оказывается, устарели даже те идеи, которыми мое поколение увлекалось двадцать с лишним лет назад.

— Вознесенский назвал 60-е «хребтом века».

— Хорошее сравнение. То было уникальное время, объединившее в себе много поколений, стран и континентов. Мне бы хотелось, конечно, глянуть на мир через очки Бога, но, боюсь, я увидел бы нечто страшное.

— О чем бы вы спросили Бога, если бы вам предоставилась такая возможность?

— Я бы спросил: Господи, скажи, как же так получилось, что ничто стало чем-то. Как же все произошло? Почему Ты выбрал именно обезьян, чтобы они стали нами? Однако я хотел бы подготовиться к такой беседе получше.

— Скажите, ставила ли перед вами жизнь вопросы, на которые вы до сих пор не находите ответов?

— По-моему, она только этим и занималась.

— Что значит для вас искусство, литература?

— Искусство дает мне возможность не быть жестоким. Трудно найти дорогу в жизни, которая бы позволила ступившему на нее избежать жестокости. Искусство — одна из таких немногих трасс. Искусство позволяет художнику делиться с людьми своим счастьем. Даже если он описывает жестокость, боль, страдания.

— А религия. Что значит она для вас?

— Религия дает мне нечто вроде изначальной точки отсчета. Это как в живописи: находишь сперва на чистом, только что загрунтованном холсте некую точку, от которой начинаешь «танцевать». Если человек не видит такой точки, жизнь кажется ему невообразимо гадкой, бессмысленной и уродливой. Без веры человечество напоминает курятник: ты покудахтал отведенный тебе срок, отложил пару-другую яиц и после этого тебе отрезали голову. Чтобы писать о жизни, я должен верить, что она — нечто более значительное, нежели просто курятник. Религия помогает мне как писателю, как человеку. Есть в нас что-то такое, что отличает людей от обезьян. Или от компьютера. Вот об этом отличии, которое невозможно ни определить, ни сформулировать, и пишут свои книги писатели уже много веков подряд. Ты чувствуешь это отличие особенно сильно, когда читаешь великих религиозных писателей — Достоевского и Толстого.

— Кого из ныне живущих мастеров слова вы отнесли бы к категории религиозных? Грэма Грина?

— Он скорее пишет об отсутствии религии, веры. И от этого сокрушается, переживает. Но религия Грина не совпадает с моей. Он воспринимает ее как свод законов и правил, которым человек должен подчиняться. Грин верит в чудо. При этом религия и жизнь у него не смешиваются: жизнь остается ужасной, отвратительной. Я же представляю себе религию как нечто растворенное в окружающем нас мире. Надо испытывать благодарность уже за одно то, что мы есть.

— Кого из современных писателей

вы особенно цените? Маркеса?

— Маркеса? Он хороший писатель. Быть может, даже великий. Но я не назвал бы его в числе первых, отвечая на ваш вопрос. Видимо, мой любимый писатель — Сол Беллоу. Что касается Маркеса, вы знаете, у него поразительно насыщенные фразы. В каждую он пытается вложить максимум того, что накопил. Но при этом проза его остается гладкой, естественной.

— Если говорить о писательской технике, каковы здесь достижения Апдайка?

— Мне кажется, я был одним из первых писателей, попытавшихся вести рассказ в настоящем времени на английском языке. Это, конечно, скромный, но мой личный вклад.

— Маркес как-то посетовал, что если бы он писал при помощи компьютера смолоду, то написал бы в десять раз больше. Вы пользуетесь компьютером?

— Да, я купил себе компьютер. Это искусственный, но все же мозг. Именно поэтому, когда он включен, у меня нет столь необходимого мне для творчества чувства одиночества. Я перестал им пользоваться.

— Вы работаете каждый день?

— Я протестант: заставляю себя не работать по воскресеньям. Но все остальные дни недели я сижу в своем кабинете как проклятый. Я встаю, завтракаю, а к девяти — уже сижу за своим письменным столом. Заканчиваю писать в районе часа дня. Моя ежедневная норма — 3—4 страницы. После ленча я обычно занимаюсь правкой и вычиткой уже написанного или перепечатанного.

— Когда труднее писать прозу — в 55 или 25 лет?

— В каком-то смысле сейчас мне работать сложнее. Я уже многое сказал из того, что должен был сказать людям. Но писать всегда было и будет невыносимо трудно. Каждый новый день работы — это новая гора, которую предстоит покорить. Я стараюсь не повторяться. Но с каждым разом избегать повторов становится все сложнее: я столько написал за свою жизнь, что, куда бы я ни двинулся в творчестве, всякий раз я наталкиваюсь на самого себя. Тридцать лет назад я писал более интенсивно и продуктивно.

— Если сравнить 25-летнего Апдайка с 55-летним, какую разницу мы обнаружим?

— Теперь я сед и у меня много морщин. Таково внешнее отличие. Молодой Апдайк очень много хотел добиться в жизни. Единственное, что у него тогда было, так это страстное желание стать писателем. Желание сбылось. У меня по-прежнему серьезные планы: хочу написать несколько книг. Сегодня я более уставший человек, чем тридцать лет назад: знаете, усталость накапливается годами. Однако в данную минуту я чувствую себя молодым. Я более оптимистичен, чем тридцать лет назад. Мир кажется мне сегодня более безопасным местом, чем тогда, в годы моей молодости, хотя и сегодня в разных концах планеты полыхают малые войны. Тридцать лет назад я даже не представлял, какая жизнь меня ожидает впереди. Я просто получал от жизни удовольствие. Учился в Гарварде, там же я встретил девушку, которая мне очень понравилась...

— Что стало потом с этой девушкой?

— Мы поженились...

— Вы один раз были женаты?

— Нет. Как говорят американцы, всего лишь два. Но мы по-прежнему остаемся с ней близкими друзьями. Она была моей женой на протяжении 20 лет. Мы вырастили с ней хороших детей. Теперь это взрослые люди... Так о чем мы говорили? Ах, да! — о счастье! Да, я был счастлив. Но сегодня я счастливее, чем тогда, хотя и ближе к финишу. В молодые годы жизнь кажется бесконечной. Сейчас я ощущаю предел жизни. Зловонное дыхание конца. И все же я доволен сделанным.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Работа над антологией, к моему глубокому счастью, стала не только творчеством, но и со-творчеством с читателями и с моими коллегами по перу. Поддерживая идею антологии, они в то же время не только критикуют ее недостатки, но и вносят свои конкретные предложения.

Кое-что, к сожалению, удастся исправить или дополнить только в отдельном издании, но кое-что я пробую поправлять, что называется, на ходу. Так, например, ряд читателей выразил свое недовольство тем, что в предыдущих публикациях я уделил мало места сатирической поэзии. Сатира всегда была мятежницей против бюрократии. Сатира неотъемлема от русской демократической мысли. В этом номере я несколько запоздало, но справедливо восполняю допущенный мной пробел в антологии, представляя тех, кто с пером в руках боролся за свободу печати между 1905 и 1917 годом. «Сатирик»», «Новый сатирик», «Свисток», «Будильник», «Стрекоза», «Зритель», «Бич», «Осколки» и другие журналы обладали вонетину драгоценными остро отточенными перьями и, хотя не всегда преодолевали соблазн зубо-скальства, озорно и талантливо сражались с да-вящей серостью постепенно распадавшейся империи.

Георгий ВЯТКИН

1885—1941

ПЯТЫЙ

Загадочная картинка

Сошлись случайно, как бывает всегда
(Не в этом ли наша беда?),
Земский статистик,
Писатель-мистик,
Фотограф,
Этнограф,
А пятый... черт знает кто.

Постояли пятнадцать минут у буфета
И прошли в читальный зал,
Там статистик к чему-то сказал,
Что не любит поэзии Фета,
И прибавил притом,
Что поэт должен быть гражданином...
Согласились с ним молча. Потом
Пробежали газету,
Подходили к буфету,
Играли в карты, в бикс и в лото:
Земский статистик,
Писатель-мистик,
Фотограф,
Этнограф
И пятый — черт знает кто.
Играли небрежно, все спорили больше:
О турках и сербах, о Вене и Польше,
О русской публике,
О китайской республике
И о том, что пора бы и нам
по примеру Китая...
Так, волнуясь, вскипая и тая...

И, вновь зарядясь у буфета,
Просидели почти до рассвета.
А на завтра был обыск у мистика

И статистика,
У фотографа
И этнографа.

Так всю жизнь и играем,
И не только в карты, бикс и лото:
Четверо добрых знакомых, которых мы знаем,
А пятый — черт знает кто.

1913

М. ПУСТЫНИН (Михаил РОЗЕНБЛАТ)

1884—1966

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Нам цензор встарь давал «уроки»,
Но как бы цензор ни был строг —
В статьях обычно были строки,
И мы читали между строк.

Теперь беру газет я груды,
Но в них зияют «островки»:
Как между строк читать я буду
Статью, в которой — ни строки?..

1915

Владимир УМАНОВ- КАПЛУНОВСКИЙ

ШПИК

И в теплый день, и в день холодный,
Когда синее мерзлый лик,
Гуляет поступью свободной
Шпик.

В кофейне иль в фойе театра
Ты рассуждаешь, увлечен...
Но пред тобой (узнаешь завтра!)
Он!

Сказал ты слово над могилой,
Всплакнул и головой поник —
К тебе спешит с улыбкой милой
Шпик.

И в час желанный юбилея,
Когда ты всеми оценен,
С тобою рядом все смелее —
Он!..

1908

Владимир ВОИНОВ

1878—1938

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Каждый день порою ранней —
Чтобы дома не мешать —
Выходила няня с Ваней
«Кислородом подышать».
Взбив высокую прическу,
Взяв пеленки и фланель,
Затыкала в Ваню соску
И шагала на панель.
Исполняя свято дело,
Пробиралась на народ,
На пожарников глядела
И «вдыхала кислород».
Загляделся раз на няню
Постовой городской,
Уронила няня Ваню
Обо что-то головой.
Угораздило Ванюшку
Малость вывихнуть скелет,
И пропал ни за понюшку
Бедный парень в цвете лет.
И вот с этой самой «статии» —
Если выводы верны, —
И не стало у дитяти
Целой «левой» стороны.
Дальше все ужасно просто,
Труден первый лишь скачок:
Вырос парень, стал прохвостом,

Приобрел себе значок,
Без «истории» — ни шагу,
Вицмундиром бьет в глаза,
Пьет малагу, носит шпагу
И не знает ни аза.
А во время забастовки
Проявился свой задор:
Безо всякой подготовки
Охраняет коридор.
И когда с ним виден рядом
Постовой городской —
Ваня гордо блещет взглядом
И кивает головой,
И с чарующей миной —
Точно суть вещей постиг —
Всею «правой» половиной
Вспоминает дивный миг:
Как когда-то на панели,
Где стоял городской,
Няня Ваню из фланели
Уронила головой...

1913

Аркадий БУХОВ

1889—1946

ДВА НАПОЛЕОНА

Да, были два Наполеона:
Один из книг, с гравюр и карт,
Такая важная персона,
Другой был просто — Бонапарт.

Один с фигурой исполина,
Со страхом смерти не знаком,
Другого была Жозефина
В минуты ссоры башмаком.

Один, смотря на пирамиды,
Вещал о сорока веках,
Другой к артистам нес обиды
И оставался в дураках.

Мне тот, другой, всегда милее,
Простой обычный буржуа,
Стихийный раб пустой идеи,
Артист на чуждом амплуа.

Я не кощунствую: бороться
Со всей историей не мне...
Такого, верю, полководца
Не будет ни в одной стране.

Наполеон был наготове
Всесильной логикой штыка
По грудам тел и лужам крови
Всего достичь наверняка.

Ему без долгих размышлений
Авторитетов разных тьма
Пригласил ко лбу печатью: «гений»
Взамен позорного клейма...

Но тот, другой, всегда с иголки
Одетый в новенький мундир,
В традиционной треуголке,
Незрелых школьников кумир,

Мне и милей и ближе вдвое,
И рад я ставить всем в пример,
Как может выбиться в герои
Артиллерийский офицер.

1912

Петр БУНАКОВ

СОВРЕМЕННОЕ

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку...
А. К. ТОЛСТОЙ

Коль дуэлишки, так на хлыстиках,
Коль книжечки, так в двух листиках,
Коли выходки, так вандальные,
Коли повести, так уж сальные,
Коли проповедь, так дешевая,
Коль поэзия, так грошовая,
Коли критики, так сердитые,
Коль писатели, так побитые!..

1912



«ДРЯННЫЕ» МАЛ

го будут залечивать раны на телах своих шестнадцатилетних мужчин — единственных и любимых.

Группировки... О них говорят все: от складского грузчика до первого секретаря обкома партии. О них ходят самые разноречивые слухи, и ими пугают малых детей, для борьбы с группировками сколачиваются все новые комсомольские отряды, а обеспокоенные родители организуют группы обороны, органы то и дело производят аресты, но от этого мало что меняется. Нервы города напряжены до предела. В город вползает паника.

Я говорил о них в прокуренных кабинетах следователей и в кабинетах с кондиционированным воздухом — для начальства, я встречался с ними в условленных местах, в тюремных изоляторах и в переполненных больничных коридорах. «Как все это случилось? — спрашивал я себя. — Как началась и отчего так долго длится бессмысленная война группировок? Кто они, эти «дрянные мальчишки», о которых говорит весь город, а теперь, может быть, уже и вся страна?

II

В городе дрались всегда.

И тридцать, и сорок, и пятьдесят лет тому назад ходили мальчишки и мужики «махаться» с соседними дворами, кварталами, районами. Дрались до первой крови и вскорости замирялись — так было заведено. За долгие годы драка стала неотъемлемой чертой города,

его неписаной традицией, его достопримечательностью. Через драку так или иначе проходили все городские ребята. И это было нормально. Город спал спокойно.

Пробуждение наступило в семьдесят восьмом году, когда в рабочем микрорайоне завода «Теплоконтроль» несколько молодых ребят объединились в вооруженную банду.

Из обвинительного заключения: «Молодежь, проживающая в микрорайоне завода «Теплоконтроль», в начале и середине семидесятых годов решила подчинить своему влиянию всю молодежь Приволжского района.

В связи с тем, что молодежь Новотатарской слободы и других микрорайонов не подчинялась влиянию, в сентябре — октябре 1977 года житель микрорайона «Теплоконтроль» Хантимиров Завдат организовал вооруженную устойчивую банду для нападения на граждан с целью физической расправы над ними.

В банде было 27 членов, из них 8 — несовершеннолетние.

За год банда совершила 61 преступление. На ее вооружении находилось 8 обрезов, пистолет системы «Парабеллум», револьвер системы «Смит-Вессон», ножи, 2 самодельные и 1 фабричная гранаты, ракетница, боеприпасы, металлическая арматура.

Тридцать первого августа семьдесят восьмого года около семи часов пополудни во двор ГПТУ-55 въехал грузовой



фургон. В скором времени сюда же стали приходить вооруженные молодые люди. Через полчаса все были в сборе, и фургон с людьми двинулся в сторону Новотатарской слободы. Здесь они еще раз проверили оружие и натянули на лица капроновые маски. Хантимиров приказал разделиться на две боевые группы, заблокировать обе стороны улицы и уничтожать каждого встречного. Первого же человека избили стальной арматурой. По второму — он ехал на мотоцикле — открыли беспорядочный огонь из обрезов, но промахнулись и тогда стали расстреливать проходящий мимо автобус. К счастью, никто не пострадал. Банда бежала вперед. Возле дома № 4 по улице Якуба прицельным огнем ранили двух военнослужащих милицмейской части. Потом столкнулись с группой прохожих и расстреляли их почти в упор. Женщина убита на месте, двое получили ранения. Кто-то бросил «лимонку». Но она не взорвалась. Еще через несколько минут банда ринулась к станции Вахитово и скрылась из виду. Террористическое нападение тридцать первого августа было последней попыткой Хантимирова подчинить себе Новотатарскую слободу. Вскоре банда «Тяп-ляп» была арестована и предстала перед судом. Завдат Хантимиров был приговорен к исключительной мере наказания и несколько месяцев спустя расстрелян в здании горьковской тюрьмы. Остальных членов банды суд приговорил к длительным срокам заключения.

С тех пор прошло уже десять лет и несколько амнистий. Постаревшие бандиты вновь возвращаются в город и не могут его узнать: новые лозунги, новые железобетонные кварталы, новые командиры собирают пацанов под свои боевые знамена.

Судя по всему, именно хантимировская банда была прообразом нынешних казанских группировок. Не в деталях, но в главном: та же организованность, та же сплоченность, та же полувоенная дисциплина и необъяснимая враждебность к чужим. И если спросить сегодняшних пацанов о событиях десятилетней давности, о том, какими глазами смотрят они на банду, ни один из них ни словом не обмолвится об убийствах и бессмысленном экстремизме хантимировцев, словно всего этого и не было вовсе, будто все это неизбежные издержки, ну, как насморк при простуде; зато непременно вспомнят пацаны десятки сказочных историй и легенд, помянут о небывалом товариществе робин-гудов семидесятых годов, расскажут о том, что каждый мальчишка чувствовал себя там человеком, что один был за всех, а все — за одного. Парадокс? Душевная глухота? Нравственный дальтонизм? Может быть, и так. Но может быть, и иначе? Ибо в обстановке, когда каждый за себя, может быть, старый мушкетерский принцип и есть та самая главная ценность, за которую хочется сражаться, хочется подражать?

Я далек от мысли, что нынешние группировки берут пример с тяпляповской банды в ее жестокостях, садизме, соревнуются по числу бессмысленных жертв. В ином же пример очевиден: тот самый принцип — один за всех... Впрочем, иных примеров для них и не было. При социальной незащищенности каждого они нашли защиту друг у друга. Это их и сплотило.

III

Административная карта Казани поделена на семь районов со своими органами управления и политической вла-

стью. Но есть и другая карта. На ней обозначены границы территорий молодежных группировок: территории «Грязи», «Калуги», «Пентагона» и многих, многих других. По данным Министерства внутренних дел Татарской АССР, город поделен сегодня между шестьюдесятью тремя группировками, насчитывающими в своих рядах более полутора тысяч человек. Однако, по мнению социологов Казанского университета, эти данные далеки от истинного положения вещей. Проведенные исследования свидетельствуют, что в городе действует около ста подростковых формирований, объединяющих несколько тысяч ребят. Сколько их на самом деле, не знает, пожалуй, никто. Одно ясно: то, что происходит в Казани, — это не бунт бездельничавшей детворы. Это социальное явление. Притом — массовое.

«В настоящее время, — сообщает одно из научных исследований этого феномена, — в Казани сложилась разветвленная, охватывающая весь город сеть подростковых группировок. Эта сеть подростковых организаций оказывает огромное влияние на жизнь всех подростков города. Сила влияния и воздействия группировок обусловлена прежде всего их железной дисциплиной, организованностью и своей массовостью; это, по существу, своеобразное государство с определенной иерархией, своими законами и нормами жизни».

«Государство в государстве» — пожалуй, наиболее точное определение казанского феномена. Пересечем его границы.

— Каждая группировка строится примерно по одному и тому же принципу, — разъяснял мне основы «молодежного обществоведения» заместитель

начальника уголовного розыска МВД ТАССР, в прошлом школьный учитель Савелий Тесис, — двенадцатилетние и четырнадцатилетние ребята относятся к разряду так называемой «шелухи»; взрослея, они становятся «суперами», потом приобщаются к «молодежи» и, наконец, выходят в «старики». Это те, кому исполняется восемнадцать. Ну, а во главе группировки, естественно, стоит лидер.

О лидерах, впрочем, нужно сказать отдельно. Некоторые сотрудники правоохранительных органов, да и возбужденное общественное мнение считают, что за казанскими группировками стоит чья-то властная рука, эдакий суперсекретный организатор, босс мафии, направляющий действия группировок в выгодное ему русло, изымающий из ребятах карманов в свой преступный доход баснословные суммы денег. Без шуток: разговоры идут о нескольких миллионах рублей. Ходят даже слухи, что не иначе все это «происки цэрэу», мол, его костлявая рука дотянулась до Казани, а «гнусные шпильки» из Лэнгли своими погаными долларами закупили на корню всю казанскую молодежь.

Как же все это щемяще знакомо! Будто и не было тех пятидесяти лет, отделяющих нас от времени, когда в любом пожаре или наводнении мерещилась диверсия иностранных разведок, а каждый мало-мальски трезво мыслящий человек автоматически становился резидентом и врагом народа. Нет, не избавиться нам от этой психологии до тех пор, пока не перестанем списывать скудные урожаи на непогоду, а дефицит колбасы объяснять большим количеством прожорливых домашних животных; пока все свои неудачи будем относить за счет каких-то там неведомых, чуть ли не потусторонних сил, а не за счет собственного разгильдяйства, десятилетиями воспитанного на принципе «народное — значит ничье», пока все свои достижения будем отождествлять с великим провидением мудрого вождя, а не с элементарным профессионализмом и профессиональной платой за него.

Чего уж удивляться секретному владыке казанских группировок! В многолетнем-то бреде и не такое привидится. Было бы на кого свалить собственные грехи.

Но лидеры все же есть. Ими становятся самые смелые, самые сильные — неважно, духом ли, или телом — пацаны. Лидеров не назначают. Их выбирает время и те ребята, с которыми испытал настоящую дружбу и пережил первую любовь.

С одним из них я встречался на тихой казанской улочке, возле кинотеатра. О встрече условились загодя, но, честно говоря, я не очень рассчитывал на его появление в условленном месте. Но он пришел. Не один. С приятелем. Договорились: никаких имен и фамилий — ведь не это главное в конце-то концов, да и потом стоит прослыть лидером, сразу же обрушатся неприятности: затаскают в милицию, на работе будут смотреть искоса. Словом, паспортные данные ни к чему. Как все это началось? Да очень просто. Занимался боксом. Удачно. Тренеры рисовали радужные перспективы. Может быть, поэтому пользовался авторитетом у дворовых ребят. Собирались почти каждый вечер. Болтали о том о сем. Дрались ли? Ну, конечно, дрались. В одной из таких стычек довольно серьезно ранили. Лежал в больнице. Из-за этой проклятой травмы не взяли в армию. А хотелось. Сейчас уже двадцать с небольшим. Свои проблемы. Надо обзаводиться семьей, надо матери помогать. Хорошо бы открыть кооперативный видеосалон. Чтоб ребята со всего района могли ходить, а то — один кинотеатр, в котором фильмы по месяцу крутят. Нет, мы не

БЧИШКИ

Дмитрий ЛИХАНОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»
Фото
Леонида ЛАЗАРЕВА



пьем и не курум. Наркотики? Это вообще позор нашего общества. Панки и всякие другие металлисты — точно чокнутые.

Потом подошли другие ребята — маленькие и большие, молчаливые и говорунки, скромные и пижоны — группировка. Обступили со всех сторон, разговорились.

Ребята, как оказалось, в основном из рабочих семей. Говорили все как есть: открыто, без экивоков.

— Жизнь у нас в Казани серая, беспросветная, — сказал один с игрушечным ружьем в руках, — пойти куда, один кинотеатр, гастроном «В гостях у сказки» торгует по карточкам. Тоскливо, и никакой перспективы на будущее. Если не посадят, всю жизнь будешь гробиться на заводе. Как наши родители.

— Вот-вот, — подхватил другой. — Моя мать уже двадцать восемь лет на заводе вкалывает. И все эти годы ей обещают квартиру. Она надеется. Живем в восьмером в однокомнатной шестнадцатиметровке.

— И мы тоже, — раздалось из толпы, — а мать тридцать пять лет отбарабанила. В самый раз половину Советской власти...

Я слушал их и думал: а ведь они не такие безмозглые громилы, которыми их представляет подчас общественное мнение. Все понимают, а обостренное чувство справедливости действительно наподобие кислорода растворено в их горячей крови. Без этого чувства и дышать, и жить невозможно.

— Понимаешь, — сказал мне в конце нашего долгого разговора бывший лидер, — о нас ходит больше слухов, чем правды. Все думают, что мы дрянные мальчишки. Но это не так. В нас немало хорошего, хотя есть, конечно, и дерьмо. Эти драки, например, эта бессмысленная война... Ты спрашивал о наших законах? Они элементарны. Вспомни детство.

И я вспомнил. Вспомнил свой двор. Вспомнил, что в драке надо стоять спиной к спине, что струсить — самое последнее дело, что сам пропадай, а товарища выручай. Так нас учили. Много я вспомнил в тот простуженный весенний вечер. И подумалось: действительно, у детства свои законы, и они мало меняются со временем, а уж тем более от того, где они существуют — в Казани или в Москве. Эти законы вечны, и мне они, честное слово, по душе. Одного не понимаю, одного не хочу принимать — вражды, ненависти, войны, которыми эти законы могут вдруг обернуться.

В Казани случилось именно так.

IV

Из обвинительного заключения: «8 августа 1985 года несовершеннолетние Михайлов, Хайруллин, Зиганшин, Самокуров и другие, организовав преступную группировку, собрались в парке Петрова. Вооружившись заранее подготовленными металлическими пластинами и палками, поехали на стадион «Локомотив», где после окончания матча между командами «Стрела» и «Локомотив», примерно в 18.00, стали избивать игроков и болельщиков команды «Локомотив», наносили им удары кулаками, ногами, палками, камнями. Они же примерно в 18.30 прибежали в лесной массив озера Лебяжье, где встретили вожатых и отдыхающих пионерлагеря «Дружба», после чего хулиганствующая группа начала избивать вожатых и отдыхающих пионерлагеря, нанося им удары кулаками, ногами и палками».

По имеющимся в распоряжении органов внутренних дел данным, особо жесткие стычки между группировками вспыхнули три-четыре года тому назад. Только в 1986 году по каналам «02»

пришло 1718 сообщений о подростковых драках. Не все из них подтвердились, но патрульные машины выезжали на место происшествия четыре раза на день. В 1985 году в совершении групповых преступлений приняло участие 624 подростка. В 1987 году несколько меньше — 522. За прошедшие три года в городе зафиксировано 60 массовых драк и 175 избиений. В пятнадцати случаях групповые драки заканчивались смертельным исходом. Вот он, этот небывалый, скорбный список жертв молодежной войны.

«28.10.87 у дома № 5 по улице Малая Крыловка был убит шестнадцатилетний Мангазов.

28.11.87 был убит четырнадцатилетний Степанов.

12.12.87 в групповой драке на Таврической улице убит Галиуллин 1970 года рождения.

28.02.88 в драке возле ЦУМа зарезан ножом Хайруллин и ранен Гатауллин.

2.03.88 во дворе дома № 129 по улице Декабристов был забит до смерти семнадцатилетний Галимов. Скончался в больнице.

10.03.88 в драке возле дома № 33 по улице Технической убит Хабибуллин.

14.03.88 у дома № 2 по улице Герцена погиб в драке Маулетдинов.

28.03.88 на улице Саид-Галеева во дворе Дома быта был обнаружен труп семнадцатилетнего Сабатова с ножевым ранением в сердце».

Те мартовские дни не забудутся, наверное, никогда. Почти каждая неделя приносила скорбные известия о новых жертвах междоусобных стычек, каждую неделю «скорая помощь» подвозила к зданию городского morgа истерзанные детские тела, а палаты и коридоры больницы наполнялись новыми ранеными.

— Раньше, — рассказывал мне заведующий нейрохирургическим отделением Виталий Яковлев, — внутричерепная гематома была большой редкостью. Теперь таких больных привозят чуть ли не каждый день. Ведь в этих драках прежде всего бьют по голове. Чтобы свалить с первого удара. Много ножевых ранений.

...Его привезли в больницу как раз в те мартовские дни. Привезли после драки, в безнадежном состоянии. Стальная арматура пробила его череп, затронула часть мозга. Тринадцать дней пролежал он в реанимации, перенес трепанацию, находился в состоянии комы.

Но он выжил и теперь спит на скрипучей панцирной койке в дальней палате, налево. Скоро ему домой. Разбудили. Открыл глаза, туманно смотрит по сторонам.

— Ну, как же ты попал сюда, парень?

— Не зна-а-аю.

— Ничего не помнишь?

— Не зна-а-аю.

И бессильно уронил свою бритую, с огромным шрамом голову на казенную, всю в инвентарных номерах подушку. Я не стал его больше спрашивать ни о чем. Я понял, что это бесполезно и на любой вопрос он будет тянуть свое бессмысленное «не зна-а-аю». Искра разума потухла в его глазах еще в марте, в год, когда ему исполнилось только семнадцать.

К сожалению, ни сухие строки милицеских протоколов, ни стенограммы судебных заседаний, ни истории болезней не могут сказать самого главного: что же в конце концов заставляет шестнадцатилетнего человека выхватывать нож и пронзять им чужое сердце? Что заставляет пацанов убивать таких же, как и сами они, мальчишек? Что чувствуют они в эти мгновения? Что творится в душах их и сердцах?

...В изоляторе тускло и тесно. То

и дело с железным скрипом отворяются тяжелые двери и гремят стальные ключи, где-то вдалеке гогочут, матерятся взрослые зэки. Юра не выглядит на свои восемнадцать. Маленький, невзрачный, весь какой-то съездившийся, а оттого кажущийся тихоней-семиклашкой. И лицо у него детское, кажется, он даже ни разу еще не брился. Если бы не черная роба, не бритая голова, можно подумать, что произошла какая-то нелепая случайность.

Но случайности исключались. Я читал материалы его уголовного дела. Этот мальчик — убийца.

Несколько месяцев тому назад, тоже в марте, Юра с товарищами собрался на похороны парня из дружественной группировки. По дороге на улице Декабристов нос к носу столкнулись с враждебной командой. Теперь сложно сказать: из-за чего вспыхнула драка, кто первый бросил приказ к атаке. Но это случилось. В ход пошли куски льда, ноги, руки и стальные шары. Враги побежали прочь. Не помня себя, Юра выхватил стальную арматуру, которую некоторое время тому назад выточил на уроке труда, бросился вперед и со всей силой ударил по голове какого-то парня. Разбежались. Парень остался лежать, заливая мартовский снег теплой кровью. «Скорая» доставила его в больницу. Там он и скончался.

Вспоминаю тот день, Юра рассказывал о том, что долго не знал, чем закончилась эта драка. Родители рассказывали, что какой-то подонок убил мальчика. Юра понял: этот подонок — он сам. Долго не мог заснуть. Ворочался, вставал, зажигал свет. Часа в два ночи наконец уснул. И ничего ему не снилось. Вскоре за ним пришли. Уже здесь, в камере, перелистывая материалы уголовного дела, он наткнулся на заключение судебно-медицинской экспертизы, увидел фотографии трупа. Но даже тогда не мог до конца поверить, что это он, именно он, Юра, убил человека. Все происшедшее тем мартовским утром словно было не с ним и не его, чужая рука нанесла тот удар.

— Что ты чувствовал? Помнишь?

— Плохо. Но мне кажется, что тогда я их всех ненавидел.

Пишу эти строки, а все равно никак не укладывается в моей голове смысл услышанного в тюремном изоляторе. Хоть недалеко ушел от собственного восемнадцатилетия, а понять не могу: откуда, откуда в них это, что за страшные смерчи проносятся, должно быть, в душе маленького человека, если он поднимает руку, — нет, не на врага, на ближнего своего лишь за то, что он из другого двора, как перепутались в его голове человеческие ценности и нравственные понятия, если может убить такого же, как и сам он, мальчишку, какой же силой должна обладать та ненависть, коли затмевает всяческий здравый смысл и даже страх перед смертью.

V

Но есть и другая сторона дела.

На недавнем партийном пленуме первый секретарь Татарского обкома КПСС Г. И. Усманов произнес речь, которая фактически стала руководством к действию для многих республиканских организаций.

«Нужно прямо сказать, — сказал, в частности, тов. Г. И. Усманов, — что органы внутренних дел проявляют нерешительность в пресечении подростковой преступности, а предпринимаемые ими меры пока не дают должных результатов». И далее: «С трибуны настоящего пленума мы вправе предупредить министра внутренних дел Кирилова о его персональной ответственности за принятие незамедлительных и действенных мер по пресечению столкновений подростковых группировок, выя-

влению лиц, толкающих подростков на противоправные действия».

Досталось и комсомолу. «Серьезного упрека заслуживает пассивная, неподготовительная позиция, занятая в этом вопросе обкомом и Казанским горкомом ВЛКСМ. Казалось бы, кому, как не комсомолу, взяться за наведение порядка в микрорайонах, противопоставив свой авторитет авторитету лидеров группировок, калечащих судьбы ребят?»

Вполне естественно, что ни министру внутренних дел, ни лидерам татарского комсомола вовсе не хочется, чтобы их склоняли на пленумах и в кабинетах обкома. Именно поэтому карательная машина была запущена на полные обороты.

Если вечером выйти на казанские улицы, почти повсюду можно встретить усиленные милицеские патрули, комсомольские отряды и небольшие компании взрослых с красными повязками на рукавах. Один только Кировский район Казани ежедневно охраняют 275 общественников, 5 машин РОВД и еще 15 автомобилей, полученных под это дело у районных предприятий.

— Уже три месяца держим оборону, — с гордостью охарактеризовал обстановку инструктор райкома партии.

Через несколько минут у подъезда многоэтажного дома мы уже разговаривали с местными «ополченцами»: интеллигентный дядя с бородкой, коренастый работяга, старушка да дедуля-пенсионер в подтяжках.

— Мы выходим на дежурство каждый вечер. По семь человек, вся площадь, — рассказывала старушка. — Что делаем? Охраняем дом от этих поганых группировок. Никого не пускаем. Только своих.

— Ну, а если все же прорвутся? — спрашиваю.

— Тогда на помощь позовем, — отозвался дедуля-пенсионер, вынул из кармана милицеский свисток и залил свистом свистнул.

С десятиклассниками из 121-й казанской школы я встречался на следующий день. Год назад к ним в школу пришли товарищи из райкома комсомола и настояли на создании оперативного отряда — некой альтернативы группировкам. Пообещали помещение, выделили зал для физкультурных упражнений. Предупредили: никакого рукоприкладства, только идейно-воспитательная работа. С тех пор прошло уже много времени, и сегодня отряд распался. «Почему?» — спрашиваю.

— Экзамены на носу, — сказал один, — не до этого.

— У нас просто нет никакого авторитета. А они такие сплоченные, что мы им иногда даже завидуем, — сказал другой.

— Не в этом дело, — вмешался третий, — просто в скором времени каждый такой отряд сам превращается в группировку.

Печальная участь постигла многих. Некоторое время тому назад распался альтернативный отряд «Каскад», теперь вот этот. Все, что происходит, — не случайность, скорее закономерность, ибо сама идея создания альтернативных молодежных отрядов оказалась мертворожденной. Вот что говорят на этот счет казанские социологи: «Альтернативные молодежные группы возникли как формы защиты подростков от группировок. По существу, эти группы выполняют часть функций милиции, участвуют в поддержании порядка на массовых мероприятиях, патрулируют улицы и т. д. Но самая важная проблема состоит в том, что, противопоставляясь группировкам с позиции силы, они теряют поддержку большей части подростков, они существуют как оппозиция к группировкам и не имеют при этом своего собственного содержания деятельности».

Оппозиция... Это слово редко произ-

мне, как руководителю Отдела, выпала здесь на долю тяжелая роль теоретической оппозиции Вавилову Н. И. Тяжелая потому, что при слабости местных партийных кадров специалистов, при ничтожной прослойке беспартийных специалистов, ориентирующихся на них, при системе проникновения в окружение Вавилова Н. И. карьеристов и врагов народа, инициатива критического отношения к местным теоретическим и рабочим традициям обречена без помощи на полный провал. Я испытал это на себе самом и испытываю это повседневно.

Т. Шунденко, назначенный замом Вавилова Н. И., как полагаю, и всякий другой заместитель, такой волевой и своенравной натуры, по моим представлениям, является эпизодом, с которым было бы сверхоптимистически связывать реальные перспективы подлинной теоретической и практической перестройки Ин-та. Но тот же Шунденко, освобожденный от постоянного и весьма искусного подавления инициативы со стороны Вавилова Н. И., обремененный доверием и привлеченный к полной ответственности за институт, т. е. назначенный не замом, а директором, осуществил бы скорее, полнее и лучше перестройку Института на практически строго целеустремленную селекционную работу и на подлинное (агрономическое и биологическое) и быстрое познание исходного материала для селекции. Вавилов Н. И. как специалист мог бы быть при этом использован лучше. Институт перестал бы быть синекурой одного человека — весьма и весьма большого специалиста, но путаника в теории, несомненно, неискренне работающего на наш строй, каким является Вавилов Н. И. Я не желаю быть пророком, но знаю, к этому придется прийти рано или поздно. Болото, каким является Институт, осушить руками Вавилова Н. И. невозможно, и роль его заместителей в этом отношении чудовищно тяжела, при очень скромных их возможностях в деле подбора и расстановки кадров. Эту прерогативу Вавилов оставляет всегда за собой.

Зав. отделом новых культур (Шлыков).

Не правда ли, из этого документа трудно предположить, что Н. И. Вавилов и назначенный вопреки его воле заместителем директора С. Н. Шунденко работали душа в душу?

Приведем еще одно свидетельство старейшего сотрудника ВИРа — доктора биологических наук Н. А. Базилевской.

«В Институте растениеводства — ВИРе — я работала с 1926 до 1941 г. под руководством академика Н. И. Вавилова. В середине 30-х годов был набор аспирантов, и тогда появился в качестве аспиранта С. Н. Шунденко. А в 1939 г. он оказался неожиданно для нас заместителем директора по науке.

В качестве зам. директора по науке Шунденко недоброжелательно относился к тем сотрудникам, кого он знал как соратников и учеников Вавилова. В те годы я была зам. председателя месткома (председателем была М. А. Шебалина). Нам часто приходилось обращаться к Шунденко как зам. директора в отсутствие Вавилова, и всегда это было нелегко — чувствовалась явная недоброжелательность.

Когда гонения на Вавилова усилились, нам стало ясно, что Шунденко назначен специально и посажен в кабинет, соседний с кабинетом Вавилова, где раньше сидел ученый секретарь, чтобы удобнее «наблюдать» за директором. В качестве зам. директора по науке он имел всегда свободный доступ в кабинет Вавилова в его отсутствие. И когда в столе Н. И. были найдены компрометирующие его письма от зарубежных ученых и ответы на эти письма, возникло подозрение в фальсификации, так как Вавилов сам писем не писал, а диктовал стенографистке и копии их едва ли держал в письменном столе.

Когда было организовано общее собрание коллектива по распоряжению «свыше», но под председательством месткома, на собрании выступил Шунденко. Он громил работу месткома за то, что они не сумели повернуть исследования ВИРа в нужном для сельского хозяйства СССР направлении, указанном Лысенко. Мне и Шебалиной он поставил в вину, что мы не рассмотрели в Вавиле врага народа и вовремя не сигнализировали, куда надо».

Ну, как здесь не обратиться к апрельской редакционной статье в «Правде», отвечающей на «аргументы» Нины Андреевой, весьма близкие авторам некоторых писем в редакцию (к счастью, их единицы):

«Сегодня мы знаем: массовым репрессиям подверглись многие тысячи коммунистов и беспартийных, хозяйственных и военных кадров, ученых и деятелей культуры... Такова правда, от нее никуда не денешься». И там же: «Но Правда оказалась во многом горькой».

Да, напрасны попытки реабилитировать сталинское прошлое. Как ни трудно, надо находить в себе мужество принять эту горькую правду. Ведь прошлое мы вспоминаем не для того, чтобы сводились счеты, а чтобы «извлечь уроки на будущее». (Кстати, редакция совсем не предполагала освещать деятельность людей типа Шунденко, они сами сейчас вынуждают нас это делать.)

Жалоба вторая. От Н. С. Толмачевой — дочери академика ВАСХНИЛ, полковника в отставке С. Н. Муромцева.

«В № 2 журнала «Огонек» за 1988 г., в статье В. Сойфера «Горький плод», написано, что мой отец — медицинский и ветеринарный микробиолог академик ВАСХНИЛ С. Н. Муромцев в период работы в органах НКВД — МГБ СССР был начальником тюрьмы — «шарашки».

Это клевета. В действительности С. Н. Муромцев — полковник медицинской службы — работал в органах НКВД — МГБ СССР с 1937 по 1951 г. в технических подразделениях по специальности. Начальником тюрьмы он не был. Об этом свидетельствует архивная справка за подписью начальника Центрального архива КГБ СССР, представленная мною редакции «Огонька». В дальнейшем, до смерти в 1960 г., С. Н. Муромцев являлся директором Института микробиологии и эпидемиологии им. Н. Ф. Гамалеи АМН СССР.

Подобное, мягко выражаясь, легкомыслие редакции очень тяжело обходится детям и внукам Сергея Николаевича. Не говоря уж о том, что мы, читатели «Огонька», рассчитываем, что на его страницах публикуется только правда.

Прошу опубликовать в качестве опровержения мое заявление».

Наталья Сергеевна Муромцева пришла в редакцию со своим адвокатом и принесла архивную справку из Центрального архива КГБ СССР, потребовав ее опубликовать.

«Гражданке Толмачевой Н. С., проживающей по адресу: г. Москва, ул. Нижегородская, д. 5, кв. 21.

Архивная справка.

Муромцев Сергей Николаевич, 1898 года рождения, уроженец Рязанской области, действительно с ноября 1937 года по август 1951 года состоял на службе в органах НКВД — МГБ СССР в качестве начальника и старшего научного сотрудника ряда технических подразделений, уволен по состоянию здоровья в звании полковника медицинской службы. Начальником специальной тюрьмы он не был.

Начальник Центрального архива КГБ СССР».

Любопытно, что возражения Н. С. Толмачевой вызвала лишь часть фразы из очерка, опубликованного в «Огоньке», где названа должность Муромцева, а не те строки, где говорится, что он «глумился над находившимися в заключении академиками Л. А. Зильбером и П. Ф. Здродовским».

Мы приносим извинения Н. С. Толмачевой по поводу неточно названной должности, занимаемой тогда Муромцевым в органах НКВД. Дело в том, что находящимся в заключении ученым точное название учреждения, куда их из тюрьмы возили под стражей, было не известно, и между собой они называли его «спецтюрьмой», «шарашкой». Кстати, в самой должности руководителя такой «шарашки» тоже нет ничего позорного. Многие реабилитированные ученые с благодарностью вспоминают начальников — сотрудников НКВД, которые, руководя подобными учреждениями, всячески стремились облегчить участь ученых, находящихся в заключении, рискуя подчас собственной свободой, даже жизнью.

Таков ли был Муромцев?

С болью читаешь лаконичное, сдержанное заявление, где кровоточит каждая строчка, вдовы академика П. Ф. Здродовского — Елены Михайловны Голиневич. Е. М. Голиневич — доктор медицинских наук, профессор, лауреат Ленинской премии, много лет проработала в Институте эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи.

«Сообщение, касающееся П. Ф. Здродовского (моего мужа) в статье «Горький плод» («Огонек», 1988, № 2), полностью соответствует истине.

Мой муж Павел Феликсович Здродовский, по возвращении из заключения, мне неоднократно говорил о том, что ему легче было переносить допросы на следствии, чем работать в «шарашке» под начальством С. Н. Муромцева. «Как заключенный я должен был молчать на все унижительные глумления, которые допускал в мой адрес С. Н. Муромцев. Каждый день, когда меня вели из внутренней тюрьмы в «шарашку», — я ехал как на заклание», — говорил он.

В дальнейшем С. Н. Муромцев был назначен директором Института эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи АМН СССР (с 8.03. 1956 г. по 14.12.1960 г.).

В связи с этим П. Ф. Здродовский пошел к президенту АМН СССР академику А. Н. Бакулеву и подал ему заявление, что он вынужден уйти из ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи, так как не считает для себя возможным работать под начальством С. Н. Муромцева.

П. Ф. Здродовский не работал в ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи АМН СССР в течение того времени, что там был директором С. Н. Муромцев».

Е. М. Голиневич полностью поддерживают и другие сотрудники института, работающие там и сегодня, ученики академиков П. Ф. Здродовского и Л. А. Зильбера.

«В полемике, возникшей в Вашем журнале «Огонек» № 12, 1988 г.), были высказаны противоположные мнения о С. Н. Муромцеве, одном из сторонников Лысенко. В частности, к его научным заслугам было отнесено и его недолгое директорство в одном из старейших и ведущих микробиологических институтов нашей страны — Институте эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи АМН СССР.

Мы, работавшие много лет в этом Институте, в отделах, руководимых академиками АМН СССР Л. А. Зильбером и В. Д. Тимаковым, хорошо помним то время, когда в конце 50-х годов и. о. директора Института был назначен С. Н. Муромцев. Он был прислан в Институт со стороны, никто не знал откуда. Может быть, кто-либо из микробиологов и знал его работы, но широким кругам институтских сотрудников он был знаком лишь по выступлению на сессии ВАСХНИЛ с заявлением, что «микробиология ждет своего Лысенко».

Но академики АМН СССР — П. Ф. Здродовский и Л. А. Зильбер — знали нового директора и в другой роли — как начальника микробиологической «шарашки», где использовались бывшие в заключении ученые-микробиологи.

П. Ф. Здродовский, в будущем лауреат Ленинской премии и Герой Социали-

стического Труда, был одним из них, и приход С. Н. Муромцева он встретил резким протестом, перестав ходить в Институт. Здродовский добился вывода своего отдела из Института и вернулся в ИЭМ им. Гамалеи только, когда там стал другой директор. От Л. А. Зильбера мы знаем, что он, находясь в заключении, наотрез отказался работать в микробиологической «шарашке», где условия этой работы были таковы, что он сам подал прошение о переводе в лагерь на общие работы. И только благодаря счастливому случаю был направлен в химическую «шарашку», где смог работать и по опухолевым вирусам.

Приход С. Н. Муромцева в качестве и. о. директора Л. А. Зильбер встретил настороженно и враждебно. Вокруг его отдела сгустилась атмосфера, и Л. А. начал готовиться к выводу отдела из Института. Он перевел часть сотрудников в другой институт и готовил там условия для перехода всего отдела.

В какой-то момент терпение Л. А. лопнуло: он пришел в кабинет директора, запер его на ключ... Что было за дверью, мы не знаем, но известно, что были сломаны стулья, а Л. А. заявил нам после этого, что можно работать спокойно — в отделе никого не тронут.

По свидетельству Г. И. Степанченко, бывшей в то время зам. директора ИЭМ им. Гамалеи, на партийном собрании института был поставлен вопрос о недопустимости в руководстве научно-исследовательским институтом методов, привычных Муромцеву по прежней работе в «специфических» учреждениях.

Несмотря на страх, который внушал новый директор, авторитетом ни в Институте, ни в Академии медицинских наук он не пользовался. В Институте его не выбрали в состав партийного бюро, в Академии дважды «прокатывали» на выборах в директора. Так что до самого конца он не был утвержденным директором Института, оставаясь «и. о.».

Мы хотели бы закончить это письмо тем, что директорство С. Н. Муромцева в ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи не оставило ни научного следа, ни доброй памяти в истории этого Института.

Член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии СССР Г. И. АБЕЛЕВ;
доктор биологических наук И. Н. КРЮКОВА;
доктор биологических наук, профессор В. Н. ГЕРШАНОВИЧ».

Понимаем, что родственникам Муромцева горько принять такую правду. Но ведь редакция не публиковала ранее эти письма, появление их в печати — вынужденный ответ на заявление Н. С. Толмачевой, обвинившей журнал в клевете. Однако хочется напомнить, что и у людей, несправедливо осужденных и томившихся в тюрьмах и лагерях, тоже были дети, жены, внуки... Им-то, родственникам «врагов народа», грозил не «суд общественности», а суд вполне реальный...

Письма их в редакцию читаешь совсем с иным чувством. Так, например, Игорь Борисович Паншин, проживающий в Норильске, спрашивает, не его ли отец, Борис Аркадьевич Паншин, упомянут в очерке С. Дяченко.

Да, автор имел в виду Бориса Аркадьевича Паншина, профессора, доктора сельскохозяйственных наук, заведующего отделом новых сахарных растений ВИРа. Давнишний друг и сотрудник Н. И. Вавилова тоже был вскоре арестован. Мы от души желаем успешной работы над научной биографией этого достойного ученого и человека.

В заключение хочется опять вернуться к апрельской статье в газете «Правда»: «Объективное требование жизни — «Больше социализма!» обязывает нас разобраться, что мы делали вчера и как делали».

Эта горькая правда выстрадана народом.

Отдел публицистики.



М. В. ДОБУЖИНСКИЙ.
ЧЕЛОВЕК В ОЧКАХ.
1905—1906.

СОБРАНИЕ
РУССКОЙ
ЖИВОПИСИ

XX
ВЕК

Начало см. на стр. 8.

это вихревые феерии, которые странно сплетают самозабвенную увлеченность и душевное смятение. В условиях русской жизни начала века такого рода мечтательная «праздничность» противопоставлялась трудной и безотрадной прозе будней тех лет и в этом смысле оказывалась откликом на всевышнее существование России того времени.

Нередко (но вовсе не постоянно) встречающиеся у мирискусников «иноземные» сюжеты вовсе не противоречат такому тезису. Конечно, художники объединения испытывали огромный интерес к культуре Запада, великолепно ее знали, вступали с ней в разносторонние контакты. Но это вовсе не затмевало их глубокой приверженности жизни родной страны. Запад они чаще всего изображали с русских позиций и на русский лад, отражая новый диапазон интересов интеллигенции России, ее все-сторонне достойное приобщение к мировому духовному процессу. Русской была их мечта о свободной и прекрасной жизни, их образная психология да и основные черты стиливой манеры.

Так и у Сомова. Конечно, скажем,

«Фейерверки» 1900-х годов, «Осмеянный поцелуй» (1908—1909), «Арлекин и дама» (1912), «Итальянская комедия» (1914) и некоторые другие композиции мастера сюжетно связаны с Францией или Италией, так же как знаменитый эскиз занавеса для «Свободного театра» (1913) сплетает мотивы западного классицизма и романтизма. Но, во-первых, в работах Сомова нет сколь-нибудь реальной географии — она условна и изображает мир празднеств, сверкающего веселья, душевной вольности «вообще», лишь с некоторой приблизительной костюмировкой (причем ее частое повторение в конце концов утомило самого художника. «От маркиз и парков моих меня тошнит», — записал он в дневнике за ноябрь 1914 года). Во-вторых, у Сомова есть десятки и десятки целиком русских сцен, то отнесен-



ГОРОДСКИЕ СНЫ.
ПОЦЕЛУЙ. 1916.



ОКНО ПАРИКМАХЕРСКОЙ.
1906.

ПРОВИНЦИЯ. 1830-е годы.
1907—1909.



ных к XVIII — началу XIX века («Прогулка после дождя», 1896, «Концерт», 1900, «Зима. Каток», 1915, и другие), то абсолютно современных («Купальщицы», 1899, «Белая ночь. Сергиево», 1897, «Семейное счастье», 1898—1900, «Зеленый склон за дорогой. Мартышкино», 1902, бесконечные «Радуги» и др.). Но и тут, в рамках национальных сюжетов, все предстает, как правило, в празднично-романтическом преображении, царством счастья и красоты. Такое преобразование принципиально для мирискусников, которым была свойственна своего рода «поэтическая оппозиция» к окружающей их жизни.

В отличие от многих других художественных направлений рубежа XIX — XX веков мастера «Мира искусства» не взрывали традиционную живописную форму, а лишь приспособляли ее для своих образных целей, широко используя опыт прошлого (в том числе и отечественного) искусства. Картины Сомова в этом смысле весьма показательны. Они построены на сочетании повествовательных и декоративных начал. В его композициях всегда есть строго продуманная линейно-рисуночная основа, которая затем расцветается на ярко-декоративный (иногда даже орнаментальный) лад. Импрессионистам и еще более радикальным новаторам на стыке XIX — XX веков такая система совершенно чужда (она, пожалуй, только в России и встречается: сравнения мирискусников с немецким модерном кажутся мне внешними и поверхностными).

Из такого в принципе «неживописного» мастерства легко высвобождается и обретает самостоятельное образно-стилевое значение графическая линия.

НА КОГО «ОСТАЕТСЯ РОССИЯ»

В издательстве «Современник» вышел сборник «Молодая российская поэма» (составитель Л. Баранова-Гонченко) с многозначительным названием «На тебя и меня остается Россия». Впрочем, дело не в названии — со вкусом у многих наших издательских работников сложные отношения. Все равно замечательно: молодому поколению дали возможность всерьез заявить о себе в таком непростом жанре, как поэма. Вот как будто отрадный «литературный факт» — самое время заметить, поддержать.

Словом, с большим интересом открыли мы «молодую» книжку с золотым тиснением. И сразу же поняли: ее выход — факт отнюдь не литературный — бери выше — общественно-политический! Главный принцип объединения авторов под одной обложкой не их молодость (многим «молодым» за сорок), не эпичность их дарования (поэмами в споре не именуется и «отрывки из...», и циклы стихов, и даже длинные стихотворения), главный принцип — идейная чистота и непримиримость к вездесущему врагу! Где его только не находят авторы сборника! Вот В. Лапшин, например, вспомнив времена своей молодости, обнаруживает заклятого врага даже в рентгенограммах: «В рентгенограммах зашатавшийся поп-арт Скелетом вывихнут под джазовый азарт». Не правда ли, интересное словцо изобрел стихотворец для пущей выразительности?

А вот бдительный В. Карпец в поэме «Татьянин день» перечисляет варианты возможных вражеских имен: Борис, Аркадий, Рой, Ада. Это они заставляют главного героя — незадачливого Женю поворачивать реки и затоплять храмы в то время, когда «окончилась разрядка». А вокруг — засилье вороватых и пернатых». Молодец! Не только разоблачил, но и удачный синоним подыскал.

У Ю. Зафесова к врагам конструктивное предложение: «Уходите за край — не держу! И солдаты не держат. Уносите задел ироничных жестоких идей. Уводите стада... Уходите за край! Да хранит вас нечистая сила! Заварившие свару во мне поминайте врага». (Вот уже и в себе врага нашли — что ж, возможно, это самое верное направление поиска.)

Ю. Лошниц не отстают от сотоварищей: «и фронт... — вот он, здесь. Лишь враг непонятен, прущий «на вы» — на каждую русскую вес». Ой, так ли уж непонятен, коли прет «на вы»?

Н. Колмогоров, тот просто переживает: «В тьме ночной при ясном свете дня враг трудился более меня... Я вздыхал. А он по всей планете плел свои невидимые сети...» Конечно! Во всех неудачах, непогодах и тем более бедах народа они, «зашапиренные» и «пернатые», виноваты! Надо только вывести их на чистую воду, и все будет хорошо. «Почему потускнели березы? Почему затаились бересты?» — задает риторический вопрос тот же Ю. Зафесов и сам же не мудрствуя лукаво отвечает: «Потому что от края до края бродит прорва вороньего грая».

А что, может быть, «молодым российским поэтам» прямо, без обиняков называть этого самого врага? Вдруг читатели знают, где он прячется, помогут скорее его найти и уничтожить, чтобы поэты смогли наконец вернуться к другим поискам: не врага, а собственного голоса, лица, мысли. Причем мысли действительно собственной, не заемной, тем более не групповой и столь привлекательной в своей незатейливости и универсальности. Да и формой авось овладеют!

Только плохо в это верится.

Вербуя рекрутов под знамена ненависти, российское издательство «Современник», увы, «оставляет Россию» в руках тех, кто и к родному языку относится пренебрежительно (см. выше). Назначая по своему усмотрению «истинно русскими» и «патриотами» каждого, кто согласится версифицировать в духе «Памяти», можно в конце концов лишиться народ величайшей ценности — любви к поэзии.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

давно, в пору первой русской революции, прогремели тут, пока что ничего существенно не изменив в жизни страны.

«Человек в очках» — одно из самых глубоких и сильных произведений, повествующих об умонастроениях русской интеллигенции в начале XX века. Иногда центрального персонажа этой композиции сравнивают с Климом Самгиным. Что-то общее тут, возможно, есть, хотя в облике, созданном Добужинским, преобладает стремление собраться и настоять на своем, чего так решительно не хватало мечущемуся и безвольному персонажу горьковской эпопеи. Кроме того, конечно, у Добужинского коллизия перенесена из конкретно-исторического в символизированный план: противопоставление «человек и город» выглядит здесь как непримиримый конфликт духовных и тупо-безликих, враждебных свободной мысли начал.

Чуть позднее такого рода символические идеи получают в городских композициях Добужинского еще более обобщающее, философическое решение. Он создает обширный цикл произведений по мотивам видов Лондона, Петербурга и Парижа в начале XX века. В них людей вовсе нет или они предстают мелкими букашками рядом с холодными громадами домов, мостов, стальных конструкций, разнородных промышленных сооружений. Образы такого свойства иногда называют урбанистическими, имея в виду изображение господства технической цивилизации, бездушной и как бы отчужденной от человека, принижающей и угнетающей его. Не только среди мирискусников, но и вообще в русском искусстве первой трети XX века Добужинский, пожалуй, был единственным художником, причастным к урбанизму. Причем не только в городских пейзажах, но и в целой серии композиций 1912—1921 годов, называемой «Городские сны». Это уже не виды, так или иначе трактуемые реально, но драматические фантазии, проникнутые тревогой за человека и человеческое в ситуации промышленно-технократического господства. Красноречива в этом смысле притча «Поцелуй» (1916). Обнаженные юноша и девушка, воплощение естественной человечности, слились в объятии, и, словно пораженные этим чистым душевным порывом, крестятся и рушатся небоскребы, колонны, каменные кумиры, чья власть над людьми оказалась временной и непрочной...

Если со своим протестом против механистичности и бездуховности некоторых новых явлений цивилизации, предтечей нынешних призывов сохранить экологию Земли Добужинский был одинок в кругу художественных современников, то поэтических параллелей у него много.

Чаще всего в связи с «городскими» произведениями Добужинского вспоминают стихи Блока — «Ночь, улица, фонарь, аптека...» или «Были как виденье неживой столицы...». Это оправданно и закономерно — образы перекликаются, а такая работа художника, как «Окно парикмахерской», кажется образительным вариантом блоковских строк. И все-таки неверно ограничиваться только сопоставлением Добужинский — Блок. Такое же, как и у автора «Городских снов», восприятие современного города было у некоторых других русских поэтов начала XX века — К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Анненского, В. Ходасевича...

Добужинский тысячами нитей связан с современной ему русской поэзией, психологией, культурой. Как и вообще «Мир искусства», одно из прекрасных порождений художественного гения России в двадцатом столетии.

Расцвет творчества М. Добужинского и К. Сомова именно с «Миром искусства» и связан. В поздние годы, после распада объединения, за рубежом, оба замечательных мастера уже не жили, а доживали. Их поздние произведения — бледная тень созданного на родине.

Александр КАМЕНСКИЙ

У Константина Сомова (а вслед за ним у некоторых других мирискусников) дело обстояло именно так. Большинство выполненных им портретов создано силуэтно-контурной линией, которая соединялась иногда со штриховкой и растушевкой. Среди этих портретов есть подлинные шедевры психологических характеристик. Похожий на мелодию флейты тонкий и плавный контур «Девочки Оли» (1896) — живое воплощение беспечального детства, ничем не омраченной душевной чистоты. Изящно-уточенный маэстро Евгений Лансере (1907). Задумавшийся, погруженный в себя Александр Блок (1907) — его губы что-то шепчут, взгляд затуманен. Какое в нем гордое достоинство, независимый дух!.. Холодный, собранный, с пронзительно-зорким взглядом Мстислав Добужинский (1910), который видит мир без грима и декораций, таким, каков он есть...

* * *

Сомов чрезвычайно точно и метко характеризовал в этом портрете своего давнего друга и соратника по «Миру искусства» Мстислава Валериановича Добужинского. Как и другие участники этого объединения, он обладал разносторонним образованием (юрист, живописец, гравер), широкой культурой, «всемерностью» многоязычных познаний. И особый мирискуснический артистизм жизневосприятия и художнической работы также свойствен ему в самой высокой мере. Но в некоторых отношениях Добужинский был решительно «сам по себе» и существенно отличался от своих художественных собратьев. Чуждый иллюзий и самогипноза, он обладал строгим и трезвым пониманием мира. Ирония, иногда и сарказм обычны в его работах, которые (в станковых жанрах) чаще всего посвящены современности. Правда, как книжный иллюстратор и театральные декоратор, он, естественно, нередко обращается к прошлым эпохам, но в картинах, акварелях, графических листах Добужинский несравнимо чаще, чем кто-либо иной из мирискусников, обращается к жизни своей эпохи.

Город. Петербург, Вильно (откуда родом предки художника и где жил его отец), Лондон, Мюнхен, Неаполь, Воронеж, Чернигов... И вообще город, обиталище людей, скрепление судеб истории и личностей, цветков нынешней цивилизации, поле ее надежд, тревог и драм, — вот центральная тема творчества Мстислава Добужинского. В отличие от большинства своих коллег по объединению он остроосознателен и чаще всего воспринимает городскую жизнь как своего рода срез событий, переживаний и конфликтов эпохи.

Это относится, кстати сказать, и к его немногочисленным «историческим» городским пейзажам. Их, собственно, только два. Это композиции, изображающие русские города в первой трети XIX века, — акварель «Провинция. 1830-е годы» (1907—1909) и темпера «Учение новобранцев при Николае I» (1910). Обе картины чрезвычайно саркастичны. В «Провинции» хаотичное сочетание гостиницы двора в ампирином стиле, пожарной каланчи и громоздящихся домишек в духе «деревянного классицизма», а также подробностей жизни заштатного города (расфуфыренная модница близ огромной лужи, к которой рвется вислоухая свинья, торговец вразнос, за которым мчатся гавкающие собаки, стаи галок над крышами и проч.) при всей своей нелепости и патриархальности как-то окаменевает и «становится во фронт», ибо в самом центре возвышается полосатый полицейский столб, а по соседству с ним так же размалеванная будка, около которой прикорнул старик городской. Оживший Гоголь! Смесь безалаберщины и полицейщины! И тупого, нерассуждающего солдафонства — этот оттенок жизни николаевской России воссоздает уже «Учение новобранцев при Николае I» с его настырно-ровными шеренгами шагающих под команду сол-

дат... Как разительно отличается старая Россия Добужинского от экскурсов в отечественную историю других мирискусников! У Е. Лансере — чинный и торжественный ритуал Царского Села, у А. Бенуа — «Елизавета Петровна изволит прогуливаться по улицам Петербурга», у И. Билибина — сказочные терема, дворцы и лики. А Добужинский жестко и беспощадно, с любовью и болью показывает «нечующую Россию», «страну рабов, страну господ»... Такая интонация сохраняется и в тех произведениях мастера, которые посвящены современному Петербургу. Хотя, как рассказывает художник в своих «Воспоминаниях», он «изучал по-настоящему архитектуру старого Петербурга» и полюбил «формы и пропорции русского ампира», лишь в очень немногих его ранних произведениях звучит столь свойственное мирискусникам любовное гордое дворцовой красотой столицы на Неве. Гораздо чаще у Добужинского Петербург угрюм, тревожен, мрачен. Не «строгий, стройный вид» классических фасадов показывает художник, а унылые задворки, однообразные прямоугольники домов и застилающие дымом небеса фабричные трубы («Город», 1904). Некоторые из петербургских видений Добужинского полны трагического ощущения заброшенности, одиночества, мучительного неуют в сияющей огнями и насмехающейся гримасами мертвенных манекенов столице («Кукла», 1905, «Окно парикмахерской», 1906). Непосредственно к этим произведениям художника примыкают его отклики на события 1905 года. Такая же кукла валяется на асфальте, забрызганном кровью демонстрантов, — в «Октябрьской идиллии» (1905). Это ведь тоже «городской пейзаж», никаких живых персонажей тут нет. Но Добужинский нашел изобразительные детали, которые рассказывают о расправе над восставшим народом ничуть не менее красноречиво, чем картины с подробно развернутым сюжетом. Не знаю, содержал ли для самого мастера цветной рисунок 1905 года «Умиротворение» оттенок пародии. Но образ России, которая, освещенная радугой (!), как град Китеж, всплывает со всеми своими кремлями, башнями и куполами из моря крови, выглядит как горько-современный парафраз на темы Сомова и Билибина...

После потрясений 1905 года петербургские пейзажи Добужинского становятся еще более печальными и драматичными. А люди в окружении этих городских видов чувствуют себя напряженно и скованно, их душевный мир полон противоречий и внутренней борьбы. Наиболее отчетливо и остро подобную коллизию художник запечатлел в акварельной композиции «Человек в очках» (1905—1906). Это портрет конкретного лица — писателя и критика К. Сюннерберга (писавшего под псевдонимом Конст. Эрберг), но композиция получила столь обобщенный, символизированный характер, что Добужинский предпочел отвлеченно-описательное название.

Сюннерберг стоит на фоне огромного окна, за которым расстилается обширный городской пейзаж. Какие-то складки, перерывающее поле — жалкий остаток живой природы, а за ними — вереницы домов, плотно и жестко охватывающих пространство. Город словно наступает на человека, захватывает его в свои беспощадные клещи. Фигура врезана в пейзаж, она как в клетке. Герой картины с трудом сдерживает внутреннее смятение: его настороженный взгляд почти не виден за поблескивающими стеклами очков. Но как беспокойны черты его лица, как отчаянно он сцепил руки, как волнуются складки корректного пиджака, как впивается в горло крахмальный воротничок! Бесспокойно, этот человек болезненно ощущает и все неустойчивое окружающей обстановки, и то наступление на душевную свободу, которое день за днем вершат дымные, каменные громады городов, а также те социальные бури, которые совсем не-

«ПИСАТЕЛЬСКАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Л. БРЕЖНЕВА ШИРОКО ИЗВЕСТНА. УЖЕ ГОТОВИЛСЯ ОБМЕН ЧЛЕНСКИХ БИЛЕТОВ СП СССР С ТЕМ, ЧТОБЫ ВРУЧИТЬ ЕМУ ПИСАТЕЛЬСКОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ ПОД НОМЕРОМ ОДИН — НЕ УСПЕЛИ. Ш. РАШИДОВ ОПЕРЕДИЛ СВОЕГО ВЫСОКОГО ПОКРОВИТЕЛЯ — МНОГИЕ ГОДЫ В СПРАВОЧНИКЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ЗНАЧИЛАСЬ ЕГО ФАМИЛИЯ, А «ПРОИЗВЕДЕНИЯ» ВЫХОДИЛИ В ЛУЧШИХ ЖУРНАЛАХ И ОТДЕЛЬНЫМИ КНИГАМИ. ЛОГИКА ЛЮБОГО КУЛЬТА ТАКОВА: ЕСЛИ «ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК» РЕСПУБЛИКИ «ПИСАТЕЛЬ», ТО ИМЕННО ОН ЛУЧШИЙ ПИСАТЕЛЬ. А КАК ЖИЛОСЬ РЯДОМ С НИМ ДРУГИМ УЗБЕКСКИМ ПИСАТЕЛЯМ — НЕ «ЛУЧШИМ», НО НАСТОЯЩИМ? СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ БЕСЕДУ С ОДНИМ ИЗ НИХ — ТИМУРОМ ПУЛАТОВЫМ.

Тимура Пулатова называют сегодня одним из самых популярных писателей Узбекистана. Но ни одну из книг, принесших ему известность и признание, — «Второе путешествие Каипа», «Владения», «Завсегдаты», «Страсти бухарского дома», «Черепаша Тарази» — писателю так и не удалось в свое время опубликовать у себя на родине в Ташкенте. Все они увидели свет в Москве. А в республике, где Тимур Пулатов жил и работал, его попросту замалчивали. И так продолжалось два десятилетия...

Судьба Тимура Пулатова — не досадное исключение. Она, к сожалению, оказалась типичной для тех узбекских литераторов, которые не пожелали слагать оды в честь Рашидова и его окружения, воспевать в своих очерках, поэмах и романах процветание Узбекистана и его «мудрого руководителя». Такие неугодные властям писатели подвергались преследованиям, а их произведения не печатались в республике. Обо всем этом говорилось на недавнем пленуме правления Союза писателей СССР.

Подробнее рассказать о литературной жизни в Узбекистане в эпоху Рашидова я и попросила Тимура Пулатова — теперь лауреата Государственной премии Узбекской ССР, члена Президиума правления Союза писателей республики. Эта тема интересна еще и потому, что Рашидов считался ведущим писателем республики, а его книги в обязательном порядке изучались в школах и вузах.

Начав разговор, я и не предполагала, что он окажется таким долгим и тягостным для моего собеседника.

Не знаю, у кого бы повернулся язык назвать его плохим руководителем, если сам Л. И. Брежнев дважды, в 1974 и в 1977 годах, прикрепляя к груди Рашидова Звезду Героя Социалистического Труда, называл его «многолетним и испытанным руководителем республики». И это в самый разгар приписок и других злоупотреблений в Узбекистане...

На Востоке существует древняя традиция, когда власть старается «облагородить» себя в глазах народа служением поэзии. Можно назвать множество имен правителей-поэтов. Их лавры, видимо, не давали покоя Рашидову...

— Но всегда была и поэзия, противостоящая деспотизму. Эпикурец Омар Хайям, Хафиз, поклявшийся «за улыбку любимой отдать Самарканд и Бухару», Фирдоуси, раздавший гонимому за поэму «Шах-наме» нищим...

— Но знаете, как называли правители таких поэтов, чтобы бросить на них тень? «Девона» — не от мира сего. «Девонной» для Рашидова были и те, кто пытался поставить под сомнение ценность его литературных произведений.

Известный наш прозаик, лауреат Государственной премии СССР А. Каххар подвергся гонениям за то, что выступил против выдвижения угодливыми литературными чиновниками романа Рашидова «Сильнее бури» на Ленинскую премию. На писательских собраниях, в печати те, кто еще вчера ходил в дружках и учениках Каххара, называли его дружно «очернителем цветущего Узбекистана», «бросающим тень на свой народ», как будто, оскорбленный до глубины души, мстительный Рашидов был синонимом Узбекистана и его народа. Даже К. Симонов и В. Овечкин, жившие в те годы в Ташкенте, не смогли защитить Каххара, и затравленный писатель рано ушел из жизни, так и не воплотив свои замыслы в книги. Теперь уже и в узком кругу было опасно отзываться о писателе Рашидове нелестно. Везде у него были доносчики. Донесли Рашидову, что литературовед Э. Рустамов в разговоре со своим аспирантом сказал: «Рашидов вовсе не такой писатель, каким хотя бы его представили наши критики». Ученик выдающегося русского ученого Е. Э. Бертельса, автор замечательного труда «Узбекская поэзия первой половины XV века», известного в Турции, Италии, по заданию Рашидова был обвинен присяжными критиками в «идейной всеядности», «мистицизме». Профессора Э. Рустамова, которому едва исполнилось пятьдесят лет, буквально «сгноили» в психиатрической больнице. Композитор, автор «Гимна Узбекской ССР» М. Бурханов все эти годы был на положении изгоя из-за того, что посмел выступить против кандидатуры председателя Союза композиторов, предложенного Рашидовым. Выпады против членов своего клана Рашидов воспринимал как выпа-

ды вдохновенное, до чего не мог дотянуться ум Рашидова, подвергалось остракизму. Не согрешу против истины, если скажу: в годы правления Рашидова — а они длились почти четверть века — в искусстве снова воцарился сталинизм, с его методами и целями. В короткий период «хрущевской оттепели» к читателям вернулись лишь несколько наших национальных писателей, незаконно репрессированных. На остальных, кто был посмертно реабилитирован, — таких, как Чулпан, Фитрат, — Рашидов снова наложил запрет...

— Известно, что литературное творчество Рашидова анализировалось, а вернее, беззастенчиво восхвалялось во многих научных монографиях, диссертациях. Некоторые из этих «научных» трудов были защищены в Москве. Сейчас можно спокойно и объективно оценить сочинения Рашидова. Что они представляют, на ваш взгляд?

— Пусть простят мне кандидаты и доктора наук, защитившие диссертации по творчеству Рашидова, если скажу: все, написанное им, начиная с первого стихотворного сборника, «Мой гнев», и кончая его прозаическими работами — романами «Сильнее бури», «Могучая волна», — вторично и конъюнктурно. Ничего оригинального ни в сюжете, ни в манере письма. Темы для своих романов он брал из «Основных направлений пятилетнего плана развития Узбекской ССР». Это не преувеличение. «Глобальные» темы он брал себе, а остальные милостиво раздавал своим приближенным писателям, ибо темы эти считались престижными, наградами. Рашидов был убежден — и это видно из его литературно-критических работ, — что литература должна показывать жизнь лишь на высокой ноте прославления, напрочь отвергая ее противоречия, драматизм. Один из «проницательных» исследователей творчества Рашидова, этого «мастера лакировки действительности», писатель В. Кожевников, писал в предисловии к его книге, вышедшей в 1977 году: «У романов Шарафа Рашидова — точное место действия. В «Могучей волне» это строительство Фархадгэс (в книге — Галабагэс), в «Победителях» и «Сильнее бури» — Голодная степь. Но, по сути, изображенные автором события надо рассматривать в масштабах всего Узбекистана, в свете тех свершений, явлений, процессов, которые характерны для всей республики...»

После талантливых книг А. Кадыри, Айни, Чулпана, Айбека, А. Каххара в нашу литературу вернулась вульгарно-социологическая теория бесконфликтности. И воцарилась она благодаря авторитету «ведущего писателя республики». И это в то время, когда в многонациональной советской литературе работали Ф. Абрамов, В. Быков, И. Друцэ, Г. Матевосян... Но какое нам дело до

«нашей Родины»? Но куда только не полетит фантазия, чтобы собрать прекрасные цветы из первого цветника республики?! И Захидов сорвал редкий цветок — стал вскоре академиком...

— Беда не только в том, что Рашидов страдал «манией величия». Титул «выдающегося писателя республики» старательно поддерживали угодливые литераторы и критики. И наверняка среди тех, кто создавал культ писателя Рашидова, были не одни узбекские писатели. Вот вы назвали В. Кожевникова. Это бывший главный редактор журнала «Знамя»?

— Да, это он. Чтобы убедить скептиков, Рашидову, видимо, было недостаточно мнения узбекских критиков о своем творчестве. Ему очень хотелось прослыть всесоюзной и даже мировой литературной величиной. Что ж, благодаря публикациям в «Знамени», «Огоньке», статьям во многих журналах вплоть до солидных «Вопросов литературы», стараниями «Правды», «Литературной газеты», других центральных газет удалось создать Рашидову не только авторитет политического и общественного деятеля, но и писателя, стоящего в первом ряду многонациональной советской литературы.

С русскими писателями мы всегда связывали становление нашей послереволюционной литературы. Горький, Маяковский, Фадеев, Тихонов поддерживали все талантливое в узбекской литературе. В разные годы были среди нас Есенин, Луговской, Ахматова, оставив свой след в нашей художественной культуре. Повесть Платонова «Джан» заставила нас взглянуть на себя по-новому. В. Дудинцев, А. Тарковский, С. Липкин переводили как наших древних, так и современных авторов, отмечая достоинства литературы, которую дух народа сотворил за многие века... Жаль, что во времена Рашидова критерии оценок изменились, изменился и круг московских писателей, мнения которых о нашей литературе считались непререкаемыми.

— Понятно, на что рассчитывали соотечественники Рашидова, поющие ему осанну, — на звания, почести, награды... Но какой мог быть расчет у столичных литераторов? Они-то никак не завсели от Рашидова! А ведь воспевали А. Софронов, Н. Грибачев, да и не только они.

— Рашидова поддерживали те, кто имел с ним одинаковый взгляд на роль литературы. И вправду, не стал же хвалить Рашидова Федор Абрамов, который собирался приехать в Узбекистан, ибо очень интересовался древней нашей культурой. У меня хранятся его письма на этот счет. Дико представить, чтобы такой совестливый, до боли честный писатель способен был поддерживать бездарность! И К. Симонов не стал переводить Рашидова, хотя ему за

ПОД СЕНЬЮ «ОТЦА

Мы говорили несколько вечеров в Ташкенте, потом в Москве, когда Пулатов приехал на писательский пленум, и казалось, конца и края нет этой истории, в которой возникали все новые и новые факты, события, имена...

— Тяжело говорить о том времени, но надо. И не для сведения личных счетов, а для покаяния и очищения не на словах, не «на языке», а в тайниках души и совести... У нас в Узбекистане почему-то были уверены: Рашидов еще может стерпеть, если его назовут плохим руководителем, но не дай бог, если о нем скажут как о плохом писателе.

ды против самого себя. Одаренный кинорежиссер А. Хамраев был вынужден искать работу за пределами республики — в фильме «Белые, белые аисты» он посмел коснуться сложностей жизни; считалось, что в «рашидовском» Узбекистане сложность и драматизм бытия уже давно ушли в историю.

Я назову еще имена Шухрата, С. Зунуновой, Шукрулло, П. Кадырова — тех, кто не желал считать произведения Рашидова образцом для подражания, кто протестовал против профанации самого понятия «литература» и сознательного разрушения культуры народа, его морали и нравственности. Но все высокое

других литератур, когда у нас есть свой «живой классик»! На пятидесятилетие Рашидова тогдашний министр культуры Узбекской ССР В. Захидов писал на страницах журнала «Гулистан»: «Как хорошо, что нашей действительности и нашей жизни, нашей Родине и нашему труду исполнилось 50 лет... Как гордится в народе: «Будьте живы, пока стоит мир!» И пусть мы будем иметь счастье собирать прекрасные цветы из цветника Вашего творчества и составлять из них прекрасные букеты!» Поистине надо было иметь возбужденную эйфорией фантазию, чтобы отождествлять Рашидова с «нашей жизнью»,

это сулили разные блага! Зато «в пику» Рашидову переводил гонимого им А. Каххара. Не стал же восхвалять «деяния» Рашидова и его окружения В. Овечкин, хотя его возили по «образцово-показательным» хозяйствам и вкрадчиво внушали: «Все, за что вы ратовали в своих «Районных буднях», воплотилось здесь, в колхозе-миллионере!» После таких экскурсионных поездок Овечкин еще больше уходил в себя, мрачнел и неделями не выходил из дома, чувствуя, что за всей этой показухой скрываются обман, преступления... Зато Ю. Карасев, скрывшись от звуков внешнего мира на даче ЦК,



НАШИИ»

окруженной «райским» садом, переведил Рашидова, тот самый Карасев, который был известен скандальной статьей «Ложная значительность», где он пытался «развенчать» Бориса Пастернака. Очень нужный для литературы шаг, но недостаточный, чтобы стать членом Союза писателей, исключившего из своих рядов Пастернака. Надо еще в чем-то проявить себя. В Москве Карасева не принимают в Союз? Не беда. И по указанию Рашидова его, переводчика, принимают в члены Союза писателей СССР в Ташкенте, закрывая глаза на явное нарушение Устава, а секретариат Союза писателей СССР, как бы не заметив этого нарушения, утверждает решение республиканского Союза. Вот вам расчет! «Хозяин» щедр. У всех, кто хвалит Рашидова и его ближайшее окружение, кто переводит их, пропагандируя на всю страну, в Узбекистане выходят книги, им присваивают звания, их, в свою очередь, переводят на узбекский язык, а В. Кожевников удостоивается чести быть депутатом Верховного Совета СССР от нашей республики.

О приезде в республику «высоких гостей» — секретарей Союза писателей СССР, главных редакторов центральных газет и журналов — мы узнавали лишь после их отъезда — по щедрым интервью на телевидении и в газетах. Все они в один голос славил достижения республики во всех сферах жизни под «мудрым» руководством Рашидова, особо отмечали успехи в литературе и искусстве, называя дежурный список особо приближенных к Рашидову деятелей. Возможно, с тех «депутатских маршрутов», по которым их возили, были видны одни лишь достижения, ибо пролегли они в стороне от реальных дорог жизни. От трасс, по которым летали самолеты сельхозавиации, осыпая поля, на которых гнули спины дехкане, губительными для здоровья ядохимикатами, от кишлаков, где бедность соседствовала с сознательно культивируемым невежеством и где слышны были стоны и проклятия в адрес «новоявленных баев», нещадно эксплуатировавших свой многострадальный народ ради орденов, званий, должностей, ради золота и роскоши.

Стоило Андрею Битову свернуть с туристских трасс на дорогу жизни и выразить свои хивинские впечатления в «Азарте», как на него посыпались упреки в «неуважении к восточному гостеприимству». А Белла Ахмадулина? Едва она пронзительно раскрыла изнанку «рашидовского гостеприимства» и открыто высказалась об этом в одном из своих выступлений, как была поставлена в такие условия, что вынуждена была раньше времени уехать из республики.

— Значит, приезжие литераторы — авторы безудержно хвалебных статей — намеренно не видели творящихся безобразий?

— Не всегда. Вряд ли приезжая писательница Д. Калиновская, которая в 1982 году опубликовала в «Литгазете» очерк о генеральном директоре Папского аграрно-промышленного объединения Адылове, предполагала, что восхваляет главу воровской мафии и садиста. Вряд ли авторы «положительных» очерков в «Знамени», в «Огоньке» знали, что зачастую те, кого они «воспевают», — наглые преступники и казнокрады. Методика сбора ими материала для своих очерков была проста, ибо они ехали в «зону вне критики», заранее настроенные на оптимистический лад. Прямо из аэропорта их везли в ЦК республики, где им предлагались маршрут и «положительный герой». Еще более радушно их

встречали на месте, в обкоме, где уже были осведомлены «свыше» о цели приезда уважаемого писателя. Гостя, естественно, помещали на даче обкома, и с этой минуты каждый шаг его был заранее расписан. Пышные угощения, преподношения также входили в подмазку того механизма, в котором, как в красочном театрализованном действии, главные роли играли прекрасные работники высшего и среднего партийного и советского аппарата, министры...

— Да, журналисты, побывавшие в Узбекистане, в полной мере испытывали на себе, что значит «восточное гостеприимство». Но и силу восточного деспотизма тоже ощутили!

— ... Панегирики, выдававшиеся центральной печатью, тут же перепечатывали все газеты республики, и истерзанному ложью народу опять и опять внушали басни о том, какие у него замечательные руководители в районах, областях, в ЦК и Совмине! Господи, хотелось крикнуть иной раз: неужели мир, в котором «вначале было слово», от ложного слова и погибнет?! Чтобы выйти из порочного круга лжи, достаточно было повнимательнее посмотреть вокруг себя — не из окна «Волги»! Походив пешком по белым от соли полям, чтобы увидеть: метод обводнения, внедренный «великим мелиоратором» в Бухарской области, например, погубил тысячи и тысячи гектаров плодороднейшей земли, оставил города без питьевой воды. Земля гибла, а «рашидовцы» продолжали из года в год брать повышенные социалистические обязательства, обещая «довести» к 1986 году сбор хлопка до одного миллиона тонн, из коих ровно половину должны были «заготовить» с помощью приписок и махинаций. Повторяю, вряд ли те, кто создавал непрерываемый авторитет Рашидову как руководителю республики и ведущему писателю, кто пел дифирамбы его окружению, знали об их преступной деятельности, но иные о ней и знать не желали. Обидно, что едва пронесся слух по Узбекистану о том, что Адылов попался на махинациях, как журнал «Советский Союз» (№ 8, 1981 год), редактируемый «большим другом Узбекистана» Н. Грибачевым и издающийся, как известно, на многих языках мира, поместил большой фоторепортаж о возглавляемом им хозяйстве. И так было не с одним Адыловым. Как все это делалось?

А в самой республике под шум победных фанфар убрали последних «строптивых», чтобы замкнуть цепь вокруг «зон вне критики». Собкор «Известий» Г. Меликанц был вынужден уехать из-за того, что республиканскому руководству не понравились его критические выступления. «Неуживчивого» В. Карпова, нынешнего первого секретаря Союза писателей СССР, также вынудили уехать из Узбекистана.

— Просто удивительно, как Рашидов успевал все — руководить республикой, писать романы, вмешиваться в дела Союза писателей, указывая, кому дать звание, кого ввести в правление или послать делегатом на съезд в Москву!

— И так не только в литературе. Архитекторам советовал, как лучше строить помпезные дворцы за счет жилья трудящихся, художникам — рисовать картины, композиторам — сочинять музыку. Благодарные деятели искусства в ответ на заботу сочиняли балеты по мотивам его книг, кинематографисты снимали по ним фильмы, а художники вдохновлялись его образом для написания картин наподобие этой — «Л. И. Брежнев вручает Узбекистану орден Дружбы народов», где вторая по значению центральная фигура — Рашидов. Один за другим пришли к Рашидову на поклон и признали его «учителем» многие ученики писателя А. Каххара и композитора М. Бурханова, он их приласкал и награждал. Укорачивались таланты, урезался дух — все в литературе должно было быть чуть ниже уров-

Л. Брежнев и Ш. Рашидов.
Союз «писателей»...

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

ня Рашидова, чуть хуже написанного им. С циничным расчетом Рашидов ввел для своих приближенных возрастную цензу — по достижении шестидесятилетнего возраста им присваивалось звание народного писателя с обязательным изданием собрания сочинений, чтобы не только морально, но и материально возвысить их над всеми. Один из таких «народных» с восторгом рассказывал, как просил у Рашидова «подарить» ему тему для очередного романа. Тему Рашидов подарил и назвал срок, к которому роман должен быть написан, — к этому времени каждый год объявлялся список новых лауреатов Государственной премии республики. Уже образ самого Рашидова разрабатывался в романах, но скромности ради он разделял славу со своими приближенными — в прозе мы встретим и прообразы Каримова, Адылова и других. Почетные звания и награды получали и те, кто «увековечил» их в документальных фильмах.

Шестидесятилетие Рашидова было отмечено не только обилием статей, но и выходом монографии о его творчестве. Ему загода принесли список московских исследователей, из тех, кто мог бы ее написать. Фамилию желанного автора он обвел красным карандашом. На Востоке достигший шестидесятилетнего возраста — «возраста пророка», высоко чтится, как исполненный мудрости и достоинства. «Хозяина» с этого возраста стали называть в республике «отахон» — «отец нации». Любимым чтением «отца нации» стали романы Яна и «Жестокий век» Калашникова — о Чингисхане. Должно быть, он мнил себя в грезах владыкой Вселенной. Из современных авторов почитал Ч. Айтматова, правда, до тех пор, пока писатель не вмешался в водохозяйственный спор между Киргизией и Узбекистаном. Представляю, как был возмущен «отец нации», когда ему донесли о высказывании Р. Гамзатова! В один из своих приездов в Ташкент поэт, послушавшись восхвалений в адрес Рашидова, в сердцах воскликнул: «Нет, не будет у вас никогда своего Кайсына, своего Расула!»

— «Признанием всенародной любви» явилось издание известного собрания сочинений Рашидова в пяти томах в 1980 году в издательстве «Художественная литература». Выход собрания сочинений был вполне естественным актом. Как подчеркивал вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев в послесловии к пятитомнику Рашидова, во всем, что мы имели счастье прочитать, «художник, теоретик и публицист выступает в неразрывном единстве».

— Да, Рашидов был представлен публике и как выдающийся публицист со своей главной темой, красной нитью проходящей в его книгах «Знамя дружбы», «Ташкент — город братства», — темой интернационализма. Время от времени, по знаменательным датам, он выступал в «Правде» со статьями о дружбе народов. И хотя статьи эти состояли из дежурного набора общих фраз и штампованных выражений, они, видимо, давали автору дополнительный «политический капитал». Теперь мы знаем истинную цену «интернационализму по-рашидовски», который служил ширмой для обмана «государства пятнадцати братских республик». Творческая судьба Рашидова описала свой круг в тот год, когда он все же получил столь желанную Ленинскую премию. Правда, не в «области литературы», а геологии, да и то с группой товарищей. Никто тогда не спросил, какое отношение имеет Рашидов к разработке давно, еще с незапамятных времен известного месторождения золота на юге республики. И непонятно, почему не пожелал он теперь получить премию по литературе. Ведь, имея столько почитателей в лице секретарей Союза писателей СССР и главных редакторов центральных газет и журналов, Рашидов мог бы вполне пройти... Тем более что председателя Комитета Г. Маркова

называли у нас многолетним и испытанным другом узбекской литературы. Он переводил и тем самым пропагандировал ее «лучшие образцы» — произведения особо приближенных к Рашидову литераторов.

— Известно, что и вы сами немало пострадали в те годы. На недавнем пленуме Союза писателей СССР Адыл Якубов говорил, что каждое ваше новое произведение встречалось в республике в штыки. Расскажите поподробнее, как складывалась в таких условиях ваша писательская судьба.

— Поначалу все шло благополучно. Я напечатал в Ташкенте повесть, готовил вторую. Были положительные отзывы в печати. И так бы все шло по накатанной колее, если бы я вдруг не остановился и не подумал: куда иду? И стоило мне вернуться к серьезному, попытаться выразить жизнь во всей ее сложности, как тут же началось! Я имею в виду опубликованную в 1968 году в журнале «Дружба народов» повесть «Прочие населенные пункты». Один из секретарей нашего Союза писателей увидел в ней крамолу и написал Рашидову. Тот дал задание: разобраться! Была дана команда в «Литературную газету», которая напечатала сокращенный и отредактированный донос того самого секретаря Союза под категоричным названием «Нет такого пункта — Гаждиван!». Это был сигнал. Вскоре на Объединенном пленуме творческих союзов, в присутствии Рашидова, меня обвинили в «очернительстве». Выход повести совпал еще и с новой кампанией «закручивания гаек», когда власти в очередной раз решили отвести от себя недовольство населения их промахами и ошибками и ловко направить недовольство на творческую интеллигенцию, делая ее «козлом отпущения» и вызывая у публики превратное отношение к писателям, которые якобы все «чернят», все «охаивают», не давая возможности народу мобилизоваться для новых побед. После критики сразу последовали и оргвыводы. Книгу мою в ташкентском издательстве приостановили, меня самого вынудили уйти с киностудии, где я работал редактором. Естественно, приостановили и фильм, который снимался по мотивам «Прочих населенных пунктов», потребовал у режиссера совсем иной трактовки событий. Несмотря на материальные трудности, я понял, какое это благо — не зависеть от служебного кресла и от чьей-либо чиновничьей воли. Многие из тех, кто со мной начинал, уже преуспели в служебной карьере, зато все чаще в их глазах мелькают тоска и страх из-за того, что «наступили они на горло собственной песне». Я же решил, что надо держаться, как бы трудно ни было. «Доброжелатели» советовали написать хвалебную статью о Рашидове — и тогда все придет в норму. Я же не понимал, зачем Рашидову нужна похвала неизвестного, молодого писателя, что прибавит это в хор восторженных славословий в его адрес?! Затем я понял, что для него, человека с садиетскими наклонностями, важна была не столько моя похвала, сколько сам факт, что еще один молодой автор, пожелавший опростоволоситься, пришел к повинной, со склоненной головой, как бы усмехаясь над собственными романтическими устремлениями. «Наивный молодой человек», — ласково пожурил бы тогда «хозяин» и дал бы команду издательству выпустить мою книгу. Какое-то время спустя, когда Рашидову стало ясно, что я не пойду на такой шаг, начались угрозы. И не только в мой адрес, но и в адрес моих близких и родных... В этот период мне попала книга Ганди «Моя жизнь», и, прочитав ее, я понял, что если даже активно не нападать на зло, не бичевать его публично, а принять позицию несотрудничества со злом, можно добиться многого, можно выстоять и в итоге победить. Ведь зло растет, одолевает добро не потому, что имеет

самовосполняющуюся силу, а в результате того, что мы тратим из-за него свой душевный порыв. Стоит нам отпрянуть от зла, как магла его ядра начнет остывать... Конечно, моя позиция была граждански уязвимее позиции А. Каххара и других, открыто выступивших против зла Рашидова, но объясняется это общественным темпераментом.

Постепенно вокруг меня образовался вакуум, вчерашние друзья избегали меня, боясь всевидящего ока рашидовских доносчиков. Меня не печатали в Ташкенте, замалчивали в Союзе писателей, что также в итоге явилось благом. У меня была возможность писать, не отвлекаясь на дразги, склоки. Я научился невзгоды обращать себе на пользу, а это, согласитесь, тоже искусство жизни...

— Именем Рашидова — «рашидовщиной» — называем мы сегодня всякую преступную практику взятничества, бесстыдного нажима на руководство хозяйств с целью обеспечения высоких показателей любой ценой, вплоть до откровенных махинаций и приписок — целого отвратительного явления нашей жизни, которое мы пытаемся изжить. Как же удалось такому человеку, как Рашидов — судя по всему, личности вполне заурадной, серой, — взобраться на вершину власти и натворить столько бед? Неужели только благодаря связям, лести, умению вовремя смолчать перед сильным и вовремя оттолкнуть слабого? В чем кроется механизм возникновения «рашидовщины»?

— Отсутствие демократии, гласности сформировало «зоны вне критики», «руководителей вне критики». В продвижении к «высшей номенклатуре» зачастую играют роль второстепенные факторы, случайность. Даже в том, что именно Рашидов, а не кто другой, более достойный, занял пост первого секретаря ЦК Компартии республики, сыграла роль случайность. Активный участник тогдашних событий, старый большевик Р. Г. Гуламов рассказывал мне, что, когда на Бюро ЦК решался вопрос, кто будет первым секретарем, голоса разделились поровну за и против Рашидова. Уже была объявлена дата Пленума ЦК, а члены Бюро все продолжали спорить. Тогда, согласно легенде, представители ЦК КПСС, приехавшие в Ташкент, позвонили Н. С. Хрущеву: «Узбекские товарищи никак не могут договориться». «А кто там в списке кандидатур?» — спросил Н. С. Хрущев. Ему прочитали список. «Я из них только Рашидова знаю. Были вместе в Индии», — сказал Н. С. Хрущев, и эта его фраза, переданная членам Бюро ЦК, и решила исход голосования в пользу Рашидова... Надо учесть и само время, выдвинувшее Рашидова к вершинам власти, — середина 1959 года, время сложное, противоречивое, когда «оттепель» снова сменялась заморозками, и на горизонте уже маячили айсберги застоя. То есть Рашидов пришелся «ко двору» Брежневу, восстановившего авторитарные, командно-бюрократические методы руководства, «сталинизм без Сталина». Писатель М. Исмаили, работавший в конце сороковых годов вместе с Рашидовым в редакции газеты «Кизил Узбекистон», рассказывал, как будущий руководитель республики возмущался Сталиным, его разоблачениями «врагов народа». Занимавший одно время должность председателя Союза писателей Узбекистана, Рашидов принимал деятельное участие в сменявшихся друг друга кампаниях «борьбы против космополитизма» и «против национализма» в среде писателей...

— В Узбекистане мне не раз говорили, что в народе, как это ни странно, до сих пор многие с уважением относятся к памяти Рашидова. Неужели это правда?..

— Жаль, что нашими социологами еще не изучен общественный «феномен восприятия руководителя», все этапы этого восприятия, спады и подъемы.

Особенно это важно в обществе, где для руководителя не установлено конституционно ограничительного срока пребывания на посту. Известно, что каждого нового руководителя публика вначале воспринимает с изрядной долей критicismа, но затем критический дух остывает, а когда общественное мнение переваливает через «критический порог», и вовсе исчезает. Руководитель превращается в символ, которому общество великодушно приписывает свои достижения. Отсутствие «критического порога» обращает недостатки руководителя в его достоинства. Ухудшающуюся жизнь при Брежневе мы воспринимали как нечто неизбежное, не вызывающее критики. Так случилось и с Рашидовым. Жизнь на гигантском поле монокультуры хлопка, каким являлся Узбекистан, из года в год становилась невыносимей, а симпатии к Рашидову возрастали, разрисовывая его «культ личности» в образ «отца нации» — мудрого, доброго, думающего о благе народа. На образ «работали» и его личные качества — редкое самообладание, умение «казаться, а не быть». Я смотрю на его портрет — мягкий взгляд на благообразном лице — и думаю, что в других социальных условиях он стал бы имамом большой мечети и пользовался бы уважением среди прихожан. Он бы вполне мог быть автором выражения: «Политику делают грязными руками». Такие руководители в угоду политике предают друзей и единомышленников, как сделал Рашидов со своими товарищами по Бюро ЦК Р. Гуламовым, М. Мухамеджановым, ложь выдают за правду, беззаконие — за высшее благо. Когда исчез «критический порог» восприятия личности Рашидова, все, что ни делалось хорошего в Узбекистане — восстановление разрушенного землетрясением Ташкента, освоение Голодной степи, строительство нового города Навои, — приписывали «отцу нации».

— Точно так же, как находят желающие приписать Сталину наши успехи в годы первых пятилеток, победу в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление страны.

— И у нашего «местного Сталина» — Рашидова находятся свои защитники, уверенные в том, что он ничего не знал о злодеяниях «местного Берия» — бывшего министра внутренних дел Яхьяева, который, кстати, считался поэтом, был членом Союза писателей. Да, в республике за годы прошедших пятилеток сделано многое, но все это далось самоотверженным трудом народа. И когда сегодня указываешь на отрицательные последствия неразумного хозяйствования — сотни тысяч гектаров заболоченных земель в освоенной Голодной степи, на гибель Арала, — у многих срабатывает этот пресловутый «порог критической нечувствительности»: «Рашидов не виноват, виновато его окружение». Похоже, в годы правления Рашидова шло тонкое манипулирование общественным сознанием. Традиционное двуединство восточного мышления, в котором власть и сила «облагораживались» умом и талантом, было рассечено. Ум и талант, образованность и своеобразное видение мира подвергались остракизму, а власть и грубая сила вызвали поклонение. Почти сплошь крестьянское население республики так и не избавилось от восприятия верховной власти как «власти хозяина», и Рашидов умело использовал это для иерархических отношений между верхами, которым служат, и низами, которые служат. Отсюда и бытующее уважение к деспотизму, желание «сильной руки». Подобно тому как в стране есть те, кто спит и видит сны о «возвращении» Сталина, так и у нас немало тех, кто тоскует по рашидовским временам.

— Тем более что, несмотря на постоянные восхваления в печати литературного дара Рашидова, поговаривали, что даже эти посредственные произведения он не писал сам...

— В 1982 году было всенародно объявлено, что наш «ведущий писатель» решил осчастливить публику новым произведением — повестью «По велению сердца». Доверенный круг приближенных к Рашидову писателей пригласили в ЦК на «обсуждение», где было единодушно признано рождение нового шедевра. После публикации «По велению сердца» в узбекском журнале уже называли имя «литературного двойника» Рашидова, в произведениях которого встречаются темы, образы, обороты и выражения, перекочевавшие в повесть «отца нации». Тщательный текстологический анализ поможет обнаружить автора произведений, приписываемых Рашидову. Так же, как и подлинного автора «Малой земли». Ведь как справедливо пишет в № 4 «Огонька» за этот год ветеран войны Ф. Снегирев, «...Брежнев никогда не был ее автором, а следовательно, никогда не был выдающимся литератором. Непонятно, как могли присудить ему за это сочинение Ленинскую премию? Как он мог стать членом Союза писателей, когда в повседневной жизни не мог без заранее подготовленной шпаргалки привествовать своих товарищей по работе». Вот и Рашидов не мог без шпаргалки, боялся оторвать глаза от написанного казенными словами, бесцветного текста и бросить взгляд в дремавший зал.

— Как складывалась обстановка в литературе после Рашидова?

— К великому сожалению, после Рашидова мы стали свидетелями не борьбы правды с ложью, таланта с серостью, не борьбы здорового, независимого духа с пассивностью, страхом, поклонением «культу силы», а борьбы кланов.

Деятели, проводивших долгие годы политику Рашидова, посылали на «укрепление» сферы культуры — в различные госкомитеты, творческие союзы, журналы — благо все они, как и «отец нации», авторы романов и поэм. У нас считают, что творческий потенциал республики позволяет всем за всех писать, поэтому в Союз писателей охотно принимали министров, работников МВД, прокуратуры. Клановая борьба на Востоке имеет свои особенности, она не кончается смертельным исходом. Сильный клан подминает под себя ослабевший и принимает его в свои ряды. Так и работают по сей день те, кто создавал авторитет «ведущему писателю республики». Как жаждут они реванша! Первый легкий испуг прошел, перегруппировались, чуть откатившись в окопы, и теперь снова идут в наступление. Некоторые вернулись на свои прежние должности. Это те, кто погубил у нас целое поколение творческой молодежи, предложив ей ложные ориентиры...

В январе этого года в республике сменилось высшее руководство. Как хочется, чтобы скорее пронесся очистительный ветер перемен, чтобы гласность и демократия, честное служение литературе не оставались лишь благими намерениями, а стали нормой творческой жизни. Очень надеюсь, что те, кому сейчас 25—30 лет, принесут обновление нашей литературе. На Востоке рано зреют, но не всегда рано включаются в общественную и литературную жизнь. Я могу назвать с десяток имен молодых, из которых выйдет толк. Недавно одного из них наградили премией Госкомиздата и Союза писателей республики, но он отказался, заявив: «Я пишу не для премии, отдайте ее тому, кто спит и видит во сне, что его наградили». Литературные чиновники обиделись: «Мы его уважаем, а он нас нет». Чисто по-человечески я понимаю молодого поэта — он высказал свое отношение к награде, которая долгие годы была синонимом изворотливости, лживости и всех других качеств, не имеющих отношения к подлинному таланту.

Беседу вела
Наталья ЗАГАЛЬСКАЯ.



ВЕЛИКИЙ ЗОДЧИЙ

Он мечтал выложить на склоне Монсеррата герб Каталонии из многоцветной керамики, способный соизмеряться с горными вершинами гряды. Мечтал подвесить в ущелье между скалами гигантский колокол. Когда он работал в усадьбе Гуэль, то принципиально изменил проект лестницы, чтобы сохранить большую сосну. «Лестницу я могу сделать вам за три недели, но вся моя жизнь ушла бы на то, чтобы вырастить такую сосну».

Нет, он не строил, думал я, стоя перед собором Святого Семейства (Саграда Фамилия), в крипте которого Гауди похоронен. Нет, это не муки творчества. Он с наслаждением играл — как ребенок в песке на берегу моря. Как бог. «Амфион, древнейший из поэтов, — вспомнилось мне греческое, — извлекал из лиры столь сладкие звуки, что вечный мрамор, в котором заключена высшая чистота земли, сам стал складываться в колоннады, стены и ступени». Лирой Гауди были его мечты, фантазии, его любовь к Барселоне — и произведения сами рождались. Так кажется. Ну возможно ли сконструировать такое? Или дом Мила, что на одной из центральных улиц, который на дом-то и не похож: криволинейный лабиринт, пронизанный световыми дворишками фантастических очертаний, фасады волнистые, словно песчаное морское дно, и с блестящими осколками ракушек, рыбьей чешуи, а сверху вместо крыши лежит то ли огромная, не уснувшая еще рыба, то ли какое-то сказочное морское чудовище. Или многоэтажный дом в виде скалы, колоссального камня, покрытого густыми кудрявыми водорослями и цветами. А епископский дворец, словно выросший из земли и расцветший под солнцем, а коттедж Эль Каприччио, а балюстрады беседок, решетки, ограды, скульптуры на фасадах домов, скамьи, витражи!..

Во всем этом я увидел мечту об идеале, об абсолютной гармонии человека с окружающим миром, с природой, о городе, лишенном координат в пространстве и времени, воплощающем то, чего нет нигде, — такова Атлантида Платона, таковы «идеальные города» Томаса Мора, Филарете, Мартини, Вазари, Скамоцци... Но Гауди не утопист. Был в молодости анархистом, это да, а утопистом не был. В его домах живут люди, и живут с удобствами, с солнцем большую часть дня, и не хотят переезжать в новые. Гауди всего лишь попытался — по его словам — продолжить труд великих мастеров средневековья с той точки, на которой они остановились. Барселона создава-

лась веками. Со времен Древнего Рима осталась планировочная структура центра. Сохранилось множество памятников раннего средневековья и эпохи Ренессанса. А нынешнее лицо города создал в основном стиль модерн, пришедший сюда в семидесятых годах прошлого столетия. Но такое впечатление, во всяком случае, у меня, не архитектора и не искусствоведа, а обыкновенного туриста с картой в руках, что Барселону создавал, создает и, главное, будет создавать один человек, притом не останавливаясь ни на мгновение и никого не повторяя. И этот человек — гениальный Антонио Гауди.

Я понял: город производит потрясающее впечатление непрерывностью архитектурной культуры и культуры вообще. Ее не разрушали, как у нас; скажем, в двадцатые — тридцатые годы, и она не должна была возникать на определенных этапах истории из ничего вопреки законам. В мрачные времена здания пусть не реставрировались, но и не разрушались, не взрывались, неудобные той или иной религии, тому или иному политику. Открытия и озарения зодчих нарождались, вытекали из предыдущих, развивая, воплощая то, о чем мечтали отцы, и подготавливая будущие открытия, фантазии, мечты. Это, видимо, и есть одно из основных и непременных условий «идеального города» — непрерывность, думал я, стоя перед собором Святого Семейства.

Наши теоретики архитектуры Антонио Гауди не жаловали. Его «текущие и растущие» творения называли вычурными, формалистическими, мистическими, иррациональными, добавляя при этом, что «творчество Гауди усиленно пропагандируется на Западе и оказывает влияние на практику строительства». Вот и все, что было известно. Гауди и до сих пор у нас мало кто знает, хотя уже несколько поколений архитекторов черпают из этого родника, кто косвенно, кто, может быть, и непосредственно — в Барселоне я «узнал» многие строения. По-моему, необходимо у нас издавать альбом с репродукциями творений Гауди. Ручаясь, что даже многие из студентов архитектурных институтов их никогда не видели. А это ведь абсурд, потому что творчество Антонио Гауди, «поэта камня, превосходящего всех одержимых творцов силой своего дарования», оказало на архитектуру XX века не меньшее влияние, чем, скажем, творчество его земляка Пабло Пикассо на живопись и графику.

«Современная архитектура, — го-

ворил Оскар Нимейер, создатель города XXI века — Бразилиа, — преодолел период борьбы, нанесшей ей такой ущерб, пошла по пути художественной свободы, к новым решениям, насыщенным исканиями, новаторством и поэзией. Мы пытаемся представить себе образ мыслей великого Гауди, когда обращаемся к архитектурному барокко в нашем прошлом в надежде вернуть архитектуре причудливость, новизну, изысканность».

Собор Святого Семейства, называемый и храмом Отпущения грехов, — главное произведение Гауди, его «опера магна».

Началось строительство в 1884 году на народные пожертвования и неоднократно прекращалось из-за отсутствия денег. Сам Гауди отдавал на его строительство все, что было, а зарабатывал он немало, особенно после того, как его дом Кальвет был признан лучшим зданием 1900 года и со всего мира посыпались заказы. Но Гауди работал лишь в Барселоне и брался за то, что могло послужить его храму — средствами или в качестве эскиза, макета. Закончить храм при жизни он не надеялся. Он уже в начале строительства, еще совсем молодым человеком, говорил, что это дело трех поколений, но свою «апостолическую миссию» он поставил выполнить до конца.

Классический латинский крест в плане собора. Вокруг центральной апсиды семь часовен, шпилей, напоминающих муравейники термитов. Высота — сто семьдесят метров. Конечно, мистика. Но католическая мистика у Гауди соединена, перемешана с каким-то безумно веселым, красочным праздником жизни, с карнавалом, то уносящим в прошлое, к доблестным рыцарям и прекрасным дамам, то воспаряющим, возносящим тебя под облака и за облака, к детским грезам, с которыми самые счастливые — как Гауди — не расстаются до конца.

Сорок два года он возводил свой храм. Проекты детально не разрабатывал, чтобы не стеснять фантазию, чертежи закончить не успел, но ясно выразил главную мысль, мечту, чтобы архитекторы новых поколений продолжали. И собор Святого Семейства строится...

Скончался Антонио Гауди 10 июня 1926 года в возрасте семидесяти четырех лет. Погруженный в свои мысли, он шел на работу, к храму, и попал под первый в Барселоне, торжественно пущенный трамвай. Долго не могли установить личность погибшего. Думали, какой-то нищий.

Сергей МАРКОВ



Юлий ДАНИЭЛЬ

Юлий Даниэль — прозаик, поэт, переводчик. Юлий Даниэль — инвалид войны, человек очень трудной судьбы. Перед вами его первая публикация после более чем двадцатилетнего перерыва.

И Я ПРИШЕЛ...

* * *

Вспоминайте меня, я вам всем
по строке подарю.
Не тревожьте себя, я долги
заплачу к январю.
Я не буду хитрить и скулить,
о пощаде моля,
Это зрелость пришла, и пора
оплатить векселя.

Непутевый, хмельной, захлебнувшийся
плотью земной.
Я трепался и врал, чтобы вы
оставались со мной.
Как я мало дарил! И как много
я принял даров
Под неверный, под зыбкий, под мой
рассыпавшийся кров.

Я словами умел и убить, и
влюбить наповал.
И, теряя прицел, я себя самого
убивал.
Но благая судьба сочинила
счастливый конец:
Я достоин теперь ваших мыслей и
ваших сердец.

И меня к вам влечет, как бумагу
влечет к янтарю.
Вспоминайте меня — я вам всем
по строке подарю.
По неловкой, по горькой, тоскою
пропахшей строке,
Чтоб любили меня, когда буду
от вас вдалеке.

* * *

Бессмысленное, бесполезное
Моление о слепоте...
Нас эти нежат, соболезна,
И грубо скручивают те.

И все дано принять и вынести,
Но частоколом на пути:
Куда от подлой совместимости
Несовместимого уйти?

Все поняли, все сосчитали мы —
Бесстрашие дней и страх ночей,
Но что нам делать с сочетаньями
Несочетаемых вещей?

Есть солнце — с огненными патлами,
С размахом пьяным — там, ввне,
И есть — безрадостными пайками
Прямоугольными — в окне.

Есть мир — с округлыми коленями,
И с шепотом, и с дрожью губ,

И тут же, рядом, в том же времени —
Следы овчарок на снегу.

Параши ржавой жесть вонючая —
И в реках тени облаков,
И зарешеченный, заключенный
Гул ненаписанных стихов...

Во всякой — в злой ли,
в доброй — косности
Спокоен был бы пленный дух.
Позволь же мне не видеть, Господи,
Одно из двух.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И я пришел. И, севши у стола,
Проговорил заветное: «Я дома»;
И вдруг дыра оконного проема
В меня, как наваждение, вошла.

Беда вдовства, сиротства
и тоски
Бок о бок села, руку мне пожала
И копать отпылавшего пожара
С измятых стен плеснула мне
в зрачки.

Здесь шли бои. Здесь кровное
Держало фронт и раны бинтовало,
Здесь день за днем с усмешкой
бедовало
И маялось окопное житье.

Здесь властвовал непрочности
закон,
Он уцелел, он властен и поныне.
И воздух здесь, как водка
на полыни,
Глотай его, горяч и торек он.

И я пошел по битому стеклу
К тому углу, где в клочьях
писем наших
Губной помады медный карандашик,
Как стреляная гильза на полу.

И голос твой пронесся и затих,
И прозвучал, и смолкнул шелест
платья;

О, где мне взять горючие
проклятья
И причитанья прадедов моих?..

...Полы натерты. Весел цвет вина.
Промыты окна. Свеж букет осенний.
Для новых бед и новых потрясений
Готово все. Не кончена война.

НА РИНГЕ

Я вышел, боксом не владея,
Рискнув удачливой судьбой.
Не знал ни бога, ни людей я —
И проиграл до боя бой.

Толпа — грохочущая прорва,
Перчатки — парюю гранат...
Удар! Я смят, отброшен, взорван,
И спину мне обжег канат.

Удар! Бесстрастно смотрят судьи,
Как дышит голая душа,
Как до моей до тайной сути
Добрался мастер не спеша.

Он — бог. Его движенья четки,
Как протоколы — без прикрас,
И ставят черные перчатки
Удары — точки после фраз.

Мне от беды не отвертеться,
Меня везде достанет плеть,
А все ж не будет полотенце
У ног, постыдное, белеть!

Я жду: сейчас меня накажут
За дерзость и за простоту.
Ну что же — бей! Пускай нокаут
Под схваткой подведет черту.

Я поражение любое
Приму, зажав зубами крик, —
Не для победы, а для боя
Я шел на ринг.

СТИХИ О ВОДЕ

Она добра, она нежна,
Она не лжет, не изменяет,
Всех милует, все извиняет —
Так сострадательна она.

Не учит и не пристаёт,
А попросту над нами плачет
И наши слезы, плача, прячет,
Смывать их не перестает.

Я так устал от правоты
Земли и воздуха, и света,
Твердящих заклинанье это:
«Обязан ты, обязан ты!..»

Ну да, их логика тверда,
И я ведь верил ей вначале...
Ах, унеси мои печали,
Уйми их, добрая вода!

Войди в меня, как в пряжу нить,
И дай войти в твоё сиянье,
Чтоб слово милое «слиянью»
К его истокам возвратить.

Размой прямолинейность дней,
Пролепечи о дальнем лете...
Ты изо всех стихий на свете
Всего нужней, всего нежней.

* * *

Я устал огрызаться по-волчьи,
Кислотой въедаться в металл,

Я от ненависти, от желчи,
Я от челюстей сжатых устал.

Засмеяться, запеть хорошо бы,
Примиренно уснуть к десяти.
Только пошло из тягостной злобы
Мне от губ своих не отвести.

Я ночью и днюю с бедою,
Сушит глотку проклятый настой;
Кто нагнется с живою водою
Над убитой моей добротой?

Говорят, есть песчаная отмель,
Взрывы сосен и в море огни...
То, что молот бессмысленный
отнял,
Отдадут мне, быть может, они?

Говорят, есть луга и ущелья,
И леса, и роса, и жнивьё —
Может, в этом моё возвращенье,
Воскресенье, спасенье моё?

Может, так под овации лютен
Решено на Высоком суде:
От людей! Чтобы заново — к людям.
От себя! Чтобы снова — к себе!

СОТВОРЕНИЕ КУВШИНА

О, вечная мука гонимого круга,
Творца и творенья отчаянный бой!
Из праха, из глины, замешенной
круто,
Рождается тело, познавшее боль.

Струится под пальцами потная
глина,
Тоскует отброшенный лишний
ломоть...
Как страшно рождаться! Нагая,
без грима,
Вздыхается ввысь бессловесная
плоть.

Куда от тебя убежать, испытанье
Огнем и водою?.. Но кончится суд,
И будет звенеть благодарностью
тайной
Измученный, злой, сотворенный
сосуд.

Он заново создан и послан
на землю,
В родной и опасный земной неуют;
Кто знает, какому он глянется
зелью,
Какое вино в него люди нальют...

Но как бы и что бы судьба
ни решала б —
Он Мастером вылеплен. И до конца
В задумчивом отзвуке, в теле
шершавом
Пребудет рука и дыханье творца.

Идея создания мемориала, посвященного жертвам культа личности, возникла не сейчас, а после отважной, исторически переломной речи Хрущева на Двадцатом съезде партии. Эта идея звучала во многих речах на конференциях, собраниях, и просто так — в частных квартирах, в трамвайных вагонах, в очередях... Эта идея прозвучала и на Двадцать втором съезде, однако потом была замотана, заболтана, задвинута, — а грубо говоря, похерена. Среди тех, кто этой идеи испугался, был и человек, ее не прямо, но косвенно выдвинувший — сам Хрущев. Почему? Да потому, что, по выражению Черчилля, он был человеком, пытавшимся перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Одна нога Хрущева, как он ее ни пытался выдрать, прочно завязла в сталинском времени. Ему не хватило смелости признать на Двадцатом съезде, что во многих ошибках и преступлениях был виновен и он сам. Конечно, если бы он это признал, он бы мог быть снят. Но зато, очистив свою совесть, он бы мог стать совсем другим лидером совсем других перемен. А, не сказав исповеди, он продолжал оставаться человеком половинчатым, то есть нравственно легко уязвимым. Хрущев был снят правильно, но неправильными людьми. Брежнев не был сталинистом — он плакал, когда Галина Серебрякова рассказывала о своей лагерной жизни на встрече интеллигенции с правительством. Однако он совершил несколько инерционных сталинских ошибок. Все остальное — самонаградительство, утрата чувства реальности — лежит на плечах его окружения. Но одна из низших безнравственностей Брежнева и его окружения — это то, что идея создания мемориала была прочно забыта за устроительством чурбановых и щелоковых на постах, якобы охраняющих Родину. Идея создания мемориала вновь воскресла вместе с идеями перестройки. Эта идея шла «снизу», и ее первые энтузиасты были разрозненными, и вначале выглядели донкихотами. Но они постепенно начали объединяться — не на основе беспринципной мафиозности, как объединяются противники перестройки, трусливо выставившие впереди себя Нину Андрееву и превращающие живого человека просто-напросто в пробный шар — пройдет или не пройдет. Объединение вокруг идеи создания мемориала происходило, как слияние маленьких ручейков и речушек в величественную реку, становящуюся символом нации. Первыми ко мне обратились с этой идеей уральские писатели. Затем приходили рабочие, врачи, инженеры, студенты. Идея эта возникла повсеместно, но повсеместно возникало и сопротивление. Как же оно могло не возникнуть, если даже на партконференции некоторыми людьми произносились речи, толкающие назад от гласности, в безгласное прошлое, под которыми могла бы подписаться пресловутая Нина Андреева? Как же оно могло не возникнуть, если даже после стольких материалов прессы, убедительно раскрывающих участие Жданова и других соумышленников Сталина в преступлениях недавнего прошлого, до сих пор сохраняются их имена на географической карте, на стенах университетов? Дело не в любви к Сталину. Еще года два-три тому назад это могло быть любовью, происходящей от незнания, от исторической наивности. Сейчас в нашей печати опубликовано столько материалов, разоблачающих тогдашнюю тотальную войну против народа, что даже если девять десятых — это преувеличение, то хватит одной десятой, чтобы не быть наивными. Но ведь некоторым людям выгодно оставаться слепыми: они любят не Сталина, а свою слепоту. Наивность чисто-сердечная более или менее оправдываема, но высокооплачиваемая наивность — это исторический цинизм. Но идея мемориала поддерживается сейчас уже большинством народа, большинством партии. Это не идея реванша. Это не идея капитуляции социализма. Это идея очищения социализма. Нечистая совесть перед прошлым загрязняет настоящее, может загрязнить будущее. Мы хотим быть чи-

МЕМОРИАЛ СОВЕСТИ

стыми перед строгим взглядом наших детей. Памятники Сталину и его окружению были мемориалом бессовестности. Мемориал жертвам культа личности — это мемориал совести.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, академик

В многочисленных письмах со всех концов нашей страны, на собраниях и в резолюции XIX партийной конференции высказывалось мнение о необходимости воздвигнуть памятник жертвам сталинских репрессий. Мы в нравственном долгу перед теми, кто расстрелян, зарыт в общей яме, кто остался без отца и матери, кто прожил, скрываясь в страхе, кто разделил судьбу своего переселенного народа, кто остался без родимого дома. Жертвы и те, кто лишился не только родных, но и товарищей, друзей, поверил в их виновность или вынужден был притвориться, что верит в их виновность. Жертвы и те, что поддались порче морального климата, забыли или не научились доброделанию, дающему человеку высшее счастье.

Пусть памятник прошлому горю будет маяком к будущему справедливому счастью. Пусть он учит нас необходимости иметь справедливый и независимый суд, доверие к людям, честность и правдивость, блости достоинство других.

Пусть он будет напоминанием, чтобы честно прожили остаток своей жизни те, кто искалечил свою и чужую жизнь подлы-

ми доносами, несправедливыми действиями, работой в органах, творивших несправедливости.

Я убежден: мы никогда не сможем возместить наш долг, и все же уверен и в том, что поступлений в фонд памятника будет больше, чем нужно для одного монумента. Необходимо выбрать несколько мест (пусть народ их сам выберет), где должны быть воздвигнуты меньшие памятники, но с той же идеей. Примерно так: Соловки, Колыма, Воркута, Магадан.

Эммануил КОТЛЯР, читатель «Огонька»

Закончив в 1929 году московский институт, я был командирован ЦК ВЛКСМ на Сталинградский тракторный завод — первую комсомольскую стройку. Работал и мастером, и начальником конструкторского бюро управления реконструкции завода. Затем, как и сотни других работников завода, по ложному обвинению, был арестован. Пробыл в Заполярье в лагерях четырнадцать лет.

Излагаю свои соображения. Подобных памятников в истории не было. Как не было подобных масштабов и глубины содеянного зла. Парижане, в 1789 году сокрушившие Бастилию как символ тирании, освободили томящихся в ней заключенных и сровняли остатки здания с землей. Бараки и газовые камеры некоторых фашистских лагерей мы сохранили как суровое предупреждение грядущему челове-

ству. Сегодняшняя задача сложнее и многограннее. И дело не только в репрессиях к сынам и дочерям своего собственного народа, но и в том невосполнимом, преступном вреде, который был нанесен идее подлинного социализма.

Думается, не нужны грандиозные сооружения, подобные Мамаеву кургану в Волгограде. Строить, как раньше, десятки лет и тратить многие миллиарды? Нет, не надо. Нужен не памятник, а Мемориальный центр. Пусть не будет помпезного здания.

Главная задача Центра — информация. Пусть люди знают о количестве арестованных, казненных по суду и бессудно.

Пусть узнают о следствии и его методах. Директивных документах и физических насилиях. О судах, трибуналах, «тройках».

Обязательно надо показать бесчеловечное бытие и работу заключенных-лагерников. Они строили дороги, шахты, рудники, города, заводы. Воркута, Норильск, Магадан... Сколько их? Не счесть! Значит ли это, что принудительный труд оправдал себя в обществе, называвшем себя социалистическим? Вся общественно-политическая и хозяйственная система обрела себя на ничтожный коэффициент полезного действия. На десятки лет вперед.

Будут, непременно будут, я уверен, глупые исповеди, написанные кровью сердца. Вскроются и неизвестные факты, по-новому высветляющие исторические события и их причинность. Мемориальный центр мог бы стать средоточием сбора подобных материалов, а впоследствии их литературной и научной проработки, надеюсь, и изданий.

Вот почему Центр должен быть музеем, библиотекой и архивом одновременно, а главное — здесь должна жить историческая наука. Архивный фонд в рукописях, подлинниках и фотокопиях, хранимых в Госархивах. Читальный зал и кабинеты для научных, более длительных проработок. Экспозиционный зал, с постоянной, а частично и периодически сменяемой (по тематике) выставкой плакатов, фотодокументов, предметов быта из мест заключения, свидетельств пыток. Желательны тематические выставки графики, живописи, скульптуры.

КАКИМ БЫТЬ ПАМЯТНИКУ?

Пока неясно, в какой форме должна быть материализована память о жертвах репрессий: скульптурный памятник? Мемориальный центр? Или что-то другое?

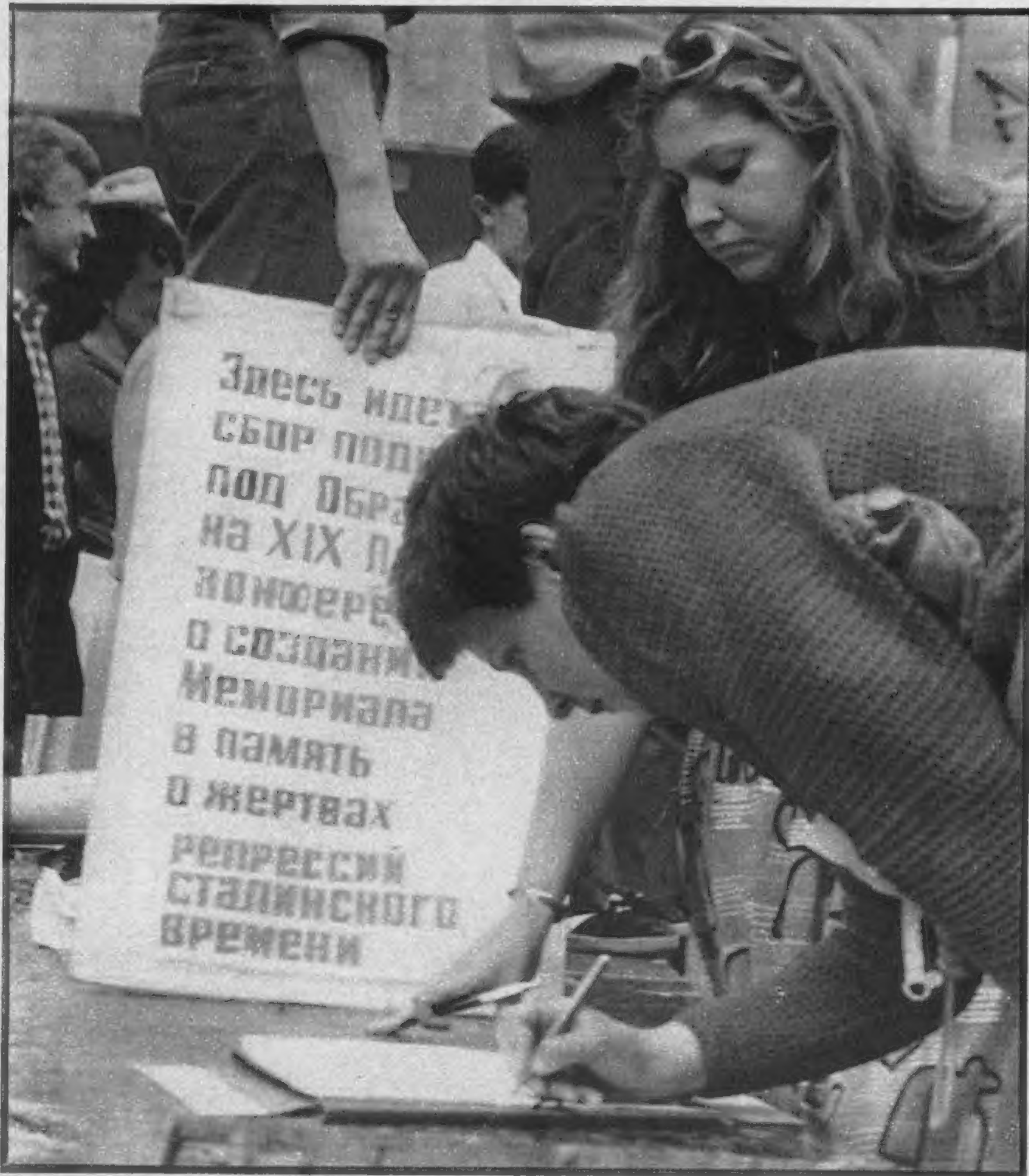
В этом обсуждении должны участвовать не только профессионалы — архитекторы, художники, скульпторы (для них, наверное, будет объявлен специальный конкурс), а все желающие, любой человек. Ведь осмысливать и решать судьбу народа может и должен народ.

Выставка предложений и проектов состоится в октябре — ноябре во Дворце культуры объединения «Московский электроламповый завод». ДК МЭЛЗ — достойная площадка для подобного дела: он в последние годы зарекомендовал себя как один из социально-политических центров столицы, дом, где ставят важнейшие общественные проблемы, где не боятся спорить и защищать свои убеждения.

«Огонек» считает, что необходимо открыть специальный банковский счет для сбора средств на строительство мемориала жертвам сталинских репрессий. Стихийно деньги уже идут в «Огонек».

Итак, адрес, по которому следует направлять проекты и предложения: 105023, Москва, площадь Журавлева, 1, Дворец культуры МЭЛЗ.

Фото Лазаря ШЕСТАКОВА



ДЛЯ БРАТЬЕВ

НАШИ X

НА ПОСЛЕДНЕЙ СЕССИИ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
ПРИНЯТ УКАЗ ОБ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЖЕСТОКОЕ
ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ.
ПОПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РСФСР ОКАЖЕТ
СУЩЕСТВЕННУЮ ПОМОЩЬ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ
В БОРЬБЕ С ТЕМИ, КТО
ПРОМЫШЛЯЕТ ИЗДЕЛИЯМИ ИЗ
ШКУР СОБАК И КОШЕК, В БОРЬБЕ
С ЖЕСТОКОСТЬЮ.

«О» гонек» уже писал (№ 20 за этот год) о проблемах, с которыми сталкиваются защитники животных. Теперь мы рады сообщить, что в московском Доме культуры «Красный Октябрь» состоялся благотворительный вечер «Даи лапу, друг!», средства от которого будут использованы на создание приюта для бездомных животных.

Более трехсот человек с удовольствием оплатили достаточно дорогие билеты. Однако кое-кто из пришедших оказался недовольным.

— Где овчарки? — раздавались голоса из зала.

Хочется ответить этим людям:

— Вы пришли сюда, чтобы получить бесплатно породистого щенка? Вы нас не поняли. Разведением породистых собак активно занимаются в столице, это очень интересное, увлекательное дело. Правда, и на собак, увы, цены растут — сегодня иной щенок стоит не одну сотню рублей! Мы же говорим о других собаках — о тех, что роются на наших глазах в мусорных баках, о тех, что рвутся из сетей собаколовов, о тех, что корчатся под удавкой подонка-шкуродера. Не на бесплатную раздачу дорогих живых игрушек приглашали мы вас. Мы думаем о спасении живого. Это спасение необходимо прежде всего самому человеку. Чем больше будет спасено животных, тем меньше будет убито людей. Связь тут самая прямая...

Поэтов М. Поздняева, А. Еременко, А. Парщикова, И. Кутика, о которых в последнее время много говорят и спорят, представлял критик, заведующий отделом литературы и искусства еженедельника «Неделя» А. Мальгин. Свои работы, посвященные защите природы, представили юные художники. Перед собравшимися выступила группа экспериментальной музыки «Проект».

Еще до начала вечера в фойе была развернута выставка домашних кошек, а после окончания выступлений на сцену вывели нескольких собак, которые нуждались в добром и заботливом хозяине. И такие хозяева нашлись. Животные, уже принявшие в своей короткой жизни многие муки, спасенные от смерти в душегубке, обрели наконец свой дом.

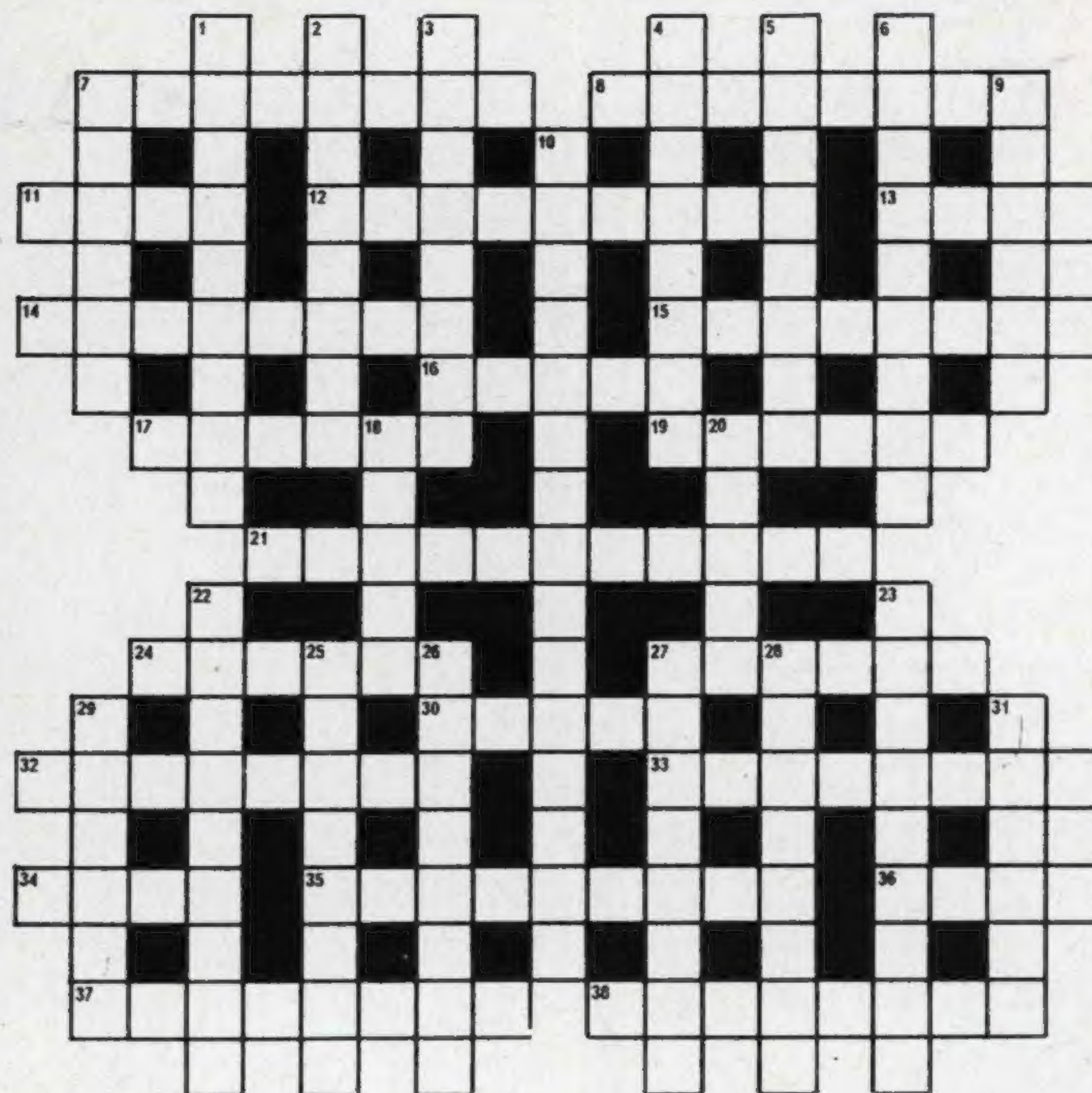
Более двадцати заявок остались в тот вечер неудовлетворенными. Но пока, к сожалению, желающих отдать собаку куда больше тех, кто хотел бы ее взять, так что все записавшиеся очень скоро свою собаку получат. Впрочем, может быть, всех мы и не знаем? Запись продолжается по телефонам: 310-10-47, 433-62-26. Сюда же можно сообщить о найденных и потерянных животных.

И. ПАВЛОВ

Фото Игоря ГАВРИЛОВА И
Игоря ЯКОВЛЕВА



МЕНЬШИХ



КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Рабочий-металлург. 8. Руда металла. 11. Французский композитор XIX века. 12. Агрегат для получения стали. 13. Роман М. Горького. 14. Вещество, приготовленное для лабораторного исследования. 15. Обработка резцом предварительно полученного отверстия. 16. Мыс на юго-восточном побережье Чукотского моря. 17. Общее название некоторых музыкальных инструментов. 19. Спутник планеты Юпитер. 21. Специалист, составляющий алгоритмы для вычислительной машины. 24. Меловой грунт в древней русской живописи. 27. Советский драматург. 30. Незаконченная поэма А. С. Пушкина. 32. Участник первой пролетарской революции в Париже. 33. Город в Красноярском крае. 34. Судовая лестница. 35. Певучая мелодия. 36. Остров в Восточно-Сибирском море. 37. Химический элемент, металл. 38. Горная выработка, сделанная буровым инструментом.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Органический ил, используемый для удобрения. 2. Скульптор, народный художник СССР. 3. Комплект мебели. 4. Резервуар, вагон для хранения и перевозки жидкостей. 5. Шуточная музыкальная пьеса. 6. Способ обработки металлов давлением. 7. Часть азиатской территории СССР. 9. Распространенный вид санскритской драмы в древней Индии. 10. Ликвидация на основании международного договора военных укреплений на определенной территории. 18. Приток Невы. 20. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 22. Элемент для определения степени нагрева в системах управления и контроля. 23. Движение маятника. 25. Перерывы в занятиях учебных заведений. 26. Химический элемент, металл. 27. Советский военачальник, генерал армии. 28. Судно с несколькими параллельными корпусами. 29. Специальное помещение в земле для хранения припасов. 31. Эстонский актер, народный артист СССР.

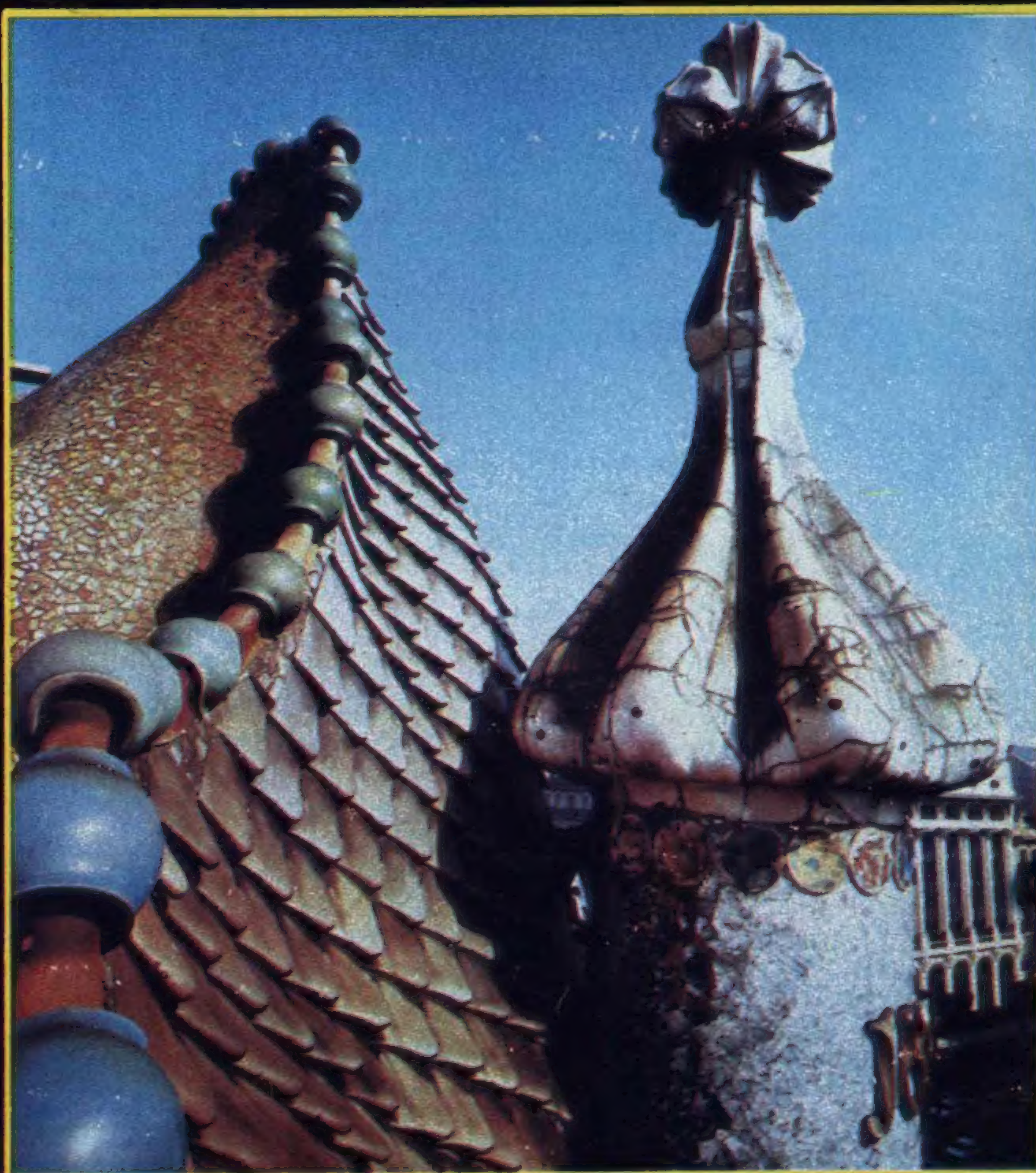
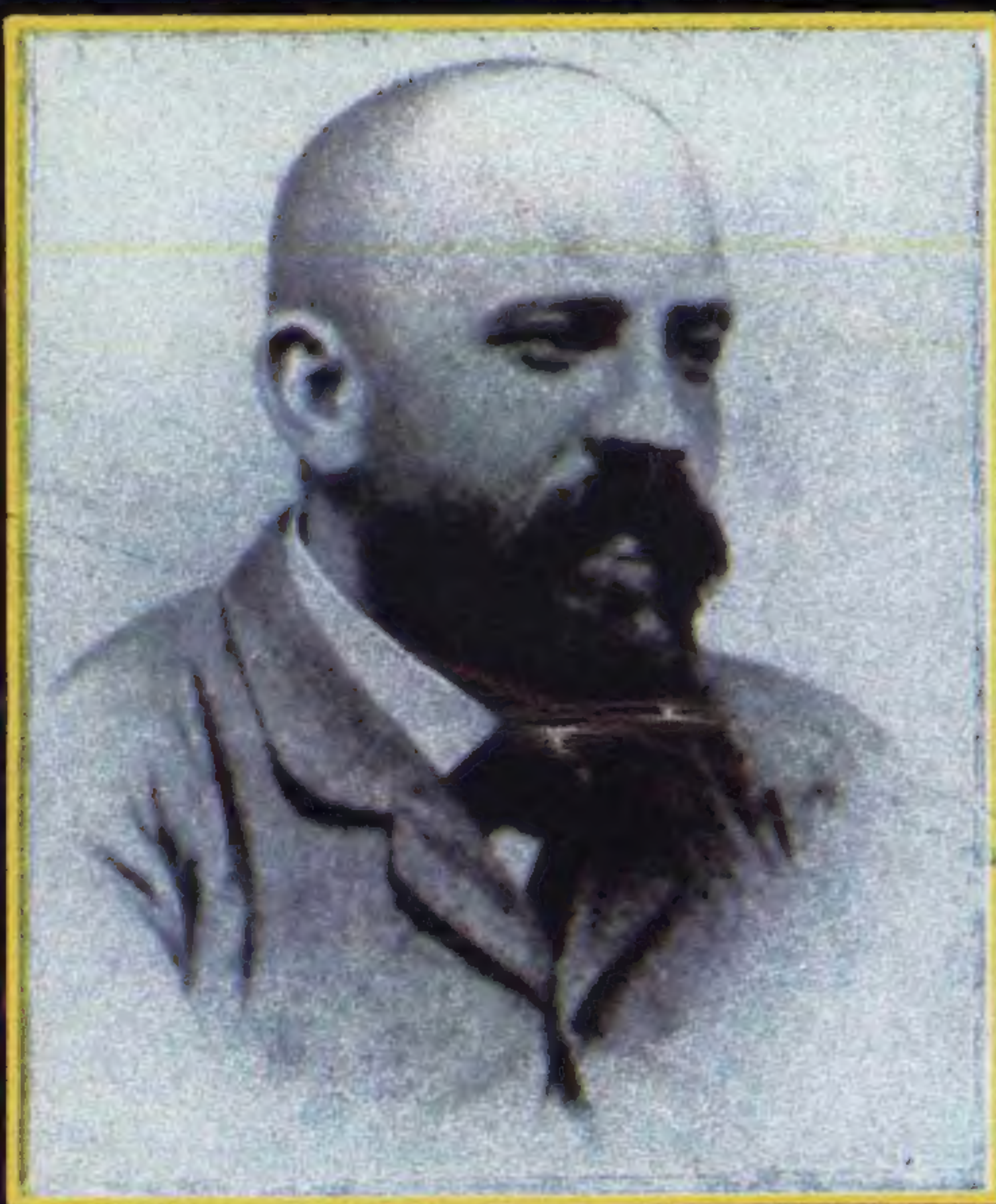
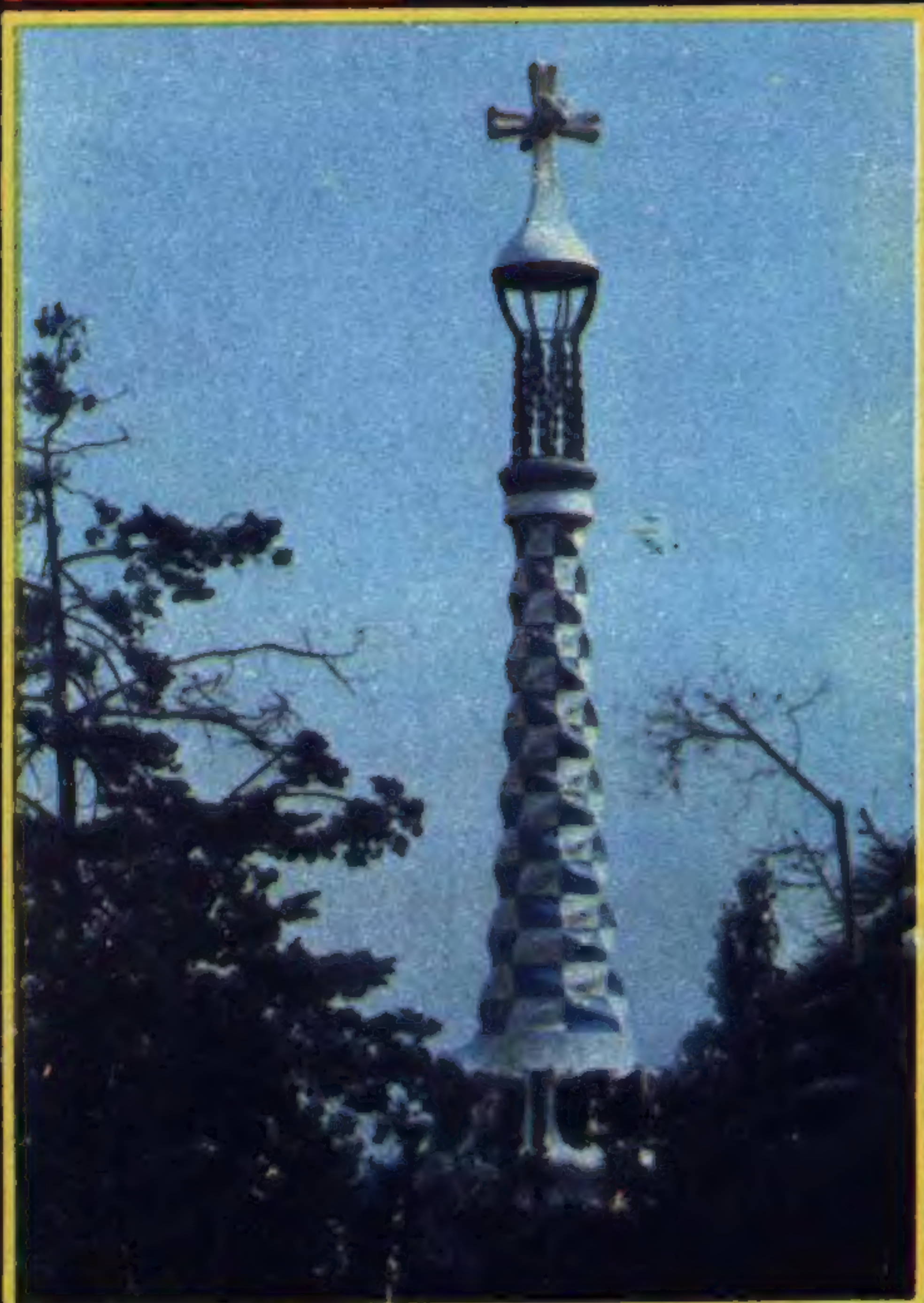
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Новатор. 8. Лауреат. 9. Клуб. 11. Качество. 12. Амбарчик. 13. Люкс. 14. Улов. 16. Усач. 18. Интермедия. 20. Кирилловка. 23. Трал. 26. Бриз. 28. Изаи. 29. Антифриз. 30. Стерлядь. 31. Мирт. 32. Шапорин. 33. «Муравей».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Коралл. 2. Санеев. 3. Ноктюрн. 4. Казбеги. 5. Урарту. 6. Малица. 9. Коллективизм. 10. Баскетболист. 15. Основа. 17. Сейнер. 18. Ирак. 19. Яшма. 21. Инерция. 22. Камерун. 24. Ренуар. 25. Луидор. 26. Балхаш. 27. Индеец.

НЕТ ПРОБЛЕМ? Рисунок Игоря КОПЕЛЬНИЦКОГО г. Черновцы



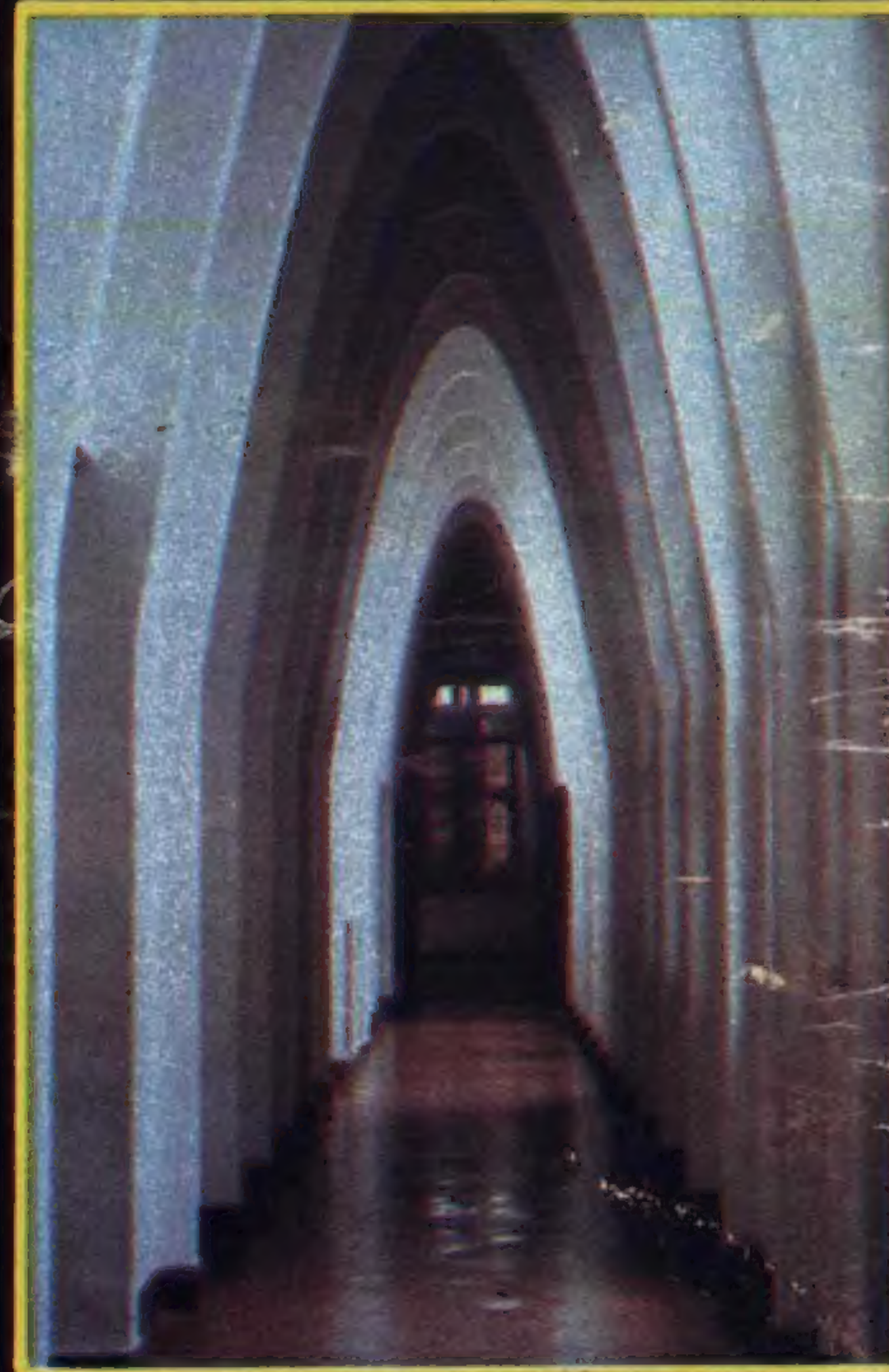


Н

и один город из тех, что я успел повидать в жизни, не производил на меня столь сильного впечатления. Сейчас,

когда пишу, я повторяю про себя слово «Барселона», и кажется, что это не название, а имя, что не город из камня, железа, стекла, в котором живет около двух миллионов человек, я имею в виду, а прекрасную женщину.

Вот этой женщине по имени Барселона, как Дон Кихот своей Дульсинеи, и служил всю жизнь скульптор, художник, зодчий Антонио Гауди-и-Корнет. А иных женщин у него не было. Он жил отшельни-



ком в шумном портовом городе и ничего не знал, кроме работы. Каталония дала миру Хуана Гриса, Сальвадора Дали, Хуана Миро, Бюньюэля, но все они из Каталонии ушли, а Гауди остался. Он никуда из своей Барселоны не уезжал. Даже в Париж, тогдашнюю Мекку художников, на выставку не поехал, потому что ему не нужен был Париж, как и ни один другой город в мире...

(См. в номере материал
Сергея Маркова
«Великий зодчий»)